

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

КЛЮЧИК

Галина Валентиновна Череди́й

Ключик

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57405452

Аннотация

Ее зовут Эмма. Она не человек – иное существо. Никто не знает, откуда она появилась и кто ее родители. Она может открывать любые двери. А еще, как выяснилось, и порталы в другие миры. И теперь Эмма служит в команде полукровок, не менее странных, чем она сама. Их называют демонским отродьем. Называют сексуально озабоченными, жестокими монстрами. На них проводят эксперименты и как пушечное мясо отправляют на те задания, где обычные военные бессильны. И полукровки идут, рискуя жизнью ради чистокровных людей. Тех самых, что презирают и боятся их. Его зовут Сеймас. Он – полудемон, один из сильнейших, и командир сплоченной команды. А еще тот, кто перевернул весь мир девочки Эммы и заставил поверить в то, что такие, как они, могут любить и быть любимыми. А еще есть люди и нелюди, которые мечтают использовать в своих целях способности Эммы, манипулируя и принуждая, лишая права самой выбирать свою судьбу. Сможет ли Эмма, пройдя многие испытания, которые ей уготовила судьба, сохранить свою любовь к Сеймасу и помочь друзьям найти мир, в котором каждый из них найдет свое счастье?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	18
Глава 2	30
Глава 3	52
Глава 4	66
Глава 5	80
Глава 6	98
Глава 7	113
Глава 8	129
Глава 9	147
Глава 10	162
Глава 11	178
Конец ознакомительного фрагмента.	194

Галина Валентиновна Чередий Ключик

Пролог

– Ну, кто следующий? – похабно ощерил желтые кривые зубы здоровенный мужик, демонстративно застегивая ширинку. – Я ее как раз усмирил, больше не дергается! Давно я таких холеных сучек не трахал.

На его плече отчетливо была видна татуировка, указывающая на принадлежность к одной из многочисленных уличных банд.

– Да ты такой, как она, в жизни не имел. Только потаскух и утюжил! – заржал другой, направляясь в ту комнату, из которой только вышел первый.

Через минуту он вылетел обратно.

– Твою мать, ублюдок, ты ее прикончил! – заорал он.

– Да ладно! Я только чуть придушил, чтобы не дергалась и не вопила! Посмотри лучше, – огрызнулся первый.

– Чего мне смотреть, я что, мертвых баб не видел? Она мертвее не бывает! Ты, урод криворукий, мне весь кайф обломал! Я тебя, сука, покалечу! – бесился второй бандит.

– Чего вы тут вопите? – вошел привлеченный шумом лидер банды.

– Этот ушлепок криворукий придушил телку, а я ее поиметь не успел!

– Ну, придушил и придушил, кончайте тут орать, пока нас федералы не накрыли. Берите все барахло и давайте валить!

В этот момент из комнаты, где лежало тело женщины, раздалось тихое хныканье и попискивание.

– Ну вот, а ты говоришь, придушил! – усмехнулся желтозубый.

Обиженный бандит сунулся обратно.

– Твою ж! Тут ребенок! Как вы его не заметили вообще?

– А он нам нужен? – огрызнулся амбал. – Сейчас младенца не вывезти из города на продажу, кругом заграждения!

– Ну, мля, жалко же! – неуверенно ответил мужчина, так и не показываясь остальным.

Главарь размашистым шагом вошел в комнату и безразлично переступил через распростертое на полу тело растерзанной молодой женщины.

– Пошли, Лысый! Чего ты застрял?! – рявкнул он.

Он застал члена своей банды уставившимся на лежащего в колыбели младенца. Большие лучистые глаза малышки переходили с одного жуткого мужчины на другого.

– Черт, ну и взгляд, – лидер банды невольно передернулся. – Что это еще за херня такая?

– Ты тоже заметил? – удивительно тихо спросил первый. –

Такое чувство, что тебя наизнанку выворачивает. Аж мурашки по коже.

– Давай, на хер, валим отсюда, – главарь тоже непроизвольно понизил голос.

– Но если бросим, она наверняка помрет, пока спасатели придут, – неуверенно возразил первый.

– И что? Что нам с этим делать предлагаешь? Пойти к полицейским и сказать, что мы оттрахали и прикончили ее мамашу, поэтому хотим пристроить это отродье в добрые руки? – если мужчина и хотел звучать зло, то у него не слишком получалось под этим лучистым детским взглядом. – Но если хочешь возиться, то бери ее сам и тащи! Только не вздумай нас всех запалить.

Главарь, сделав над собой усилие, развернулся и буквально сбежал из комнаты.

* * *

Пять лет спустя

– С чего вы взяли, что эта девчонка заслуживает нашего внимания, брат? Она выглядит совершенно обыкновенной.

«Разве только поразительно красивой», – подумал огромный мужчина, одетый в ярко синюю форму с необычными серебряными нашивками.

Девочка примерно пяти лет повернулась в его сторону

и посмотрела на него огромными глазищами цвета великолепного желтого топаза, искристыми, точно идеально ограненные кристаллы. Мужчина невольно вздрогнул. От этого взгляда словно открывалось что-то глубоко внутри. Как-то дверь, в которую ни у кого не было доступа уже много-много лет. Золотисто-каштановые, чуть завитые на концах волосы растрепались из косички и обрамляли бледненькое личико с очень тонкими, буквально филигранными чертами. Яркое полуденное солнце играло этими непослушными завитками, придавая им тысячу сверкающих оттенков. Одета девочка была в бывшее когда-то, видимо, голубым, а теперь неопределенного цвета застиранное платьице, знавшее наверняка немало обладателей и которое было ей немного велико.

Девчушку толкнули играющие рядом мальчишки-ровесники, и она, не удержавшись на ногах, плюхнулась на попку, разрывая их зрительный контакт. Мужчина видел, как задрожали ее губы, но слезы не пробились на поверхность. В приюте дети быстро понимают, что никому нет дела до их слез и обид, и поэтому нет смысла лить эту теплую воду. Сжав кулачки, девочка вскочила и помчалась, явно намереваясь отомстить неуклюжим обидчикам. В своем смехотворном, но совершенно настоящем гневе она казалась еще красивее.

– Так что же вы разглядели в этом милом создании, кроме того, что через какие-то лет десять-пятнадцать она начнет сводить с ума всех особей противоположного пола своей

красотой? – Но тут старая затаенная обида кольнула в сердце, и губы мужчины презрительно искривились. – Или пойдет по рукам и станет шлюхой, каких мало. Спрос ей, пока не истаскается, точно обеспечен. На ней есть какие-то отметины, странные родимые пятна, знаки?

– Нет, господин майор. Отметин нет. Ни единой.

– Она проявляет несвойственную своему возрасту силу или агрессию?

– Нет. Ничего подобного. Эмма – поразительно добрый и покладистый ребенок.

– Тогда зачем вы меня вызвали? – на лице майора промелькнула гримаса усталого безразличия.

– Дело в том, что мы заметили, что Эмма всегда знает, где находятся вещи, которые ей нужны. И для нее не существуют преград в виде запертых дверей и самых хитроумных замков, если ей чего-то хочется.

– Уточните, – мужчина весь подобрался и впился в девушку взглядом.

– Сначала мы заметили, что ее невозможно запереть – нигде и никогда. Она просто выходит в любую замкнутую дверь, словно там и нет замка. Похоже, ей и в голову даже не приходит, что это препятствие. Потом стало понятно, что от нее совершенно бесполезно прятать игрушки или сладости. Если ей что-то нужно, то, где бы это ни находилось, Эмма находит искомое. Наши няньки уже даже стали использовать ее в качестве некоего поискового устройства для пропавших

или забытых где-то вещей. Как только она понимает, о каком предмете идет речь, то немедленно находит его без всяких заминок и раздумий.

– Вот, значит, как. Очень интересно. Как давно вы заметили способности девчонки? – тон мужчины в форме стал строго деловым.

– Они проявились где-то год назад. И становятся все отчетливей, – говоря это, монах запнулся.

– Почему сообщили только сейчас? – жестко спросил майор.

– Мы просто... – замямлил брат, нервно теребя одежду. – Она же еще совсем малышка. Мы просто хотели, чтобы она имела шанс подольше побыть просто ребенком.

– Брат мой, – в голосе майора уже прорезалось явное раздражение, – видимо, вы кое-чего так и не поняли. Она и ей подобные никакие не милые детки. Они порождения чудовищ, мерзкие отродья тех, кто приходит в наш мир без приглашения. Если их не взять в оборот как можно раньше, вся мерзость вылезет из них наружу, как только они ощутят свою силу по-настоящему. И тогда этих маленьких ублюдков уже нельзя переучить и хоть как-то использовать. Единственное, что их ждет тогда, – уничтожение.

– Но ведь дети не виноваты в том, что были зачаты и рождены такими. Они невинны, – слабо упорствовал монах, вздрогнув от слов о судьбе детей.

– Нет невинных! – рыкнул майор. – Вообще нет! А уж тем

более среди тех, кто является отпрыском чудовища по факту своего рождения. Идет война, брат. Война за нашу собственную планету, наш мир. Между пришлыми демонами и нами. Может, ее и не видно обычному обывателю, но она идет ежедневно, и конца ей нет. И перевес не на нашей стороне! И эти, как вы их называете, дети, возможно, единственное наше реальное оружие против наших врагов. Если эти демоны настолько тупы, что, трахая стелящихся под них шлюх, не заботятся о том, чтобы не оставлять после себя ублюдков, мы возьмем их потомство и обучим их же и убивать! Разве вам не кажется это весьма символичным, брат? – цинично ухмыльнулся майор.

– Нет. Простите, как бы правильно вы ни говорили, но мне искренне жаль этих детей, которым вы не оставляете ни малейшего шанса на нормальную жизнь, – опустив глаза, сказал монах.

– У чудовищ, хоть и нечистокровных, нет и не может быть никакой нормальной жизни среди настоящих людей. Они всегда останутся тварями, насмешкой над замыслом божьим. Единственное предназначение, которое им определено, – быть инструментами в наших руках в борьбе с теми, кто их же и породил. Как девчонка попала к вам? У нее есть хоть какая-то родня?

– Нет. Ее принес в пункт оказания помощи после урагана Катрина в Новом Орлеане один из членов уличной банды и назвал адрес, где нашел ее, прежде чем сбежать. Ко-

гда спасатели отправились туда, то обнаружили только тело изнасилованной и убитой молодой женщины. Было похоже, что ублюдки из банды забрались в дом, чтобы помародерствовать, но наткнулись на несчастную с ребенком. Надругавшись над женщиной и убив ее, они, видимо, все же вспомнили о совести и решили отнести младенца туда, где о ней позаботятся.

– Совесть у членов банды мародеров? Не смешите меня, брат, – презрительно фыркнул военный. – Таких чудес не бывает.

– Ну что же, значит, стоит это отнести на необыкновенное обаяние самой Эммы. У нас ее обожают абсолютно все.

– Ну вот, теперь становится понятнее, почему я узнаю о способностях этого ребенка только сейчас.

Монах смущенно опустил голову.

– Найденная женщина была матерью девчонки? – уточнил военный.

– Нет. Экспертиза не установила их родства. И никаких документов, указывающих на личность самой покойной или девочки, не было найдено.

– Соберите девчонку в течение часа. Я заберу ее, – это прозвучало как четкий приказ.

Монах ушел отдать распоряжения, а майор еще долго следил тяжелым, хищным взглядом за играющей девочкой с ясными большими глазами.

– Пожалуйста, вы уж позаботьтесь там о нашей малыш-

ке, – со слезами на глазах вцепилась в руку военного полная кухарка.

Все остальные работники приюта стояли поодаль и глядели на него как на изверга, когда он усаживал малышку на заднее сидение автомобиля.

– Всенепременно! – холодно ответил мужчина в синей форме и, стряхнув ладонь пожилой женщины, забрался в салон.

– У тебя очень красивая форма! – кроха улыбнулась мужчине такой лучезарной и искренней улыбкой, от которой перевернулась душа. Так, словно солнце вышло из-за мрачных свинцовых туч и в единое мгновение осветило его душу до самых тайных закоулков, одновременно согревая и очищая. И на один короткий миг исчезла вся долго копимая злоба и застарелые обиды, и осталось волшебное ощущение свободы.

– Я тоже хочу, когда вырасту, носить такую же! – продолжила девочка, возвращая его в реальный мир.

– Ну, если хочешь, значит, получишь! – пробормотал военный, сглатывая ком в горле и потирая то место, где вдруг заболело в груди.

* * *

Тринадцать лет спустя

– Подполковник Лейн!

– Да, господин полковник?!

– Насколько я понимаю, вашей так называемой «дочери» уже исполнилось восемнадцать?

Крупный мужчина в синей форме заметно напрягся и побледнел.

– Так точно, сэр, – тем не менее четко ответил он.

– Ну так, думаю, пришло время заканчивать эти игры в милую семейку и начать использовать девицу по прямому назначению! Мне всегда казалась крайне глупой эта ваша затея с выращиванием подобного создания в домашних условиях. Но раз прежнее руководство базы было не против...

– Господин полковник, данное решение имело под собой строго практическое обоснование. Вы ведь знаете, какова смертность среди этих ублюдков, особенно в пору полового созревания.

– Да уж. Эти адские детки реально рвут друг другу глотки, пока не научатся справляться со своим гневом и не установят свою долбаную иерархию!

– Вот именно. А те способности, что уже в раннем возрасте проявила Эмма, совершенно уникальны. Нам пока не попадался никто с подобным набором качеств. Вот и было принято решение растить девочку отдельно от всего этого стада бесноватых, чтобы просто сохранить ее для дальнейшего использования. И нужно отметить еще один немаловажный момент. Этого ребенка никогда нельзя было удер-

жать там, где ей быть не хотелось. Так что требовался особый подход.

– Ладно-ладно, я понял, что все ваши действия были оправданы, Лейн.

– Абсолютно. К тому же я весьма тщательно занимался ее воспитанием и созданием у нее правильного мировоззрения и образа врага. Да и ее физической и военной подготовкой я могу вполне гордиться.

– Но как бы там ни было, подполковник, время игр прошло. Девчонка должна переселиться на базу и начать уже делать хоть что-то, чтобы оправдать затраченные на нее ресурсы. Так что прямо завтра она должна прибыть в распоряжение майора Дейо.

– Слушаюсь! – отчеканил мужчина с каменным лицом, пряча глубоко внутри панику. Он всегда знал, что этот день наступит. Только почему он пришел так скоро?

* * *

Девушка последний раз оглядела безликую комнату, где провела столько лет своей жизни. Односпальная жесткая койка, серые невзрачные стены, одно узкое и высокое, как бойница, окно, деревянное распятое над постелью. Маленькая тумба, в которой еще недавно хранились все ее небогатые пожитки, с легкостью уместившиеся теперь в рюкзаке, висевшем на плече. Ничего, что бы указывало на то, что эта

комната принадлежала именно ей большую часть ее осмысленной жизни. Но это был единственный дом, который у нее был, кроме приюта. Другого она не знала, и покидать, хоть и холодную, но привычную обстановку было немного страшно. Да, она понимала, что пришло время двигаться дальше, пора стать взрослой и начать наконец приносить реальную пользу, оправдывая ту заботу и усилия, что были в нее вложены.

– Эмма, на выход! – резкий окрик заставил ее вздрогнуть. – Девочка, пора!

– Да, отец, я знаю, – покорно откликнулась она и вышла из комнаты.

В коридоре ее ждал крупный мужчина в форме насыщенного синего цвета с большими серебряными нашивками. Такая же скоро должна быть и у нее, только серебра намного меньше. Его еще заслужить нужно, а это не будет легко. Но она готова пытаться, ведь не зря же отец лично тренировал ее каждый божий день в любую погоду все эти годы. Из всех детей, что он мог взять в свой дом, он выбрал именно ее. Потому что верил, что она станет лучшей. И все эти годы она старалась ни в чем не разочаровывать родителя. И впредь тоже собиралась делать так, чтобы он мог ею гордиться. Просто теперь она выросла, и пришло время ей выйти во взрослую жизнь и добиваться всего самой.

– Ты все собрала? – Мужчина смотрел на нее тяжелым, изучающим взглядом. Он всегда так смотрел, и Эмма немно-

го робела, хоть и привыкла со временем.

– Да, все. – Что ей, собственно, собирать? Предметы личной гигиены, несколько смен нижнего белья и пара маек и штанов. Все остальное имущество на ней.

– Таблетки не забыла? – уточнил мужчина.

– Нет.

– Ну, тогда давай выезжать.

Всю дорогу Эмма осторожно косилась на отца, но он с невозмутимым лицом следил за дорогой. Она украдкой в очередной раз залюбовалась его жестким профилем и прищуром цепких глаз. Он был не красавцем, но именно таким, каким в ее понимании и следовало быть мужчине.

Дорога ей была давно известна, они сотни раз уже ездили в учебку. Только в этот раз она ехала в один конец. Теперь ей предстоит жить в общаге с остальными бойцами, и ее ждут реальные задания, а не имитации и тренировки. Все внутри сжималось от нетерпения сделать наконец что-то стоящее, что заставит отца гордиться ею. Но при этом и скручивалось тошнотворным узлом в страхе не справиться и разочаровать его.

Они въехали через КПП на территорию базы. Эмма выбралась из машины и взяла пластиковую индивидуальную карту из рук отца.

– Отправляйся с богом, дорогая, – сухо сказал мужчина. – Ровно через пятнадцать минут ты должна прибыть в распоряжение майора Дейо.

– Слушаюсь, сэр, – кивнула Эмма, вытягиваясь перед ним. Здесь он больше не ее отец, а суровый, внушающий всем трепет командир.

– Не опозорь меня, – еще жестче напутствовал мужчину.

– Буду стараться изо всех сил, сэр.

– Я ведь не должен напоминать тебе правило об использовании имени? – густые брови сошлись на переносице.

– Нет, сэр.

Девушка уже почти развернулась, когда мужчина окликнул ее.

– Эмма, детка...

– Да, отец?

На лице сурового военного отразилась внутренняя борьба, но затем оно снова стало нечитаемым.

– Береги себя. Отправляйся.

Эмма, взглянув последний раз в лицо единственному близкому человеку, которого она знала, резко развернулась на широких каблуках своих армейских ботинок и порысила в сторону основного корпуса.

Глава 1

Влетев внутрь, она промчалась по коридорам к кабинету своего командира и постучала в тонкую стандартную дверь.

– Войдите! – гаркнул голос с той стороны.

Эмма вошла внутрь и вытянулась перед сидящим за столом широкоплечим мужчиной в форме такого же цвета, как у ее отца.

– Боец Джимми прибыла в ваше распоряжение, сэр! – Она шагнула к столу и протянула ему индивидуальную карту. Конечно, майор Дейо прекрасно знал, кто она, но формальности стоило соблюдать.

Мужчина только коротко кивнул ей и приложил кусок пластика к сканеру на своем столе, одновременно и регистрируя факт ее прибытия и скачивая всю информацию о ней в служебный файл.

Вернув карту, он поднялся из-за стола, оказавшись выше Эммы почти на голову.

– Добро пожаловать. Твоя комната номер 243. Отнеси быстро вещи. Построение твоего подразделения в главной тренажерке ровно через пятнадцать минут. Форму и все необходимое получишь после обеда. Не опаздывай.

– Не опоздаю, сэр. – Эмма развернулась уйти.

– Эй, Джимми! – окликнул он ее. – Ты же отдаешь себе отчет, что легко тебе не будет? Многие бойцы постараются

задирать тебя из-за отца.

– Я это понимаю, сэр.

– Ты уверена, что сможешь постоять за себя?

– Абсолютно. – Ведь не зря же она тренировалась сутками напролет в любую погоду столько лет.

– Мне не нужны открытые конфликты в подразделении. Можешь ставить на место тех, кто будет зарываться, но сама уж постарайся не провоцировать их. И знай, что когда ты не на задании, можешь рассчитывать только на себя.

Эмма удивленно моргнула. Она никогда ни с кем не вступала в конфликты. Хотя, может, было не с кем. Здесь, в учебке, она только тренировалась и проводила симуляционные бои, а дома просто не было никого, с кем можно было бы затеять ссору. Они жили с отцом одни. А больше она нигде и не бывала.

– Я все поняла. Буду стараться не подводить вас.

В главной тренажерке она оказалась раньше всех. Все здесь было ей знакомо. И в то же время сегодня все было другим. Ведь теперь ее жизнь изменилась. Звук тяжелых шагов в окованных железом ботинках привлек ее внимание ко входу. В зал вальяжной походкой ввалились два здоровенных бойца. Они были похожи как две капли воды. Только метки, указывающие на их происхождение, разнились, но не сильно. Эмма знала о них. Близнецы Брант и Сидда. Конечно, это были не настоящие их имена. Настоящими пользоваться было не принято, даже более того – знание чужого имени

давало власть над его владельцем. Просить назвать его было верхом неприличия, как, впрочем, и напрямую интересоваться, какой же из демонов даже предположительно был родителем каждого из бойцов.

– Посмотрите, кто тут у нас! – ухмыльнулся Брант или Сидда. Эмма так пока и не научилась их различать.

– Надо же, домашнюю пичужку наконец решили пнуть под зад в свободный полет? – поддержал его второй.

Эмма опустила глаза, не желая провоцировать братьев прямым взглядом.

– Что, папашка больше не хочет нянчиться с таким бесполезным созданием, как ты? И что теперь? Только не говори, что это нашему подразделению так свезло и нам досталась «честь» возиться с тобой.

– Именно так, – спокойно ответила Эмма.

– Ну и зачем ты нам такая мелкая нужна? Хотя погоди! Я знаю, как можно приспособить тебя с пользой! Ну, это только при условии, что у тебя здоровья хватит наши аппетиты выдерживать, – близнецы похабно заржали. – Мы такие горячие и ненасытные парни, пичужка. Особенно после заданий! И очень любим делить одну шлюшку на двоих. Жаль только, что на повтор они никогда не соглашаются.

Мужчины продолжали скалиться и отпускать пошлые шутки, но ближе не подходили, и Эмма их игнорировала, наблюдая за входом. Следующей в тренажерке появилась темнокожая девушка. Очень высокая, почти одного роста с

близнецами, но при этом чрезвычайно грациозная и гибкая, словно змея, и даже на первый взгляд такая же смертельно опасная. Эмма никогда раньше не видела ее вблизи, но знала ее псевдоним – Пич («алмазная» – одно из наречий Ганы, Африка). Теперь, рассматривая девушку ближе, Эмма поняла, почему ее так окрестили. На фоне темной, как эбеновое дерево, кожи ее лица двумя ослепительными звездами выделялись сверкающие, яркие глаза с совершенно прозрачной радужкой. Когда она уставилась прямо на Эмму, мурашки пробежали по спине.

– О, Пич, глянь, что к нашему берегу прибило! – рявкнул один из братцев. – Урвет у тебя теперь лучших самцов. На большее-то она и не пригодна. Но ты не переживай, даже если остальные к ней переметнутся, у тебя всегда есть мы.

– Захлопни хлебало, Брант, – равнодушным тоном ответила девушка. – С теми усохшими стручками, что вы называете своими членами, я бы вообще не рисковала снимать штаны, а просто тихонько удавилась бы с горя.

– Сучка похотливая! – беззлобно огрызнулся Брант.

– Гребаные дrouchеры! – вяло отмахнулась Пич, подошла ближе к Эмме и подмигнула. – Не обращай внимания на этих соплежухов языкатых. Они не достойны внимания девушки, желающей испытать в постели хоть слабенький оргазм!

Эмма слегка улыбнулась Пич и кивнула, стараясь скрыть, что эта тема ее сильно смущает. Но показывать это нельзя ни в коем случае, иначе за твою слабость ухватятся и будут бить

уже целенаправленно. Поэтому, хоть о физиологической стороне отношений мужчин и женщин, то бишь сексе, она знала только теоретически, показывать этого не собиралась.

– Так что, тебя и правда к нам определили? – поинтересовалась Пич.

– Так точно, – сухо ответила Эмма.

– Ну и прекрасно! Наконец рядом будет пахнуть не только хреновым тестостероном, потом и вонючими носками! – Пич бросила презрительный взгляд на близнецов.

– Эй! – возмущенно завопили оба брата. – Кого это ты назвала вонючками, шлюшка ненасытная?!

– Да вас, кого же еще, от вас и по отдельности после задания несет, как из демоновой задницы, а уж в стерео эффекте – вообще жуть.

– Ну, лучше уж так, чем как от некоторых каждое утро спермой разит, дышать в душевой невозможно. Причем все время разной, – не остались в долгу мужчины.

– Вот уж не знала, что вы такие эксперты в вопросе того, как пахнет чужая сперма. Большой опыт? Для меня все жеребцы пахнут одинаково, лишь бы были достаточно выносливы для долгой скачки, – презрительно фыркнула Пич. – Вы бы так не принимались, неудачники. Вашей-то от меня никогда не пахло и не будет. Я из жалости не трахаюсь.

Эмма с самого детства бывала в учебке и знала, что подобное общение между бойцами – норма. Тому, кого можно задеть и обидеть простым грязным трепом, тут просто не ме-

сто. Ему даже до реального боя дойти не случится – просто заключают насмерть. А изощренные оскорбления с сексуальным подтекстом, которые она наблюдала сейчас, – это даже скорее выражение некой любви и привязанности между теми, кто давно служит плечом к плечу. Нужно признать, что у всех, кто находился здесь, уровень естественной агрессивности гораздо выше, чем у большинства простых людей. Способов расходовать ее было немного – реальная драка, секс, изматывающие тренировки или на самый крайний случай хотя бы вот такие перепалки, снижающие градус кипящего в каждом бойце природного гнева. Так, по крайней мере, Эмме объяснял отец. Следовательно, ей стоило привыкнуть к похабным высказываниям и попыткам зацепить ее по поводу и без. Она считала себя готовой ко всему. Ведь если у нее и не было хорошо подвешенного острого языка, как у Пич, то всегда можно просто игнорировать все скабрёзности. И к тому же умение огрызаться – просто дело практики.

Появление в этот момент в тренажерке еще двоих мужчин прервало этот утренний обмен взаимными любезностями.

– Ну вот и Сеймас с Кирсом, так что все в сборе, – прервавшись, сообщила Пич.

Эмма заметила, что с появлением новых персонажей Пич словно изменилась – выпрямилась, принимая более соблазнительную позу. Будто то, как она выглядит при этих двоих, для нее было важно, в отличие от того, как предстать перед близнецами. Наверное, так ведут себя женщины, когда на го-

ризонте замаячит кто-то, кто им не безразличен.

Повернувшись к вновь прибывшим, Эмма внутренне сжалась.

Сеймас был настоящим гигантом. На его фоне даже здоровенные близнецы казались практически Дюймовочками, а уж Эмма вообще была едва ли не вдвое его ниже. Она очень часто видела его раньше, когда отец привозил ее для тренировок. Точнее будет сказать, этот мужчина возникал то там, то тут, стоило ей появиться на базе. Так повелось еще с тех времен, когда она была совсем девчонкой, а он – крупным подростком с порывистыми движениями. Пожалуй, не было ни единого раза, чтобы Сеймас не возникал в зоне видимости, когда она показывалась здесь. И со временем Эмма стала даже ждать этих мгновений и волноваться, предвкушая их. Сердце почему-то начинало как-то странно ускоряться, стоило мужчине мелькнуть неподалеку. На самом деле Эмма никогда даже не рассматривала его пристально. Не было возможности, да и устрашающий вид самого Сеймаса не способствовал праздному разглядыванию. Поэтому сейчас Эмма впервые оказалась к нему так близко и вынуждена была глядеть прямо на него. Черты его лица были резкими, немного грубоватыми и наполненными некой свирепостью и дикостью, которую не скроешь никаким милым выражением лица. Впрочем, когда он уставился на Эмму, она сильно засомневалась, а имеет ли вообще этот гигант представление, как быть милым или хотя бы улыбаться? Мужчина был обрит

практически наголо, но едва заметные корни волос и густые черные брови и ресницы указывали на то, что он брюнет. Остановив на Эмме взгляд глубоко посаженных темно-карих глаз, он несколько раз прошелся по ней сверху до низу, словно пытаясь найти хоть что-то стоящее. А потом слегка скривился, будто поиск так и не увенчался успехом. Как ни странно, Эмме стало чуточку обидно от такой реакции.

Второй мужчина, Кирос, был полной противоположностью и Сеймасу, и обоим близнецам. Это был блондин, на полголовы выше самой Эммы, сложенный скорее изящно, чем мощно. При взгляде на его лицо и гибкое, точно жидкость, тело приходило почему-то только одно определение. Ослепительный. Именно таким он и был. Потрясающе, просто-таки рафинированно красивым. Причем той красотой, что притягивает все возрасты и оба пола. Он-то обласкал Эмму совершенно плотоядным взглядом и, подняв глаза, искушающе улыбнулся. И она улыбнулась в ответ раньше, чем поняла, что делает.

– Эй! – довольно ощутимо ткнула ее в бок Пич. – Не ведись на улыбочки этого засранца! И не смотри ему пристально в глаза! Иначе и понять ничего не успеешь, как он поимеет тебя и, может, и с товарищами поделится!

– Пич, разве обязательно быть постоянно такой редкостной сучкой и всем все обламывать? – голос Кироса был таким же обворожительно сладким, как и весь его облик.

– Да ладно, засранец! Все знают, что ты больше любишь

смотреть, как это делают другие, чем потеть самому! – презрительно фыркнула девушка.

– Не слушай эту стерву, красавица! – промурлыкал Кирос, подходя ближе. – Таким сокровищем, как ты, я не стал бы делиться.

И он снова греховно улыбнулся Эмме. Но в этот раз на нее больше не подействовало его обаяние. Предупреждение Пич правильно сработало, и теперь Эмма была начеку. Поэтому, когда Кирос подступил к ней вплотную, она вся внутренне напряглась, готовясь отразить нападение в какой бы форме оно ни было. Красавчик же наклонился к самому ее лицу и втянул воздух.

– Ты так сладенько пахнешь. Как шоколад и мята, – сексуально прошептал он. – Так и хочется откусить от тебя кусочек. Ты ведь мне позволишь?

Эмма только собралась послать его, как громкий, грубый голос опередил ее:

– Отвали от нее, Кирос! – рявкнул Сеймас.

Блондин тут же шагнул в сторону, открывая Эмме вид на громилу за своей спиной. И выражение лица у него было абсолютно не дружелюбное.

– Какого черта ты тут делаешь вообще? – раздраженно спросил у нее Сеймас.

– Она теперь в нашем подразделении, – ответила за Эмму Пич.

– Да, Сейм, – подали голос близнецы. – Прикинь, какая

засада! Теперь придется подкидываться с этой мелочью! Будем теперь не задания выполнять, а за ее задницей присматривать.

На лице Сеймаса отразилось сначала непонимание, потом растерянность, и даже на краткий миг паника блеснула в его глазах, которые он не сводил с Эммы. А потом он буквально оскалился в гневе.

– Это правда? – прорычал он.

– Так точно, – четко ответила Эмма. – И за мной не надо присматривать. Я прекрасно подготовлена и не нуждаюсь ни в чьей опеке.

На ее заявление близнецы ответили громким смехом, а Кирос и Пич – широкими улыбками. И только Сеймас продолжал смотреть на нее так, словно она враг номер один.

В этот момент в тренажерный зал вошел майор Дейо, и все мгновенно построились, вытягиваясь перед старшим по званию.

– Вольно. День добрый, бойцы. Что, уже познакомились с пополнением? Позвольте представить официально. Боец Джимми. С этого дня она постоянный член команды, так что просьба особо не хамить и даже попытаться максимально сблизиться, так как вам работать вместе. Кирос, тебя вариант со сближением не касается! Даже, скорее, наоборот.

Блондин криво ухмыльнулся и снова прошелся по телу Эммы горячим взглядом.

– Майор, разрешите обратиться? – прогремыхал Сеймас.

– Валяй.

– Я считаю, что пребывание в моей группе данного бойца совершенно неприемлемо. Нам ни хрена не нужен такой балласт, – жестко припечатал мужчина. Эмме было обидно услышать, что ее считают обузой, но она сумела сохранить невозмутимое выражение лица.

– Лейтенант Сеймас, ну, допустим, не вам это решать. Должен вам заметить, что, несмотря на то что боец Джимми не обучалась вместе со всеми на базе, уровень ее подготовки весьма и весьма высок.

– Ну да, папина любимица, – прошипел один из братьев.

– Решение о зачислении нового бойца в вашу группу уже принято, и отменять его никто не собирается. Поэтому учитесь работать вместе. А если вы, лейтенант, обнаружите в навыках Джимми недостатки, то у вас есть право их устранить. Отныне она ваша подчиненная, и вы определяете ее нагрузки. Сегодня у вас нет заданий, так что просто тренируйтесь в привычном объеме, а вечером увольнительная в город. Лейтенант Сеймас, зайдите прямо сейчас в мой кабинет. Все остальные – приступайте.

Майор Дейо развернулся и покинул тренажерку так же стремительно, как и появился. Сеймас же, прежде чем уйти, одарил Эмму таким взглядом, что холодные мурашки промчались по ее спине. Этот взгляд явно не обещал ей легкой жизни. Но ведь она на нее и не рассчитывала, верно?

– Пипец тебе, пичужка! – ухмыльнулся один из близне-

цов.

– Ага! – поддержал второй. – Сейм тебя теперь сожрет без соли!

– Хорош пугать девчонку, м*дозвоны-переростки! – рыкнула Пич. – Не такой уж Сейм и зверюга!

– Такой- такой, маленькая птичка, – с улыбкой пропел Кирос. – Но ты держись ко мне поближе, а еще лучше прямо за меня, я тебя прикрою!

– Я его не боюсь! – упрямо сказала Эмма. – И мне не нужна ничья помощь!

– А вот это ты зря, карамелька. Но для тебя мое предложение всегда в силе.

– Отвали, Кирос! Майор тебе ясно сказал по поводу твоих фокусов! – недовольно уставилась на него Пич.

– Он сказал, что я не могу приставать к Джимми. А вот о том, что она сама не может стать ко мне чуточку ближе, ничего не прозвучало! – легкомысленно заявил блондин.

– Боже, ты такой придурок и никогда уже не изменишься!

– А зачем менять совершенство?

– Джимми, хватит слушать это трепло! Пойдем на тренажеры. Если Сейм вернется и увидит, что ты прохлаждаешься, он явно не похвалит тебя.

Глава 2

– Дверь закрой, Сейм, и сядь, – отдал распоряжение майор Дейо, как только Сеймас буквально ворвался в его кабинет. – И прежде чем ты начнешь мне тут втирать, осознай, что решение по поводу Джимми никто менять не собирается, и прочти вот это.

Майор сунул в руки мужчине тонкий гибкий лист электронного носителя. Сеймас, гневно выдохнув, все же подчинился и погрузился в чтение. Спустя некоторое время поднял глаза и, насупившись, посмотрел на командира.

– Кто же она на самом деле, черт возьми? – спросил он.

– Ну, возможно, доподлинно мы этого никогда и не узнаем. Но для нас с тобой вопрос ее происхождения не столь важен. Пусть над этим научный отдел кумекает. Нам нужно понять, как с максимальной пользой можно применить ее способности, и выяснить их предел, а также есть ли перспектива их развития. Короче, приказ с самого верха однозначен: девочку нужно либо использовать, либо устранить. Просто сказать: «Птичка, лети!» и отпустить ее в мир с такими возможностями мы не можем.

Сеймас усмехнулся. Как будто отсюда вообще хоть когда-то кого-то выпускали, кроме как на тот свет или на внушающий ему ужас подземный научный уровень. Другие этого не знали. Все они в большинстве своем верили, что, когда

придет срок, они покинут службу и начнут другую жизнь. Как обычные люди, которых они постоянно видели во время увольнительных или с кем сталкивались на заданиях, вытаскивая их из неприятностей. Но он еще ребенком случайно узнал правду. Никакого счастливого конца не будет. Но говорить об этом никому не собирался.

– Так выходит, что вся эта байда с ее удочерением просто придумана, чтобы сделать ее послушной?

Мужчина и сам не понимал, почему это показалось ему таким отвратительным.

Все они, еще в раннем детстве отобранные для этого экспериментального подразделения, были сиротами, «государственными детками». И как все сироты, само собой, любой из них, будучи ребенком, мечтал, что однажды случится чудо, и откуда ни возьмись появятся родители и заберут их отсюда. И будут любить их, заботиться о них и позволят полюбить себя в ответ и уже никогда никуда не исчезнут. С возрастом мечты выцветали и теряли краски, а потом и вовсе исчезали, выветриваясь из снов и фантазий суховеем каждодневной обыденности. Они привыкали к мысли, что у них никогда не будет семей, и теряли за ненужностью способность и желание кого-то любить. Те же, кто не сумел приспособиться, просто однажды исчезали. Погибали в жестоких разборках между собой, или подставлялись на первых же заданиях, или, дойдя до нервных срывов, растворялись в недрах подземного этажа. И Сеймас давно к этому привык,

воспринимая как само собой разумеющееся. Так почему же мысль о том, что с этой дерзкой малявкой играли в семью только для того, чтобы создать невидимый ошейник и самую крепкую в мире цепь и внушить нужный взгляд на мир, бесила его? Какое ему до этого дело?

Просто он видел, как девчонка всегда смотрела на подпола Лейна, когда тот привозил ее на базу для тренировок. Это была преданность, восхищение и настоящая дочерняя любовь. Абсолютно точно для нее это было по-настоящему. И одно время он завидовал ей и даже испытывал неприязнь, не понимая, чем эта недомерочная девчонка лучше любого из них. Подглядывая за Лейном и его «дочерью», он испытывал приступы зависти и злости, считая, что жизнь несправедлива. Со временем привычка наблюдать за этой девчонкой, хоть издали, в каждое ее появление, стала какой-то необходимостью сродни зависимости. Каждый раз, когда джип подполковника Лейна показывался на территории, Сеймас гадал, выскочит ли из него эта мелкая пичуга. И когда ее не оказывалось, разочарование разливалась по всему и делало день паршивым. С того времени он повзрослел и поумнел и больше не искал в жизни справедливости и особого смысла. А появления на базе дочки подпола отмечал уже скорее по привычке.

– Ну согласись, это была блестящая идея, – вырвал Сеймаса из размышлений Дейо. – Потому как ты еще удержишь на месте ребенка, для которого не существует закрытых дверей

или замков, кроме как внушив, что его любят именно здесь? Ко всему прочему ты ведь помнишь, какими вы все были отморозками, пока росли тут? С момента как большинство из вас достигли подросткового возраста, база, а в особенности общага, превратилась в хренов филиал ада. А как ни крути, несмотря на ее способности, Джимми не сравнится ни с кем из вас в физической силе, скорости и степени агрессии. Ты же читал файл. Физически она только немного превосходит обычного человека, да и то в основном потому, что Лейн муштровал ее нещадно все эти годы. Вы бы смели и растоптали ее тут. К тому же она гораздо младше большинства из вас. Так что растить ее на базе было без вариантов.

Да уж, что было, то было. В те годы они представляли из себя взрывную смесь из гнева, похоти и жажды самоутвердиться среди ровесников. Драки и дикие оргии были нормальным времяпрепровождением тогда. И командиры никогда не лезли в это, особенно по ночам. Им просто позволяли грызть друг другу глотки и трахаться, как безумным, спокойно наблюдая за тем, как выстраивается естественная иерархия и сбиваются крепкие стайки в общей массе. Исходя из этого, их потом и формировали в боевые группы. Они были чертовым военным экспериментом, и всем было глубоко наплевать, сколько доживет до конечного результата, главное, чтобы были максимально эффективны и управляемы, когда их станут использовать по назначению.

– Пожалуй, что так, – нехотя согласился Сеймас. – Тут ей

было бы выжить невозможно. Но все равно я не понимаю, почему ее определили именно в мою группу?

– Потому что вы признаны лучшими, Сейм. И решено, что пора вас переводить из разряда обычной штурмовой группы на более сложные задания. И для этого способности Джимми будут просто необходимы.

– Вот, значит, как? Мы что, должны будем стать долбаной группой нянек для этой высокоценной мелочи? – Ноздри мужчины гневно дернулись, а взгляд опять стал злым.

– Можешь воспринимать и так. Пока Джимми не признают бесполезной для наших целей, она является самым ценным членом твоей группы. И каждый из вас обязан следить за сохранностью ее как объекта внимания командования. И это ты должен довести до сознания каждого своего подчиненного. Но так, чтобы сама девчонка была не в курсе. По крайней мере пока. Также любые сведения о Джимми являются строго секретными и для всех остальных ваших сослуживцев. Задание понятно?

– Да, сэр, – порывисто поднялся Сеймас. – Девка должна быть жива и здорова, даже если любому из нас придется для этого рисковать своей задницей. Могу я идти?

Дею пристально посмотрел в лицо Сеймаса, стараясь рассмотреть за каменным выражением истинные чувства.

– Не так быстро, сынок. – Сеймас слегка вздрогнул от такого обращения.

– Не понимаю, почему ты так злишься-то? Джимми изме-

нит вашу жизнь и поставит вас над другими бойцами. Неужели тебя не радует подобное?

Сеймас смотрел прямо перед собой, и лишь резкое движение его горла выдало эмоции.

– Мне казалось, что ты обрадуешься тому, что теперь ваша группа будет на особом положении, – вкрадчиво сказал майор.

– Вы ошиблись, сэр. Я точно не рад, – отчеканил Сеймас, так и не глядя на командира.

– Можешь сказать, почему?

– Потому, что если кто-то из нас облажается и его прикончат, никто не станет убиваться, и его просто заменят новым бойцом. А если мы потеряем эту папину дочку, то что сделают с моими людьми и со мной?

– Не готов к ответственности?

– Я готов. Но беру ведь я ее не только на себя, но и на всю мою группу. Нужно ли это им?

– Ты их командир, и твоя обязанность донести до них все правильно. Я знаю, ты справишься, Сейм. И вообще мне раньше казалось, что эта девчонка тебе нравится. Я же видел, что ты на нее посматривал раньше.

– Может и так, сэр. Но совсем не по той причине, о которой вы думаете. Я никогда не говорил, что она нравится мне, сэр.

– Ну, тогда бы ты просто мог быть достаточно терпеливым с ней? Я не прошу тебя подтирать ей зад и читать сказки на

ночь. Просто сделай так, чтобы она выживала на заданиях.

Щека у Сеймаса дернулась, и он резко сглотнул.

– Если таков приказ, я его выполню.

– Да, лейтенант, приказ именно такой.

Сеймас наконец повернулся к майору и посмотрел прямо в глаза с непроницаемым лицом.

– Я могу идти, сэр?

– Идите, лейтенант Сеймас, – хмыкнул Дейо.

Сеймас, не мешкая ни секунды, покинул кабинет, а майор еще некоторое время сидел, уткнувшись взглядом в закрывшуюся дверь.

Но стоило лейтенанту пройти буквально десяток метров по коридору, как в его конце замаячил силуэт в бледно-голубой форме научного отдела. Сеймас сразу узнал его руководителя – полковника Ранзони. Одного из немногих, от кого даже у него были мурашки по коже. Ему всегда казалось, что этот мелкий ублюдок смотрит на каждого из них, препарируя и расчленяя взглядом. Словно они и не люди вовсе, а просто хреновы лабораторные крысы.

– Лейтенант, могу я попросить вас задержаться на пару минут для личной беседы? – Сеймас едва сдержал усмешку. Как будто он, и вправду, мог отказаться.

Жестом полковник предложил ему войти в кабинет.

– Я думаю, вы догадались, что разговор пойдет о новом члене вашей группы.

Сейм просто молча смотрел на мужчину, ожидая продол-

жения.

— Полагаю, вы поняли, что Джимми является уникальной особью. — Ну да, не личностью, а особью, словно животное. — И мы весьма заинтересованы в том, чтобы в будущем... гм... иметь больше таких же, как она.

Что это, черт возьми, должно значить? Они хотели разводить ее, как племенную скотину? Клубок желчи подкатил к его горлу, и Сеймас сжал зубы, чтобы не послать этого урода куда подальше.

— К сожалению, по сей день ее анализы крови показывают полную стерильность. У нас масса предположений, почему так может быть. Возможно, она взрослеет медленнее других. Или, допустим, ее репродуктивная система просыпается только в присутствии партнера с определенным набором качеств. Или у нее вообще, как у некоторых, возможно воспроизведение только с одним единственным сам... мужчиной? Мы пока не знаем этого. Но есть большая вероятность того, что, как у многих изученных нами видов демонов, при первом же сексуальном контакте происходит некий процесс «запечатления» ДНК партнера, и потомство будет возможно получить только с ним. В любом случае у меня есть для вас отдельное поручение... ну, скажем так, проследить за контактами Джимми. А точнее, за тем, чтобы их пока не было без нашего контроля. Ну, мало ли, может, теперь, когда она будет находиться среди такого количества особей противоположного пола, ее гормональная система активизируется.

Короче, мы бы не хотели нарушать чистоту эксперимента. Нам не нужны бесконтрольные... связи в ее случае. Но мы очень хотели бы знать, если она проявит к кому-то устойчивый интерес. Ведь это может значить, что найден подходящий партнер. Я вижу, что вас не слишком радует ее появление в вашей группе, так как физически она слабое звено. Так что, думаю, и в ваших интересах наблюдать за этой девчонкой внимательней. Ведь тогда я смогу просто избавить вас от ее присутствия, забрав в мой отдел.

Сеймас буквально содрогнулся при мысли, что ждет Джимми, если ее спустят на этот подземный этаж, с которого никто еще не возвращался назад. Ее наверняка посадят в клетку до конца дней и будут использовать для бесчеловечных опытов по разведению редчайшего вида. И он считал, что их жизнь хренова? Но что он может сделать с этим? Да и его ли это дело по большому счету? Гнев и внутренний протест с каждым словом полковника заполнял разум Сейма.

– Ну, и что вы от меня хотите, полковник? Чтобы я стал ее долбаной дуэньей и стерег ее честь днем и ночью? – прорычал он.

– Мы обсудим этот вопрос позже, лейтенант. А сейчас просто будьте бдительны и считайте это дополнением к вашему основному заданию.

– Слушаюсь, сэр!

– Вернулся-то наш Сейм, похоже, еще злее, чем уходил, – хмыкнул лежащий со штангой у груди Сидда примерно час спустя.

Эмма посмотрела на стремительно приближавшегося здорового мужчину и заметила направленный на нее тяжелый взгляд. Не прерываясь, она продолжила работать над мышцами рук и плечевого пояса.

– Джимми, ко мне, – грубо скомандовал Сеймас, подойдя ближе.

Эмма подчинилась и замерла прямо перед ним, глядя снизу вверх.

– Я хочу оценить степень твоей боевой подготовки. Для этого сейчас будешь спарринговаться с остальными.

– Чур, я первый, – вскочил со скамьи для пресса Кирос.

– Кир, отвали! С тобой она вообще взаимодействовать не будет. Джимми, ты держишься как можно дальше от Кироса. Кир, ты тоже не приближаешься к ней, не прикасаешься и не делаешь ничего из своей обычной хрени. И это, мать его, приказ! Все ясно?

– Да, сэр, – четко ответила Эмма.

– Слушаюсь, – недовольно протянул красавчик и сверкнул на Сеймаса упрекающим взглядом.

– Пич! – окликнул Сеймас и мотнул головой в сторону

стоящей Эммы.

– Не бойся, детка, я тебя не сильно помну, – усмехнулась темнокожая девушка, направляясь к противнице и грациозно разминая руки.

– Бьетесь в полную человеческую силу, исключая только смертельные приемы, – отдал приказ лейтенант, и Эмма приготавливалась.

Атака Пич была молниеносной, как бросок черной мамы, и только предельная собранность Эммы позволила ей избежать мгновенного нокаутирования. Пич была гораздо выше и крупнее и обладала более длинными руками и ногами, что делало положение Эммы весьма невыгодным. Но однако же всю свою жизнь из-за собственного небольшого роста она была вынуждена тренироваться и выдерживать учебные бои с противниками больше и тяжелее себя и давно научилась использовать их якобы преимущество против них же. Поэтому, когда следующий выпад привел к тому, что Пич оказалась на полу, это вызвало удивленные возгласы у Кираса и близнецов. Сеймас же наблюдал за происходящим с каменным лицом, тщательно отслеживая каждое движение.

– Ах ты, маленькая хитрая сучка! – Пич выглядела разозленной, моментально оказываясь на ногах.

Она атаковала снова, но Эмма и в этот раз была готова, и теперь уже Пич очутилась не просто лежащей лицом вниз, но Эмма заломила ее руку назад, усевшись на ее спине. Впрочем, она тут же отскочила в сторону.

– Я тебя убью... – зашипела Пич, плавно поднялась и оскалилась. Эмма содрогнулась, увидев, как из-под верхней губы противницы появились немаленькие изогнутые клыки, а лицо и все тело стали меняться, становясь больше похожим на змеиное. Смазанной черной молнией Пич буквально выстрелила в сторону Эммы, но в самый последний момент была остановлена возникшим как из ниоткуда Сеймасом.

– Я сказал, что вы бьетесь в полную человеческую силу! – прорычал он в лицо разъяренной Пич.

Она зашипела в ответ, но тут же отступила. Буквально через несколько вдохов она вернулась к самообладанию и нормальному внешнему виду.

– Прости, Сейм, не сдержалась, – пробормотала она и, повернувшись к Эмме, абсолютно беззаботно улыбнулась. – Извини, подружка. Чет меня переклинило. Меня реально никто так офигенски уже года три не ронял, кроме Сейма. Ты крута, даром, что мелкая. Так что сорвалась. Я бы тебя все равно не убила бы. Наверное. Мир?

И Пич с ухмылкой протянула узкую ладонь Эмме. Та кивнула и пожала ее.

– Брант, Сидда, давайте вы, проверьте оборону Джимми против двух противников, – скомандовал Сейм.

Привычные похабные ухмылки стерлись с лиц близнецов, и они, двигаясь как пара хищников на охоте, закружились вокруг Эммы.

– Ну что, пичужка, дашь нам тебя чуток пощупать? –

спросил ее один из братьев, но на лице у него не было и следа прежней веселости и расслабленности.

– Да что там щупать-то? – прожег прищуренным цепким взглядом второй. – Сисек нет, да и задницу хрен найдешь!

Эмма прекрасно понимала, что этот призванный обидеть и отвлечь треп был совсем не случаен, и поэтому не пропустила первый выпад одного их близнецов, хотя за мгновение до этого он казался совершенно расслабленным.

– Да черт с ними, с сиськами, – при этом произнес он. – Ты на ее рот посмотри! Я уже прямо представляю его скользящим по моему члену. Порадуешь дядю минетом, а, пичужка?

Эмма заставила себя отключиться от слов противников, превратив это просто в некий «белый шум» у себя в голове, и сфокусировалась полностью на языке их тел. Почти пятнадцать минут ей удавалось держать их на расстоянии, ускользая от выпадов и захватов, но затем один из братьев все же достал Эмму. И хотя удар лишь вскользь задел ее бок в районе печени, все равно она по достоинству оценила силу мужчин. Боль прошла насквозь, едва не вышибая обидные слезы. Но это заставило Эмму больше сконцентрироваться, и через минуту мелькания и кружения ударивший ее близнец поднимался с пола, сплевывая кровь с разбитых губ. Эмма выстояла еще около трех минут, но четко почувствовала, что долго ей не продержаться. Второй пропущенный удар в плечо практически «отсушил» ее правую руку, и все, что она могла делать дальше, – это просто уклоняться, не атакуя в

ответ. Сеймас не останавливал бой, а сама она ни за что его не попросит, даже если в конце останется лежащей в луже собственной крови. Пот начал заливать глаза, и третий пропущенный выпад сбил с ног, почти заставив закричать. Перекатившись, Эмма ускользнула от захвата одного из братьев и, извернувшись, сделала подсечку другому. Взревев, он подорвался с пола, бросаясь на нее.

– Достаточно, – рявкнул Сеймас, и оба брата замерли, как роботы, которым отключили питание. – На сегодня ты свободна, Джимми.

– А что, ты меня сам не будешь «отбивать»? – Злость после боя еще не отпустила и говорила за нее.

– У меня нет человеческой скорости, боец, так что поединок закончится не начавшись, – скривился Сеймас. – Свободна! Остальные остаются.

Только покинув тренажерку и закрыв за собой дверь своего отсека, Эмма позволила себе застонать от боли. Не то чтобы за эти годы та не стала для нее обычным делом, просто близнецы и вправду были хороши в рукопашной и били, не делая для нее поблажек. В целом ее первое столкновение с сослуживцами прошло довольно неплохо. Понятно, что первый день ни о чем не говорит, но она вполне могла ожидать и чего похуже. По крайней мере, взбесившаяся Пич хоть и желала ее прикончить, в нормальном состоянии она вроде относилась к ней вполне благосклонно. А даже малейшая помощь от того, кто жил тут всегда, Эмме совсем не по-

вредит. Тело после тренировки было мокрым от пота, и это напоминало еще об одной существенной проблеме. Душ. Он был в этой общаге общим для всех. Бойцы мылись так всегда и давно не придавали этому значения, но для нее это грозило стать очередным испытанием. Никогда ей не случалось раздеваться в присутствии посторонних, исключая, конечно, моменты медосмотра. И что еще хуже, ей не доводилось видеть полностью обнаженных мужчин. Сможет ли она вести себя совершенно невозмутимо, когда ее будут окружать абсолютно голые здоровенные мужики и, возможно, станут пляться и пытаться приставать и провоцировать ее? Должна суметь. Ведь если они почувствуют ее панику и заметят смущение, просто проходу потом не дадут. Насилия Эмма не опасалась, так как изнасилования были строгим табу среди бойцов. Несмотря на весьма свободные и даже распушенные взгляды касательно секса, принуждение полностью исключалось. Но вот провокации и дерзкие приставания были обычным делом. Но она же морально была готова, ведь правда?

Собравшись с духом, она взяла чистую одежду и направилась в сторону душевых. В большом предбаннике по одной стене была масса крючков для одежды, по другой же находились длинные полки, забитые одинаковыми полотенцами синего цвета. Они немного отличались интенсивностью оттенков, что, видимо, говорило о том количестве стирок, через которое прошло каждое. В этот момент никого тут не было, но из самой душевой доносился шум льющейся воды, смех и

обычные вялые перепалки бойцов. Руки у Эммы затряслись, когда она схватилась за край своей футболки, и вдруг паника взяла на короткий миг верх. Она едва не решилась развернуться и сбежать, надеясь прийти ночью, когда все будут спать. Но тут из душа вышел обнаженный мокрый мужчина и с любопытством уставился на нее. Эмма скользнула взглядом по его тренированному, мускулистому телу и резко вернулась к его глазам.

– Надо же, кто у нас тут, – ухмыльнулся парень. – Ты помыться пришла, детка, или просто посмотреть?

Эмма, решив игнорировать его, отвернулась и решительно стянула майку.

– Эй, мелкая, а папаша-то в курсе, что ты тут заголяешься? Или просто хочешь развлечься по-быстрому, пока подпол занят?

Голос теперь звучал прямо за спиной, но Эмма с каменным выражением лица продолжала раздеваться, надеясь, что не покраснеет и не выдаст, как ее смущает стоящий прямо за спиной голый мужик.

– Так и будешь молчать? – прошептал боец в самое ухо, обжигая дыханием.

– Отвали от меня! Я такой же боец, как и ты, и имею право находиться здесь.

– Такой же, как и я, детка, – рассмеялся парень. – Ты это скажи моему члену. Ему ты кажешься совсем не такой, как я!

Эмма развернулась, практически уткнувшись в голую

грудь парня. В ее живот уперлось что-то твердое и горячее. Боец тут же обвил ее талию своими нахальными ручищами и притиснул еще ближе.

– Что, обойдемся без долгих прелюдий? – ухмыльнулся он.

– Руки убери, иначе тебе больше никогда не понадобятся ни прелюдии, ни то, что за ними следует, – Эмма влила в свой голос максимум холода и ярости.

– Сердитый маленький котенок, – парень дунул ей в лицо и все же разжал руки. – Ладно, беги. Думаю, мы не последний раз видимся, раз ты теперь «такой же боец, как и я». И надеюсь, однажды ты окажешься поговорчивей и осчастливишь и меня, и мой член.

– Даже не мечтай!

Эмма обошла парня и устремилась в душевую, сопровождаемая заливистым смехом.

– Меня Михей зовут. Комната 205, если захочешь расслабиться и получить реальное удовольствие, – крикнул он.

– Придурок, тебе нечего предложить нормальной девушке для удовольствия, – раздался голос Пич от входа в предбанник. Эмма краем глаза заметила, что вслед за ней вошли и остальные.

– Пичужка, классная задница! – свистнул один из близнецов.

– Поддерживаю! – ухмыльнулся Кирос, поедая Эмму взглядом.

Сеймас же сузил глаза, буквально сжигая ее гневным сиянием глаз. На что он злится в этот раз?

– Пич! – резко окликнул он, и девушка оглянулась. – Я забыл кое-что. Помоюсь позже. Ты смотри тут...

И, стремительно развернувшись, мужчина вылетел вон. Когда Эмма вошла в душевую, то увидела там еще четырех бойцов. Ее появление приветствовали свистом и всевозможными шуточками. Выбрав угол подальше от них, она включила воду. Парни хотели переместиться ближе, но тут в душевой появились Пич и близнецы, недвусмысленно занимая все ближайшие места в душе.

– Пасти захлопнули, утырки! – рявкнул один из братьев. – Вам там ни хрена не обломится. Самим мало!

Завязалась обычная перепалка, едва не перешедшая в шуточную потасовку. Эмма же в ускоренном темпе намыливала голову и тело, желая испариться из-под всех этих голодных взглядов.

– Тебе стоило меня подождать. Хотя бы в первое время, – прошептала стоявшая ближе всего Пич.

– Я не нуждаюсь в опеке, – раздраженно заметила Эмма.

– Ну да. И, видимо, поэтому у тебя лицо красное, и глаза, как у олененка Бемби.

– Я... Это не так!

– Так, так, подружка. А эти долбоящеры такое в момент просекают. И кто говорит об опеке-то? Просто девочкам легче держаться вместе. Так огрызаться проще. А то этих коз-

лов озабоченных тут в пять раз больше, чем нас.

В этот момент в душевую буквально ввалился Кирос, страстно целуясь с какой-то девушкой. Совершенно не обращая внимания на окружающих, он прижал ее к стене, вставая под душ, и заставил обхватить себя ногами. Внимание переключилось на них, и хотя Эмма и отвернулась сразу же, игнорировать стоны и ритмичные шлепки тел было невозможно. Как и смех, комментарии и «дельные» советы остальных мужчин.

– О, опять начинается, – закатила глаза Пич. – Боже, Кир, ты такой, мать твою, озабоченный урод!

– Пошла ты, Пич! – протяжно простонал Кирос.

– Ты помылась? – спросила Пич Эмму, и та поспешно кивнула. – Тогда давай валить отсюда, потому что сейчас тут такая непотребная хрень начнется! Боюсь, для тебя это пока немного чересчур.

Эмма была только рада вылететь из душевой, во влажном тяжелом воздухе которой все громче раздавались стоны и вскрики, гулко отражаясь от стен.

– Боже, ты реально сейчас похожа на свеклу! – рассмеялась Пич. – Привыкай, такой вот Кирос ушлепок, хотя, конечно, в остальном он не так уж и плох. Но в том, что касается секса, он всегда такой. Ему нравится, когда смотрят на него, а еще больше он любит смотреть сам.

– Черт, Пич, я не хочу этого знать, правда, – пробормотала Эмма, судорожно вытираясь.

– Да, ладно, Джимми, тебе с этим придется сталкиваться постоянно, поэтому привыкай. Иначе они заметят и сожрут тебя.

– Да, я постараюсь. Только... Вот скажи, мне понятно, что парни озабоченные и все такое, но почему та девушка... Ну, в смысле, все же смотрят. Как же она...

– Мелкая, они наверняка уже не только смотрят. А девушке в этот момент на это совершенно плевать. Понимаешь ли, я ведь тебе не просто так говорила не пялиться на Киросу слишком долго. Говнюк просто средоточие сексуальности и соблазна. Он может «подманить» тебя взглядом и заставить дотронуться. И тогда ты заведешься так, что уже не сможешь остановиться. А во рту в его клыках у него специальные железы. Если он поцелует, лизнет, просто тупо плюнет тебе в чай, у тебя на несколько часов голова начисто оторвется. Все, чего ты будешь хотеть или о чем думать, – это как бы трахнуть любой движущийся объект. Будешь умирать от истощения, но тормозов не будет.

Эмма потрясенно посмотрела на Пич.

– То есть эта девушка там... она не в себе? Но это же практически изнасилование!

– Э-э-э, послушай, Джимми. Кирос и еще трое таких же, как он, что живут тут на базе, конечно, козлы и засранцы, но ничего не станут делать насильно. Это девка, Флеш, сама приходит к нему. Она реально подседа на этот его яд. Причем по собственной воле. Так что все, что там происхо-

дит сейчас, – абсолютно добровольно. Просто ей нравится трахаться, как долбаной течной кошке так, чтобы наутро ноги вместе не сходились. Поэтому просто забей. И кстати, по жизни она та еще тварь редкостная. А тебе на будущее советую завести себе тут постоянного партнера, ну, или парочку – из числа парней посильнее. Так, чтобы все остальные соблюдали дистанцию, раз тебя так смущает лишнее внимание. От подколок и длинных языков это не избавит, но держаться подальше будут.

Они оделись и вышли в коридор.

– Пич, меня это вообще не интересует, – Эмма почувствовала, что опять краснеет.

– Что так? Есть постоянный мужик снаружи? – не отставала Пич.

– Нет. Мне просто не нужно это, ясно? – раздраженно ответила Эмма.

– погоди-ка! – остановилась Пич и схватила Эмму за руку. – Ты, мать его, девственница!

Эмма залилась краской и судорожно выдохнула.

Пич же посмотрела по сторонам, проверяя, нет ли кого поблизости.

– Я угадала, верно? – очень тихо сказала она. – Вот ведь хрень! Если эти похотливые скоты узнают об этом, то они же на тебя устроят настоящую охоту!

– Если ты станешь орать об этом в общем коридоре, то они об этом точно узнают еще до вечера! – огрызнулась Эмма и,

вырвав руку, быстро зашагала к своей комнате.

– Эй, Джимми, ну прости дуру! – помчалась ей вслед Пич.

Глава 3

Эмма влетела в комнату, впрочем, оставив дверь нараспашку. Но Пич замерла на пороге, переминаясь с ноги на ногу.

– Джимми, могу я войти? – просительно сказала она.

Эмма удивленно посмотрела на застрявшую в дверях сослуживицу.

– А что, ты вроде вампира из старых книжек и фильмов и, пока не пригласишь, войти не сможешь? – усмехнулась Эмма.

– Не-е-ет, вампиров не бывает, я это точно знаю! Просто тут личная берлога – это, типа, святое! Если тебя не приглашают, нельзя входить. Ты, кстати, запомни на будущее, – пояснила темнокожая девушка.

– Что, и командиры даже спрашивают?

– Ну да, хотя, в принципе, не должны. В экстренных случаях, конечно, они не церемонятся, а так-то не принято вламываться. Мало ли чем народ занят? Не все же такие, как Кирос и сотоварищи.

– Ясно. Входи, Пич, и дверь закрой. Ведь я вижу, что ты не намерена отстать от меня со своими нескромными вопросами, так что лучше задай их сразу и внутри, чем будешь приставать повсюду и там, где нас подслушать могут.

Пич только этого и ждала и впорхнула внутрь, захлопывая

дверь.

– Нескромные вопросы, говоришь? Ну, знаешь, Джимми, если ты собираешься нормально существовать здесь, а не ходить, заливаясь румянцем на каждом шагу, тебе стоит забыть о глупой скромности.

– Я так не думаю.

– Да уж поверь мне. Я-то тут выросла! Пойми, когда живешь и служишь в месте, где парней в разы больше, чем девушек, приходится приспосабливаться. Это при выходе за периметр они, типа, меняются и пытаются изображать кого-то вроде джентльменов, снимая девчонок. А здесь мы для них вроде как такие же, как они, равные, с которыми не нужно стесняться в выражениях, ведь мы знаем друг друга как облупленные, выросли вместе. Так что притворяться смысла нет. Но при этом они и никогда не позволяют забыть, что с удовольствием поимеют тебя, если только ты позволишь. Но мы-то им уже примелькались, да и чего уж греха таить, кто кого хотел, тот того попробовал. Особенно когда помоложе были, дико чудили, а некоторые и продолжают в том же духе. Ну, ты сама все видела сегодня в душевой. А ты здесь новенькая, человек извне, да еще и девчонка. Была бы парнем, они бы к тебе цеплялись постоянно, задирали, испытывая на прочность и выясняя, насколько крепкие у тебя яйца. А так будут донимать, приставать, соблазнять, выстебываться друг перед другом. Пока ты была снаружи, тебя, вроде как, авторитет отца защищал. Но теперь ты своя, внутри,

так что для этих озабоченных больше нет запретов. А если еще и пронюхают, что ты у нас невинное дитя, то вообще под твоей дверью лагерь разобьют. Понимаешь, у большинства парней, типа, пунктик по поводу, что он будет первым там, где до него никого не было. Их на это прям подклинивает. Это даже не вопрос секса, а кто круче и удачливей других. Для всех нас эта хрень как бы весьма важна, но у мужиков тут это просто до клиники доходит. Поэтому я тебе и советую побыстрее выбрать кого-то одного и избавиться от всех проблем разом.

– Пич, я не считаю, что быть девственницей – это и правда проблема, – нахмурилась Эмма.

– В любом другом месте возможно, мелкая. Но не здесь, где вокруг тебя будет клубиться стадо мужиков, у которых стоит почти всегда. Они же продыху тебе не дадут.

– Ну, значит, нужно сделать так, чтобы они ни о чем не узнали!

– И как ты себе представляешь, если будешь жить здесь, но ни с кем не будешь встречаться? Эта база, мать ее, – маленький улей, полный сплетен.

– Пич, я действительно не хочу об этом разговаривать! – возмутилась Эмма.

– Ладно. Как скажешь, – пожала плечами девушка. – А как тогда насчет того, чтобы найти хорошего парня снаружи? Типа романтика, любовь и все такое. Лепестки роз и свечи в первый раз!

– Пич! Я просто хочу служить и оправдывать надежды своего отца! Хочу, чтобы он мною гордился! Вся эта суета с сексом и романтикой сейчас не для меня!

– Сейчас, Джимми? – вскочила Пич с кровати. – А когда? Тебе восемнадцать! Не все из нас дожили даже до этого возраста! Разве ты не понимаешь, что каждый выезд на задание, каждый день может стать для нас последним? Мы ведь не в игрушки тут играем! Я рассталась со своей невинностью в мой шестнадцатый день рождения, и, поверь, что я тут была уже, типа, задержавшейся. С тех пор я ни одной ночи не провела в пустой постели, кроме тех, что была на задании. И не собираюсь пребывать в одиночестве и впредь. Ведь завтра меня могут привезти обратно на базу в мешке для трупов, и это в том случае, если мне охренеть как повезет, и от тела что-то останется. Какой смысл ждать не знамо чего? В нашей жизни не бывает хороших чудес, только такие, которые способны убить быстрее, чем ты успеешь осознать, что тебе конец. Так что ты будешь полной дурой, если станешь сидеть и ждать лучших или более подходящих для этого времен. Жить надо прямо сейчас, Джимми!

Непонятно почему, но Пич сейчас выглядела искренне взволнованной и смотрела на Эмму с настоящей жалостью.

– Разве ты не понимаешь, что, придя сюда, рискуешь потерять свою единственную ценность – жизнь в любой момент? Так кому, на хрен, будет нужно твое целомудрие, когда тебя закопают? Будет тогда иметь значение – умерла ты чистой и

нетронутый, как сейчас, или такой вот шлюшкой, получающей кайф от жизни, как я?

– Отстань от меня! Что насчет тебя самой? У тебя-то есть постоянный парень? – огрызнулась Эмма.

– Нет. Но только потому, что я знаю подноготную и косяки каждого тут и реально не вижу никого, достойного занять постоянное место рядом со мной. Единственный, кого я хотела бы в этой роли, – Сейм.

– Лейтенант Сеймас? – поперхнулась воздухом Эмма.

– Да-а-а, – мечтательно протянула Пич. – Вот это мужик, на которого у меня постоянно аж по коленкам течет. Хочешь сказать, что тебе он не понравился?

– Что в нем может нравиться, Пич? Он грубый, злобный, такой огромный, что просто оторопь берет...

Эмма порывисто отвернулась к небольшому окну, чтобы не выдать эмоции.

– Точно, Джимми. Он именно такой, каким и нужно быть настоящему мужику, а все остальные на его фоне долбанные слюнтяи и детский сад, младшая группа. А как он оснащен, Джимми! – закатила глаза Пич. – Я видела его в душе пару раз с утренним стояком, чуть язык не проглотила...

– Пич! Я плевать хотела на то, как... мм-м... «оснащен» лейтенант Сеймас! Он мой командир и злобный здоровенный засранец! Этой информации о нем мне вполне достаточно!

– Дурочка! Никому на этой базе, у кого есть вагина, не

наплевать на то, что между ног у Сейма! Это же просто какая-то гребаная башня Изенгард! Только никто здесь не может похвастаться, что хоть разок побывал на ее вершине. Стальной Сейм, мать его, недосыгаем.

– Почему? У него есть девушка?

– Нет. По крайней мере, не такая, о которой кто-то бы знал. Болтают, что он посещает определенные тематические клубы в городе, ну, знаешь, где дамочки любят, чтобы их связали, отшлепали и трахнули пожестче...

– Пич, слишком много лишней информации! – застонала Эмма, закрывая уши почти в отчаянии.

– Эй! Я лишь пытаюсь сказать, что считаю, что это просто глупый треп. Никто не видел ничего своими глазами. Просто этот мужик – натуральный кусок льда, и ни одна из нас, что облизываются на него все это время, не получила даже намека на шанс попробовать его на вкус. Понимаю, что он молодой здоровый самец и должен где-то трахаться. Но никто и никогда не слышал от него об этом. Парни любят почесать на эту тему языками, похвастаться своими реальными или вымышленными победами. Но только не Сейм. Его личная жизнь – чертова загадка века, Джимми.

– Мне-е-е плева-а-ать! – протянула Эмма, почти рыдая.

Хотя это, конечно, было ложью. Отчасти. Эмму на самом деле не интересовали пристрастия и похождения Сеймаса. Но стоило признаться, что это вовсе не значит, что ее совсем уж не занимал он сам. В его присутствии она почему-то чув-

ствовала себя взволнованной и рассеянной. Теряла концентрацию каждый раз, когда он маячил где-то поблизости все эти годы. И это злило и сбивало с толку. А теперь еще ей придется тесно взаимодействовать с ним каждый день. И это не могло оставить равнодушной. Но рассказывать об этом кому-то, а уж тем более болтливой Пич, она не собиралась.

– Ладно, ладно, Джимми! Не хочешь говорить об этом – не надо! Я подожду, пока ты сама дозреешь! Только очень прошу, если уж положишь на кого-то тут глаз, просто скажи мне, и я поведаю, что любой из себя представляет!

– Я так и сделаю! – рассмеялась Эмма. – Тем более если учитывать то, что ты знаешь о каждом, у меня все шансы после твоих рекомендаций остаться вечной девственницей.

Пич подняла брови, словно раздумывая над словами Эммы.

– А ведь и верно, – со смехом согласилась она. – Если ты будешь слушать меня, то окажешься в этом смысле в полной безопасности! Кстати, время обеда! Пошли в буфет, я жрать хочу зверски!

При подходе к буфету Эмма услышала гул множества голосов и взрывы молодецкого хохота и опять немного оробела. Встречавшиеся по дороге бойцы нагло пялились на них с Пич и отпускали скабрзные шуточки. Но Пич не оставалась в долгу и отбрасывала всех так, словно этому всю жизнь только и училась, оставляя парней растерянными, а иногда гневно подыскивать слова для достойного ответа, пока сама, чув-

ственно покачивая бедрами, шла вперед. Эмма практически восхищалась этой манерой девушки совершенно невозмутимо отвечать на любые пошлости, вводя иногда в смущение самих парней.

Ей случалось и раньше бывать в столовой с отцом, но сегодня все было по-другому. Когда они выбрали еду, Пич махнула головой ей в сторону стола в дальнем, относительно тихом углу. Там уже удовлетворяли богатырский аппетит оба брата. Они вполне дружелюбно отсалютовали им с Пич ложками и даже промолчали. Видимо, есть и одновременно придумывать, как зацепить окружающих, у них не получалось. Зато Пич болтать ничего не мешало.

– Парни, какие планы на вечер? – кивнула она близнецам.

– А что, бывают варианты? Напиться и потрахаться, – фыркнул Сидда.

Эмма запомнила рисунок меток на их шеях и теперь не путала братьев.

– Просто предлагаю, типа, отметить появление нового члена в команде.

– Хм... Поддерживаю! – откликнулся Брант. – Как ты, пичужка, готова стать взрослой девочкой и выпить с большими дядями?

– Что? – Эмма встрепенулась и отвлеклась от наблюдения за Киросом и Сеймасом, которые теперь с подносами направлялись в их сторону. – Нет! Я не хочу пить и не стану выходить с базы!

– Да ладно тебе, Джимми. Не нужно быть такой занудой! Пойдем повеселимся! – стала уговаривать ее Пич.

– Эй, кто тут говорит о веселье! Я готов участвовать! – раздался знакомый голос со спины, и Эмма, обернувшись через плечо, чуть не подавилась, увидев того самого парня, что прижимался к ней голышом в предбаннике душевой. Сейчас он уперся в спинку ее стула руками и склонился к самой шее Эммы.

– Отвали, Михей! Тут, типа, частная вечеринка планируется, только для своих! – раздраженно ткнул в сторону парня ложкой Сидда.

В этот момент Кирос и Сеймас дошли до стола, и блондин плюхнулся напротив Пич. Лейтенант поставил свой поднос напротив Эммы, но пока остался стоять, упершись убийственным взглядом в Эмму и парня, так близко стоящего к ней.

– Что обсуждаем? – бодро спросил Кирос.

– Сегодняшнюю вечеринку по поводу прибытия Джимми в наши ряды! – ответила Пич. – Но тут некоторые не понимают, что праздник будет только для своих.

– А разве я не свой? – наигранно обиженно отозвался Михей. – Малышка так сегодня терлась об мой член, что я теперь прям самый что ни на есть свой! Так что я тоже участвую! Куда идем?

– Можете идти, куда хотите! – прорычал Сеймас, резко усаживаясь. – Но только без самой Джимми! У нее сегодня

вечерняя тренировка! После того как она сегодня облажалась на спаррингах, ей долго увольнительная не светит.

Все удивленно уставились на лейтенанта, но возразить никто не посмел. Только Кирос пробормотал «Это жесть!» себе под нос. Эмма же едва не расплакалась, проглатывая обиду. Она облажалась? Значит, вот как он о ней думает? Но разве это справедливо, и она была так уж плоха? Горя гневом, она уставилась на огромного мужчину через стол, желая спалить его на месте. А Сеймас же с абсолютно равнодушным лицом набил рот и смотрел прямо на нее, словно желая насладиться эффектом от собственных слов, и, только прожевав, поднял глаза на все еще маячившего за спиной у Эммы Михея и ткнул в него пальцем.

– Боец, если не ошибаюсь, твоя группа ест во-о-он там. Так какого черта ты делаешь здесь?

– Что-то я не помню правил, запрещающих находиться в любой части столовой, Сейм, – огрызнулся Михей.

– Может, правил и нет. Но я, как старший по званию, говорю тебе свалить на хрен и не мешать принимать пищу члену моей группы! У нее все равно на тебя времени не будет ни сегодня, ни вообще в ближайшее время, потому что она будет впахивать с утра до ночи, устраняя пробелы в своей подготовке! Так что вали отсюда! Желаю хорошо повеселиться вечером в городе!

– Сука! – еле слышно прошипел Михей и демонстративно опять склонился к Эмме. – Еще увидимся, красавица!

Все доедали в полном молчании, и никто не смотрел на Сеймаса. Когда Эмма поднялась, чтобы уйти, лейтенант окликнул ее:

– Боец Джимми!

– Да, сэр?

– У тебя на отдых полтора часа, а потом изволь явиться на полосу препятствий первичной сложности. Посмотрю, на что ты способна в поле.

– Но, сэр, я давно уже с легкостью прохожу полосу препятствий четвертого уровня... – попыталась возразить Эмма.

– Здесь я решаю, что вы делаете с легкостью, а что кое-как, боец Джимми! Через полтора часа на полосе для новичков! Приказ ясен?

– Так точно, сэр! Могу я идти?

– Свободна!

Эмма, развернувшись, зашагала к выходу, стараясь не перейти на бег.

– Сейм, ну, может, не стоит так... – начал Кирос.

– Напомни мне, кто здесь командир группы?! – продолжая меланхолично жевать, спросил лейтенант.

– Ты, – глухо ответил блондин.

– Ну вот и чудно, что ты об этом помнишь. Еще у кого-то проблемы с памятью имеются?

Ответом было молчание.

– Прекрасно. Повеселитесь от души, но не забывайте, что

завтра подъем как обычно в полшестого.

Все постарались быстрее доесть и исчезнуть из-за стола, оставив Сеймаса одного не спеша поглощать пищу, уткнувшись безразличным взглядом в стену.

Прямо перед дверями своей комнаты Эмма налетела на отца, выросшего буквально ниоткуда.

– Эм... Джимми, я могу войти? – быстро спросил он.

– Да, конечно, сэр.

Войдя внутрь, подполковник огляделся, остановившись посреди комнаты и несколько нервно покачиваясь с пятки на носок. Эмма замерла перед ним, ожидая, что он скажет.

– Присядь, дочка, – сделал дерганое движение в сторону кровати мужчина, и Эмма привычно подчинилась.

– Ну, как твой первый день? – обыденно спросил он, обводя при этом внимательным взглядом комнату.

– Все хорошо, сэр.

– Как тебя приняла команда?

– Вполне сносно. Надеюсь, дальше будет только лучше, – Эмма постаралась придать своему голосу максимум оптимизма.

Подполковник сунул руку в нагрудный карман, и она слышала тихий щелчок. Мужчина шагнул к Эмме вплотную и заговорил очень тихо и непривычно торопливо:

– Эмма, послушай меня внимательно. Ты, конечно, должна очень стараться и показывать максимум своих физических возможностей. Но прошу тебя, когда дело дойдет до

применения способностей ключа и остальных тому подобных, будь предельно осторожна! Не показывай всего и сразу. А лучше не раскрывайся полностью никогда. Давай крохи, им и этого хватит! И ради всего святого не забудь принимать свое лекарство!

Эмма, опешив, стояла, шокированно уставившись на отца. Она уже открыла рот, чтобы задать закрутившиеся в голове вопросы, но Лейн отрицательно покачал головой и сделал шаг назад, снова сунув руку в карман.

– Ну что же, я рад, что у тебя все хорошо. Надеюсь, ты и впредь будешь стараться, – прежним тоном сказал он.

– Да, сэр, – растерянно ответила Эмма, оставаясь в плену взгляда мужчины, в котором проявились эмоции, каких она раньше никогда не видела в этом суровом и неласковом мужчине.

– Желаю удачи в дальнейшей службе! – сухо сказал подполковник и стремительно покинул ее комнату, оставляя Эмму в недоумении.

О чем он говорил только что? Разве не сам он всегда наставлял ее стремиться быть полезной и проявлять максимальное рвение в службе. Так что же теперь?

Сбросив обувь, она растянулась на кровати, позволив наконец себе почувствовать боль в ушибленных местах и сильную растерянность от всего, что происходило сегодня.

Сеймас с его придирками, все эти мужчины вокруг с голодными взглядами и грязными языками, Пич с ее напряга-

ющими предупреждениями и вот теперь отец, пожелавший ее предостеречь... но, собственно, от чего? На короткий момент Эмма позволила себе стать просто девчонкой, которой восемнадцать, она сегодня навсегда покинула родной дом и немного напугана, и у нее болит все тело. Пара слезинок выкатилась из уголков глаз, но она быстро их стерла, как и мысли о своей краткой слабости.

Глава 4

– Шевелись, Джимми! – рявкнул лейтенант, без напряжения двигаясь прямо за ее спиной и жутко этим нервируя.

Если он хотел просто проверить ее подготовку, то разве не мог наблюдать издалека, как это всегда делал отец во время занятий? Но вместо этого он буквально дышал ей в затылок, погоняя, словно тупую скотину, и беспрерывно придираясь к малейшим оплошностям. Эмма злилась и не могла сосредоточиться, и из-за ее нервозности даже мелкие недочеты превращались в ошибки. А Сеймас целенаправленно нависал над нею, третируя, насмехаясь и вынуждая косячить снова и снова. После полосы препятствий она отстрелялась так плохо, что едва не сгорела со стыда. А все потому, что он стоял над душой и критиковал каждое долбаное движение. По его словам, она в высшей мере криворукая и абсолютно все делает неправильно! Сеймас гонял ее снова и снова, каждый раз цепляя, кажется, все больше! Хренов жестокий мудака! Нет, он не оскорблял ее напрямую, замечания и упреки все были вроде по делу и профессиональны, но сказаны были таким равнодушно-ехидным тоном, что делало их в сто раз обидней любых воплей или ругани. Эмма сжимала зубы и выкладывалась по полной, но для него ничего из того, что она делала, не было достаточно. К тому времени как они закончили, Эмма была мокрой, как мышь, от пота, а

в теле тряслась каждая мышца и даже не столько от нагрузки, сколько от нервов. И так и не дождалась от лейтенанта ни единого доброго слова. У нее едва хватило сил добраться до совершенно пустого в этот час душа. Хотя, вот появись здесь кто-нибудь или даже повторись прежнее секс-шоу, ей бы в данный момент было наплевать. Она была вымотана, зла, и единственное искреннее желание, заполнявшее сейчас ее мысли, – это как-то добраться до глотки проклятого Сейма. Отец тоже не особо с ней церемонился, но Сеймас был просто чертовым садистом. Дотащившись до постели, Эмма со стоном рухнула, даже не имея сил стянуть одежду. И вроде только закрыла глаза, как вдруг над ней раздался громогласный вопль:

– Подъем, боец Джимми! Время 5:30, и все, кроме тебя, уже на ногах! – Ненавистное лицо лейтенанта, не отпускавшее ее даже во сне, было первым, что она увидела, открыв глаза.

– Мне казалось, что входить без приглашения тут считается невежливым, – прохрипела она, поднимаясь.

– Я твой командир, так что знаешь, где видал эту вежливость? – рыкнул мужчина уже в дверях. – На выход, мисс неженка!

Обуваясь, Эмма скрипела зубами от злости и боли в теле и буквально вынудила себя двигаться вперед.

Следующие шесть дней слились для девушки в какой-то смазанный кошмар. Утром они совершали многокиломет-

ровые броски, чаще всего еще и таща на себе вооружение, потом был завтрак, короткая передышка, занятия в тренажерке, спарринги, затем обед, после которого остальные были предоставлены сами себе. Но для нее свободного времени у Стального Сейма не было запланировано. Поэтому единственным удовольствием в жизни Эммы остался сон и недолгая болтовня с Пич. Странно, но через пару дней даже близнецы перестали к ней цепляться, все чаще поглядывая с сочувствием. Кирос же прямо стал смотреть на Сеймаса с четко читаемым осуждением и не заводил в ее присутствии свои вечные похабные разговорчики. Если бы Эмма не уставала настолько, то, возможно, заметила бы явно заключенный между бойцами ее группы негласный договор и их вроде незаметные, но достаточно эффективные усилия, помогающие держать всех нахальных мужских особей подальше от нее, чтобы они не испытывали и без того истончившееся до полной прозрачности терпение девушки. Единственный, кто стабильно прорывался, нагло игнорируя секретную оборону, – это тот самый дерзкий Михей. Он не хамел, но не давал Эмме забыть о своем существовании ни на один день, даже несмотря на постоянное рычание на него лейтенанта. Но сама Эмма не замечала пока ничего, так как практически спала все те короткие моменты передышек, что оставлял ей Сейм. Даже во время еды Пич и остальным приходилось постоянно ее встряхивать, чтобы не вырубалась за столом. Но вслух никто не обсуждал действия лейтенанта, а сама Эмма

не стала бы жаловаться ни за что на свете. Только Пич наедине могла сочувствовать ей.

– Да уж, Сейм взялся за тебя конкретно! – почти печально сказала в один из дней Пич, забежав к ней перед сном.

– Просто он наверняка пытается меня убить! – буркнула Эмма, не в силах даже открыть глаза. Она почти спала, иначе не позволила бы себе даже эти высказывания. Ведь сама стремилась сюда и хотела, чтобы к ней относились так же, как ко всем, без поблажек. Кто же знал, что с желаниями нужно быть поосторожнее.

– Проклятый СС! Ему доставляет удовольствие измываться надо мной. – Она со стоном перевернулась на живот и неожиданно почувствовала сильные руки Пич, разминающие ее одеревеневшие мышцы. Это так шокировало, что сон слетел за одну секунду. С самого детства, тогда, давно, в приюте, к ней никто никогда не прикасался ласково. Те поглаживания по волосам и короткие объятия, что ей дарили нянечки, а особенно добрая полная кухарка, Эмма до сих пор хранила в памяти как настоящие драгоценности. Она даже не могла вспомнить лица пожилой женщины, но помнила запахи и звучание голоса. С тех пор единственное ее взаимодействие в виде прикосновений заключалось в еженедельных медосмотрах, заборах крови и измерениях. А когда она подросла, к ним добавились контакты с отцом, когда он стал обучать ее боевым искусствам. Но удары, тычки и рывки сложно назвать проявлением внимания.

– По... Почему ты делаешь это? – шокированно спросила Эмма шепотом, не двигаясь с места.

– В смысле? – удивилась Пич. – Делаю что? Разминаю твои мышцы?

– Да.

– Ну, может, потому, что прекрасно знаю, как они болят после таких нагрузок.

Эмма сглотнула.

– Я не об этом. В смысле, почему ты вообще делаешь это? – смущенно пробормотала она.

– Говорю с тобой и пытаюсь помочь?

Эмма молча кивнула.

– Ты не допускаешь, что просто нравишься мне?

Эмма испуганно замерла, и Пич, почувствовав это, вдруг расхохоталась.

– Вот ты дуручка, Джимми! Я же не в этом смысле! Я, знаешь ли, девочками не интересуюсь, даже такими хорошенькими и невинными, как ты! Я как-то настоящих похотливых жеребцов предпочитаю! Расслабься ты, а то вся тут отвердела, как кусок гранита! Ты мне нравишься без сексуального подтекста, мелкая! Понимаешь, когда я смотрю на тебя, в глаза твои... ну, не знаю, просто что-то внутри переворачивается, что ли. Словно ты умудряешься этими своими глазами лучистыми вытянуть что-то из глубины души... Бли-и-ин, Джимми, не знаю я, как это сказать! Я же боец, а не долбаная выпускница какой-нибудь школы изящной словес-

ности!

– Хочешь сказать, что я выгляжу слабой и вызываю желание защищать меня? – снова вспыхнула и напряглась Эмма.

– Балда! – легонько треснула ее по затылку Пич. – Это совершенно другое! Просто когда я рядом с тобой, я словно лучше становлюсь, понимаешь? Как будто все то паршивое, что случилось увидеть и испытать в этой жизни, ненадолго отступает, и я вроде чувствую себя чище, чем я есть на самом деле. И никакого, мать его, отношения к жалости это не имеет. Скорее уж я себя чувствую... хм... пожалетой. Так понятней?

– На самом деле не очень, – вздохнула Эмма, но расслабилась.

– Да и мне самой, если честно, аналогично. Только могу сказать, что это не одна я чувствую. Ты, может, и не заметишь, но я-то вижу, что и Брант с Сиддой меняются, когда ты рядом, и даже этот развратный засранец Кирос.

– Ты преувеличиваешь!

– Ну да! Я уже прямо соскучилась по всему тому дерьму, что вечно сыпалось из их грязных ртов! В твоём присутствии они прямо как чертовы ученицы института благородных девиц. Я так навыв огрызаться каждую минуту могу потерять! – рассмеялась Пич.

Эмма не знала, что на это сказать, и просто протяжно вздохнула, чувствуя, как боль уходит из мышц под умелыми пальцами Пич.

– Жаль только, на лейтенанта мое выдуманное тобой влияние не распространяется! – грустно протянула она.

– Джимми, ты не злишь на Сейма. Он, конечно, жесткий мужик, но реально справедливый и умный. Если он гоняет тебя, то знает, зачем.

– Само собой знает! Чтобы поглумиться! – вяло огрызнулась Эмма.

– Не нужно воспринимать это так, Джимми. Поверь, если он заставляет тебя повторять что-то раз за разом, значит, видит, что это тебе необходимо и однажды спасет жизнь. Каждый из нас оказался в свое время в его группе потому, что мы на самом деле верим, что он лучший. Здесь на базе хватает сильных и опытных бойцов. Многие – реальные машины убийства. Но есть одно «но». Не каждый готов отвечать не только за себя, но и за целую группу. Стать настоящим лидером, который не только может повести за собой в бой, но и вытащить всех обратно живыми. Сейм это может, и на заданиях мы доверяем ему, как Господу Богу, и ни разу он не подвел нас. За те три года, что он стал нашим главным, мы не потеряли никого. А знаешь, насколько это значимо в нашей жизни? Так что ты смирись и попробуй принять все его приказы как должное. Даже если сейчас они тебе кажутся натуральными издевательствами.

– Я пытаюсь. Не особо выходит, – призналась Эмма.

– Это все потому, что ты постоянно внутренне упираешься. Ты борешься с Сеймом подспудно, считая его изначально

противником. А тебе нужно понять, что и ты, и мы, и он – одна команда! – терпеливо объясняла Пич.

– Ну, знаешь ли, он не особо счастлив был моему появлению в вашей команде!

– Может, и так. Но мы военные, Джимми, и не можем решать, кому служить с нами, а кому нет. И даже если он и не рад твоему появлению, то уже полностью принял на себя ответственность. Это, знаешь, как в кино, когда мужик узнает, что от него кто-то залетел, и сначала не хочет этого ребенка. А потом привыкает и даже любит этого малыша больше всего на свете.

– Стальной Сейм может полюбить меня как собственное дитя? – Эмма затряслась в сдерживаемом смехе. – Пич, ну у тебя и воображение!

– Ну ладно, тут я слегка загнула, признаюсь! – также не сдержала веселья Пич. – Но тебе тоже стоит поработать над тем, чтобы не видеть в каждом его слове или указании издевку над собой. Просто попробуй – тебе самой проще станет. Ладно, хорош тут демагогию разводить. Сон для тебя ценнее, чем вся болтовня в мире, вместе взятая.

Темнокожая девушка встала и пошла к двери.

– Пич, а мы, типа, теперь подруги? – сонно пробормотала Эмма, явно уже не совсем осознавая, что говорит.

– Хм-м. Ну, вроде того. Спи, мелочь лучезарная.

И Эмма действительно погрузилась в сон, едва за Пич закрылась дверь.

Седьмое утро на базе совершенно отличалось от всех предыдущих для Эммы. После подъема Сеймас не повел их вооружаться для очередного броска и даже не отправил в тренажерку. Вся группа молча шла за ним в сторону административного корпуса, и Эмма ощутила, как внутри все начало вибрировать в предвкушении и почти настоящем страхе. Потому что изменение обычного маршрута могло означать только одно. У них задание. Ее первое реальное задание! И эта мысль заставляла ее сердце буквально выпрыгивать через горло.

Войдя внутрь, они отдали честь и предъявили личные карты охране, а затем спустились на уровень ниже в огромном лифте со сплошными стальными стенками, для входа в который Сеймасу понадобилось просканировать собственную сетчатку. Эмма бывала с отцом в этом здании, но всегда только на верхних уровнях. А, судя по количеству кнопок с незнакомыми символами, вниз уходило как минимум еще пять.

Сеймас привел их в большой кабинет с экраном во всю стену и сухо приказал сесть на жесткие металлические стулья. Как только все расположились, он взял с небольшой кафедры пульт и включил изображение. То, что они увидели, больше всего напоминало какой-то заброшенный стадион, снятый с высоты птичьего полета. Пластиковых сидений не было и, похоже, давно, а предназначенные для их расположения бетонные ступени успели порости редкой травой, су-

мевшей зацепиться в столь негостеприимном месте. Сама же территория поля вообще превратилась в подобие питомника для молодых деревьев, густо оккупировавших всю поверхность, на которой когда-то гоняли мяч.

– Итак, бойцы, думаю, не нужно говорить, что у нас очередное задание, – начал лейтенант. – То, что вы видите в данный момент, – один их стадионов, который должен был когда-то стать одним из олимпийских объектов в некоем небольшом государстве в Латинской Америке. Но вышло так, что за время подготовки к сему событию в стране случился переворот, и олимпиада оказалась вне списка приоритетов новой власти. Объект был заброшен, но не пропал, можно сказать, даром. В нем одной международной преступной группой организовано предприятие по производству нового вида наркоты. Под стадионом находится целый лабиринт, который строили, понятное дело, для технических целей, но теперь это превратилось в настоящую замороженную крепость.

– Если это известно нам, то почему местные ничего не делают? – подал голос Кирос.

– Ну, во-первых, ты и сам знаешь, каков уровень коррупции в этих мелких странах. Так что на помощь мы не только не рассчитываем, даже более того, о нас никто не будет ничего знать. Ведь вся хрень, что там производится, предназначена не для их детей, у которых на это просто нет денег. Вся она попадает на наши улицы. Поэтому тамошнему пра-

вительству нет особого дела, отчего загибаются наши подростки и молодежь. Но второй и главный вопрос заключаются в том, что к этому милому бизнесу наверняка причастен один из наших «клиентов», если вообще не является его основным владельцем и организатором. Сам вид наркотика признан чем-то совершенно новым, плюс он содержит некоторые соединения, которые абсолютно точно не созданы нигде в нашем мире. Туда уже посылали обычных вояк, и они не смогли даже войти. Тех, кто шел впереди, просто порубило в капусту охранным заклиниванием, а остальным ничего не оставалось, как убраться восвояси, когда их попытались тупо спалить фаерами из скрытого укрытия. Конечно, будь это где-то на территории более приличного государства, этих уродов просто бы взяли измором. Но пропади эта политика пропадом, мы не можем просто так перекинуть группу войск в чужую страну и устроить там многодневную осаду. Вот поэтому мы летим туда и подкрадываемся тихо, как мыши. Кладем охрану, уничтожаем всю лабораторию и само производство. В идеале – добываем сведения об организаторе или хотя бы о том существе, что снабдило ублюдков такой охранной системой. А если нам просто офигительно повезет, то мы получим в качестве трофея самого главного героя. Всем ясна установка?

– Ясна-то ясна, – фыркнул Сидда, – но если туда просто нельзя войти, то как мы внутрь попадем? Я, конечно, понимаю, что мы в сто раз круче, чем целая армия простых вояк,

но все же, Сейм, как?

– Ну, для того чтобы попасть туда, куда другим нет входа, у нас есть универсальная отмычка по имени Джимми. Она же станет и нашим проводником в этих катакомбах, – обыденным тоном объявил лейтенант.

Все уставились на Эмму, и она нервно сглотнула под пристальными и удивленными взглядами сослуживцев.

– Так вот в чем твой прикол, пичужка, – сказал, наконец, Брант. – Ты у нас типа ключ от всех дверей!

– От дверей, ворот, запирающих и охранных заклинаний, а так же чертов компас ко всему желаемому.

Эмма пораженно посмотрела на Сеймаса, когда ей почудилась в его голосе... гордость?

– На самом деле мне еще ни разу в жизни не случалось работать с настоящими заклинаниями. Только с имитацией. Но что касается любых дверей и поиска предметов, то да, все верно, – в смущении промямлила она.

– Вот это реально крутая хрень! – восхищенно выпалил Кирос. – А если я тебя попрошу найти мою единственную любовь, ты тоже сможешь колдануть и ткнуть в нее пальчиком?

– Я не колдую, Кир. И никогда не искала людей, только предметы, артефакты. К тому же я не уверена, что такая женщина вообще существует в природе, – не удержалась под конец Эмма, чем вызвала громкий всеобщий ржач, включая самого Кироса. Даже Сейм не сумел сдержать улыбку.

– Да уж, Кир, тут пичужка права. Не родилась еще, видно, такая женщина, что смогла бы вытерпеть тебя достаточно долго! – сказала Пич.

– Как будто мне и правда захотелось бы ограничиваться одной! Я, млин, всеобщее достояние и услада! – гордо выпрямился блондин.

– Так, поржали и хорош! – одернул всех лейтенант, и группа моментально стала серьезной. – Давайте сосредоточимся на изучении плана местности и набросаем общую схему действий. Наш начальный приоритет – обеспечить Джимми безопасный доступ ко входу и надежно прикрывать ее, пока она будет выполнять свою часть работы. Внутри она также движется первой, поскольку возможны еще магические ловушки, но мы должны отслеживать физические угрозы и вовремя предотвращать их. Поэтому я постоянно буду буквально прилипшим к нашей отмычке, остальные же действуют по обычным схемам в подобных ситуациях и согласно реальной обстановке.

Они еще около полутора часов обсуждали все мелочи операции и изучали доступные сведения по внутреннему устройству катакомб, которых, впрочем, было не слишком много. Затем Сеймас объявил совещание закрытым.

– Все отдыхают до вечера. Вылет десантного транспорта в 21:00. Пич, под твою ответственность проверка нужного оснащения для Джимми. На данный момент все. Встречаемся в 20:30 на взлетной полосе номер четыре. Все свободны.

Они возвращались обратно тем же путем, и Эмма чувствовала на себе постоянный пристальный взгляд Стального Сейма. Но сегодня он не напрягал ее, как обычно. Она едва сдерживалась от того, чтобы не начать подпрыгивать на месте от нетерпения, как маленькая девочка. У нее сегодня самое настоящее задание! Ради этого она готова смиренно выносить даже этого огромного и злобного засранца так близко к себе, как только может понадобиться, сколь угодно долго.

Глава 5

– Джимми, уймись! – уже почти рычала Пич. – Сейм сказал отдыхать перед заданием, а не скакать, как обдолбанный заяц!

– Пич, легко тебе говорить, а у меня это первое в жизни задание! – не унималась Эмма, пытаясь проверить все по новой. – Это для тебя все в порядке вещей, не для меня!

– Джимми, если ты будешь тупо кунять во время задания, это будет настоящим гемором. Тебе понадобятся все силы и внимание, чтобы оставаться в форме. Это не симуляция и не видеоигра, Джимми, нельзя сначала стратить, а потом начать заново. Бог знает, сколько мы еще в засаде пролежим, пока Сейм команду выдвигаться даст. И очень желательно, чтобы все это время ты бодрствовала, а не уснула, лежа среди всяких ползающих тварей в вонючих джунглях. Если не можешь уняться сама, давай в санчасть сгоняем, пусть тебе успокоитель колынут!

Эмма, вздохнув, все же взяла себя в руки. Вытянувшись на койке в своей комнате, она сто раз проиграла в голове все возможные варианты событий и вспомнила все, чему училась. От радости очень быстро Эмма скатилась к панике – а вдруг она не справится и подведет не только всю группу, но и отца, и всех тех, кто делал на нее ставки. Но почему-то страшнее всего в ее фантазиях было упрекающе разочаро-

ванное лицо лейтенанта. Как она уснула – и сама не заметила. Только когда Пич стала трясти Эмму за плечо, она не сразу и поняла, где находится.

– Вот так и знала, что ты напрыгаешься, а в последний момент тебя обрубят, – улыбаясь, сказала темнокожая красавица. – У меня перед первым заданием та же байда была. Сейму пришлось меня по щекам отхлестать, чтобы в чувство привести. Я ведь еще и боялась до уссачки, видела ведь, как других назад в мешках привозят и не всегда целиком.

– Ты боялась? – удивленно спросила Эмма, продолжая облачаться в ускоренном темпе.

– Конечно. Я, по-твоему, кто? Бессмертный, мать его, горец? Все боятся, и это правильно, Джимми. Страх нужен, или очень легко потерять ощущение реальности происходящего, и тогда все, долго не протянешь сам и остальных можешь подставить. Понятно?

– Понятно, – закивала Эмма.

– Эх, Джимми, ничего тебе пока не понятно, но, надеюсь, сегодня все изменится.

До взлетной полосы пришлось уже бежать рысью, чтобы не опаздывать. Даже издали Эмме было видно, как хмурится лейтенант, глядя в их с Пич сторону. И она внутренне сжалась, ожидая очередной порции обидных высказываний.

– Джимми, подойди, – рявкнул Сейм, и она вытянулась перед ним.

Он, вместо того чтобы отругать ее, молча и с мрачным ли-

цом, отцепил и снял ее парашют, вертя ее как куклу. После осмотрел и своими руками проверил каждую деталь и крепление на вооружении и защитном жилете.

– С этой минуты ты не отдаляешься от меня дальше, чем на шаг, до самого конца задания. Все понятно? – отчеканил он.

– Так точно. Только... как я без парашюта? – неуверенно промямлила Эмма.

– Ты прыгаешь в тандеме со мной. Я же ясно сказал, что во время задания мы приклеены друг к другу, и это именно то, что я имел в виду. Что-то еще непонятно? – Странно, но сейчас тон Сеймаса был на удивление терпеливым и даже, можно сказать, мягким.

– Нет, спасибо за пояснения, сэр. Мне все понятно.

Полет в бесшумном десантном вертолете занял несколько часов. Эмма сидела впитык к лейтенанту и чувствовала, как жар его огромного тела просачивается сквозь слои их одежды там, где он касался ее бедром и плечом. И это волновало и сбивало с толку, отзываясь где-то в самой глубине ее существа. Что-то словно копило этот ручеек чужого тепла, разогреваясь в ответ и пробуждая к жизни совершенно до этого незнакомые ощущения. Отодвинуться в тесноте вертолета она не могла и просто старалась отвлечь себя, рассматривая сидящих напротив остальных бойцов, дремлющих с абсолютно безмятежными лицами. Никто даже близко не выглядел озабоченным или нервным, в том

числе и сам Сейм, на лицо которого Эмма изредка бросала короткие осторожные взгляды.

Но все это дремотное спокойствие слетело в один миг, когда замелькала красная лампочка. Все вокруг пришло в движение. Каждый знал, что ему делать, и никто не суетился. Эмма затаила дыхание, когда оказалась тесно прижата и пристегнута к мощному телу лейтенанта. Самого прыжка она не боялась, так как делала это и раньше неоднократно, но никогда в паре. Это был тот самый момент, когда она будет полностью зависеть от этого мужчины, доверяя ему свою безопасность и жизнь. Была ли она готова? Ох, как будто у нее был выбор или время на подобные раздумья. Прыгали они с малой высоты, поэтому само падение даже не запомнилось, настолько быстро закончилось. Безмолвными тенями они опустились среди огромных деревьев и быстро свернули и спрятали парашюты. Место их десантирования находилось в паре километров от заброшенного стадиона. Двигаясь в неторопливом темпе, они выдвинулись по направлению к объекту. В предрассветные часы все окружающее пространство наполнилось щебетанием, стрекотом, воплями разнообразных живых существ, делая тяжелый влажный воздух джунглей еще плотнее. Остановились они, когда достигли прямой видимости самого стадиона. Незаметное движение руки Сейма, и оба близнеца буквально растворились в сереющем воздухе предрассветного леса. Остальные же улеглись на землю, сливаясь с подлеском, ожидая результатов разведки. Сейм опять

оказался лежащим вплотную к Эмме. И, несмотря на всю бурю предвкушения и волнения, игнорировать факт его такой непосредственной близости у Эммы никак не получалось. Даже сквозь терпкий насыщенный запах лесной подстилки, на которой они лежали, она чувствовала собственный аромат лейтенанта, абсолютно однозначно говорящий, что рядом сильный самец, словно заполняющий и изменяющий все вокруг самим фактом своего присутствия. И это сбивало с толку и мешало сосредоточиться. Спустя какое-то время, показавшееся раздерганной Эмме целой вечностью, в общей какофонии животных звуков послышался негромкий, но отчетливый мелодичный свист. Сейм тут же пришел в движение, вздергивая Эмму на ноги. Буквально метров через сто прежние джунгли сменились местом, которое явно было когда-то очищено от растительности. Сейчас же природа отбирала обратно украденную у нее территорию, и вокруг виднелась густая поросль деревьев немного выше человеческого роста. И как только они ступили туда, стало неожиданно очевидно, что здесь, в отличие от остальных джунглей, царит мертвая тишина. Ничто не двигалось, не шелестело и не издавало никаких свойственных данной местности звуков. Как будто кто-то или что-то изгнало отсюда все живое. Пройдя еще около двухсот метров, Эмма увидела впереди словно иллюминацию в бледном сыром утреннем воздухе, прерывисто и хищно мерцающую на одной из боковых стен того, что должно было стать трибунами. Оглядевшись, она поня-

ла, что никто в группе больше этого не видит, и все продолжают быстро двигаться в этом направлении. Поэтому Эмма дернула лейтенанта и знаками объяснила ему, что остальным следует остановиться. Сейм издал короткий повелительный свист, и бойцы замерли, присаживаясь и ошестиниваясь во все стороны стволами.

– Наружную охрану парни уже сняли, так что можешь приступать, – у самого уха прошептал Сейм, и Эмма почувствовала, что ее сердце пустилось в такую дикуую скачку, что его оглушительный перестук должен был быть слышен на мили вокруг, перекрывая вопли просыпающегося леса.

Эмма приблизилась к светящемуся сплетению пульсирующих чужеродной энергией нитей. Это больше всего напоминало сеть из тончайшей проволоки под огромным напряжением или некую паутину, по линиям которой то и дело прокатывались волны злобной силы. Ощущение абсолютной смертоносности прямо-таки било в грудь, исторгаясь из этого творения чуждого разума и сковывая в теле Эммы каждую клетку животным страхом. Все в девушке противилось каждому шагу, приближающему ее к этому сплетению агрессии. И это ни черта не было похоже на те простенькие и почти безобидные имитации, с которыми ей приходилось иметь дело при обучении. Те заклинания, которые она распутывала тогда, были статичными, искусственными и совершенно понятными. Эта же мерцающая паутина более походила на живой самостоятельный организм, который затаился в засаде,

жаждая новой крови глупцов, решивших столь опрометчиво подойти ближе. Дыхание пресеклось, легкие отказались работать, а сердце вместо крови погнало по венам ощущение полного и неисправимого краха. Эмму затрясло так сильно, что скрыть это просто было уже нереально. Она облажалась! Провалилась, даже не начав! Захотелось спрятаться, исчезнуть, убежать туда, где никто не увидит ее грандиозное фиаско.

В этот момент сильная рука обвила ее талию, и трясущееся тело Эммы было плотно прижато к твердой, как гранитная скала, груди лейтенанта. Энергия всепоглощающей уверенности буквально влилась в Эмму вместе с этим объятием, останавливая ее дрожь и практически вталкивая внутрь девушки спокойствие.

– Успокойся, Джимми! – тихий приказ, произнесенный прямо у ее уха, мгновенно прояснил ее голову. – Ты справишься! Ты это умеешь! Только ты и больше никто! Соберись и кончай паниковать!

С каждым словом, проникающим в мозг Эммы, страх откатывался, как отлив, освобождая все больше пространства ее разума для нормальной работы.

– Ты в порядке? – еле слышно спросил Сейм, когда дыхание Эммы выровнялось, и она кивнула. – Уверена?

– Да.

– Тогда давай, иди работай, чтобы мы могли войти и расхерачить там все к чертям собачьим.

Рука исчезла с тела Эммы, и она вздрогнула, лишившись поддержки.

Шагнув ближе к светящемуся заграждению, она оживила в памяти все, что происходило на бесконечных тренировках. Создавая такое заклинание, его творец всегда должен с чего-то начать и чем-то закончить. И степень сложности плетения тут не важна. Основное – найти в этой хитрой путанице исток и завершающую точку. Только захватив их и замкнув друг на друге, можно было нейтрализовать опасность. Заграждение не исчезало совсем, но теряло силу и смертоносность. Проблема была лишь в том, что только тот, кто сотворил заклятье, знал, как выглядят оба этих самых важных узла, а главное – к чему можно было коснуться первому, не рискуя лишиться конечности или получить смертельный удар энергии. Можно стоять и гадать тут хоть целую вечность и ни на что не решиться.

Эмма еще раз просканировала взглядом всю сеть и наконец обнаружила два узла, отличавшихся от остальных скоростью пульсации и интенсивностью свечения. Выдохнув весь свой страх, она протянула руку к ближайшему.

– Джимми! – тихий хриплый шепот Сейма прямо за спиной заставил ее ладонь замереть в воздухе. – Ради бога, будь осторожнее!

Эмма зажмурила глаза, делая еще несколько долгих вдохов и выдохов и погружаясь глубже в себя, позволяя исчезнуть всему налету эмоций и оставляя лишь ее дар в чистоте.

Распахнув их снова, она неожиданно увидела все настолько отчетливо, что даже пришло удивление, как она вообще могла сомневаться до этого. Все ведь было на поверхности! Уверенно шагнув, она осторожно просунула руку между смертоносными, видными только ей одной нитями и схватилась за устье заклатья. Под ее ладонью оно мгновенно стало горячим, не желая признавать власть никого, кроме создателя. С силой потянув узел наружу, Эмма сжала зубы и зашипела от нарастающего жара, понимая уже, что без ожога не обойтись. Злобная энергия потекла рекой по ее телу, и в этот момент сама Эмма была не менее смертоносна, чем творение магии, в которое она вцепилась, преодолевая боль.

– Что случилось? – раздался обеспокоенный тихий голос лейтенанта, и она почувствовала его слишком близко.

– Прочь!!! – Голос Эммы в эту секунду был больше похож на угрожающее сиплое рычание, и мужчина совсем чуть-чуть отступил.

Пока еще были силы не кричать от ожога, Эмма рванула узел устья заклатья к истоку и соединила их решительным движением. Паутина замерцала и дернулась, как в конвульсии, потухая, и в этой последней судороге рассекла одной из нитей одежду Эммы, глубоко разрезая кожу и мышцу на запястье. Болезненный импульс подкосил ее ноги, и она повалилась на задницу, шипя и сжимая кровоточащее запястье на уже и так обожженной руке здоровой.

– Ты как, Джимми? – Эмма, обернувшись, увидела всех

бойцов, окруживших ее со спины, одновременно следящих и за окружающим пространством и поглядывающих с тревогой на нее.

– Заклятье снято, – просипела она, и Сейм опять поднял ее, словно куклу, бегло глянув на ее руку.

– Тогда не могли бы мы уже зайти на хрен внутрь, потому что здесь я себя чувствую просто долбаной белкой в тире луна-парка, которая выплясывает, умоляя прикончить ее, – пробормотал Кирос.

– Сейчас. Дайте я только проверю, нет ли еще каких-то запирающих сюрпризов, – ответила Эмма. – Отпустите меня, лейтенант. Нельзя ко мне прикасаться, когда я работаю.

Огромные, изъеденные коррозией металлические двери легко открылись, повинаясь первому же движению Эммы, правда, издав при этом пронзительный визг несмазанных петель.

– Сука! – прошептала Пич. – Хуже хреновой сигнализации.

– На первый взгляд в этом коридоре все чисто, – сказала Эмма, заглядывая в темное пространство, в котором смутно угадывался всевозможный хлам, щедро покрывающий пол.

Все быстро ввалились внутрь.

– Кир, Пич, проверяете коридор до первого поворота. За угол не соваться, пока Джимми не посмотрит, – скомандовал Сеймас, открывая личный пакет оказания первой помощи.

Быстрым, опытным движением он расстегнул рукав Эммы

и задрал его, открывая доступ к порезу.

– Я могу и сама, – слабо возразила девушка.

Лейтенант просто проигнорировал ее слова и, разорвав упаковку универсального перевязывающего материала, очень быстро обмотал ее конечность, начиная от пореза и заканчивая покрытой волдырями ладонью. При этом лицо его было бесстрастным, и только когда он закончил, то поднял на Эмму глаза, в которых даже в полумраке был виден плещущий через край гнев.

– Это всегда должно быть так? – жестко спросил он.

– Я не знаю. Так сильно впервые, – растерялась под напором его злости Эмма.

– Разве не нашли способ как-то защитить тебя? Кевлар, какие-нибудь перчатки – все, что угодно? – раздраженно продолжил мужчина.

– Нет. С защитой это не работает.

Мужчина очень тихо выругался, опуская и застегивая ее рукав. Перевязочный материал меньше чем за минуту смягчился, становясь еще одним слоем кожи, надежно закрывая все повреждения и к тому же полностью обезболивая. Эмма мысленно поблагодарила того, кто его изобрел.

Закончив с перевязкой, они двинулись вслед за Киросом и Пич.

– Никаких признаков охраны не видно. Видимо, здешние обитатели уверены в абсолютной непроницаемости той хранилища на входе, – отчиталась Пич. – Только непонятно, куда нам

путь дальше-то держать.

Сеймас достал из нагрудного кармана небольшой контейнер.

– Давай, Джимми, найди для нас, где они делают эту отраву.

– Насыпьте, пожалуйста, сюда, – Эмма протянула здоровую ладонь.

Лейтенант щедро сыпанул на нее красновато-бурые кристаллы из емкости, и в спертom воздухе очень быстро распространился специфический запах чего-то приторно сладкого.

Сидда тихонько присвистнул, а Брант удивленно крякнул.

– Пичужка, на твоей ладошке сейчас дурь стоимостью в пару хороших домов в неплохом райончике! – хмыкнул один из них.

– Могу отдать тебе после использования, – усмехнулась Эмма.

– О нет, мелочь, я такому дерьму всегда предпочту хорошую выпивку и трах до тех пор, пока встает исправно!

– Заткнулись! – цыкнул лейтенант. – Вы, на хрен, не в увольнительной, чтобы языки чесать!

Эмма сжала смесь в руке и даже улыбнулась. Поиск чего бы то ни было был ее любимой работой. Это было очень просто и не требовало даже особой концентрации. Она просто пошла вперед по отчетливому следу в воздухе.

– Потихе, Джимми! – одернул ее Сеймас. – Дай нам воз-

возможность проверять безопасность.

Они продвигались вперед, петляя по лабиринту коридоров. Свет остальным просто не был нужен даже без приборов ночного видения, а для Эммы достаточно было того, что ее вела дорожка следа. Остальную группу она видеть не могла, только ощущала движение воздуха, когда они выдвигались проверять очередной отрезок, после ее подтверждения, что магической опасности нет. И только Сейм постоянно находился в непосредственной близости. Эмма улавливала его запах, ощущала дыхание на своей коже и даже видела его руку, которая не касалась ее, но была готова схватить в любой момент, случись что-то опасное, или просто споткнись она. Эта давящая опека вызывала одновременно и раздражение, и чувство уверенности, что ничего страшного с ней не случится, пока этот здоровенный мужчина буквально окутывает ее со всех сторон своей звериной настороженностью.

Спустя некоторое время в тишине катакомб стали различимы грубые голоса, переговаривающиеся на незнакомом языке. Когда до них остался всего один поворот коридора, Сейм остановил всех знаком, а Кирос быстро вынул из рюкзака небольшой гибкий экран и крошечного, размером не больше таракана, видеожучка. Активировав систему, он отпустил того за угол и уставился на экран, изучая изображение и показывая его остальным.

– Джимми, посмотри и скажи, есть ли там еще ловушка, – снова прошептал в самое ухо Сеймас.

Эмма замотала головой.

– На экране не могу. Должна смотреть, – чтобы ответить, ей пришлось тоже уткнуться носом в его висок, и почему-то от этого контакта лейтенант отчетливо вздрогнул.

Сеймас тихо шикнул, привлекая все взгляды на себя, и потом что-то очень быстро показал знаками. Бойцы кивнули.

– Стой за мной. Двигайся шаг в шаг, как моя тень. Если увидишь ловушку – ори! – приказал он Эмме.

Из-за угла донесся взрыв мужского смеха, причем не совсем адекватного, а сладковатый дурманивший запах стал отчетливей. Сейм посмотрел на крошечный газоанализатор на запястье.

– Всем надеть маски! – последовал следующий тихий приказ.

Как только все были готовы, последовала отмашка для атаки. Первыми за угол выскочили Кирос и Пич, и послышались тихие отрывистые хлопки выстрелов. Потом Сеймас метнулся, прикрывая Эмму широкой спиной, одновременно рывкнув «Смотри!». Коротко глянув из-за его спины, она крикнула «Чисто!», и в тот же момент под прикрытием огня Кироса и Пич вперед рванулись близнецы призрачными тенями. Все было закончено в считанные секунды, и семь охранников стали просто кучками остывающей плоти даже раньше, чем поняли, что происходит. Дальше они уже двигались без остановки. Перед глухой, запертой изнутри металлической дверью первой опять оказалась Эмма. Не найдя ни-

каких признаков магических ловушек или запоров, она просто толкнула ее, распахивая для остальных. Тут же ее прижало к стене мощное тело Сейма, а внутрь помещения молниеносно скользнули остальные бойцы.

Дальше были громкие крики, приказы лечь на пол и прочая суета, присущая подобной операциям. Только со скоростью сослуживцев Эммы все происходило в разы быстрее.

– Командир, можно, – раздался приглушенный маской крик Пич.

Они вошли в довольно обширный зал, где должно было располагаться либо что-то вроде котельной стадиона, либо другое, требующее большого пространства помещение. Даже сквозь маску было видно, что в воздухе витает красноватая взвесь. Хорошей вентиляцией устроители производства не озадачены. И глянув на лежащих на полу работников этого цеха по производству сладкой смерти, Эмма поняла, почему. Рабочими были подростки, парни и девчонки лет тринадцати-пятнадцати. Все жутко истощенные, с ввалившимися абсолютно безжизненными глазами, они лежали на полу с отрешенными лицами и не осознавали ничего происходящего. Их зеленовато-бледная кожа казалась еще болезненней на фоне растрепанных иссиня-черных волос, собственных местным жителям. Смотреть на эти живые трупы было поистине страшно.

– Их надо вывести отсюда! – в ужасе пробормотала Эмма.

– Не знаю, есть ли в этом смысл, – мрачно ответил Ки-

рос. – Все это время они же реально все равно что сидели на дозе. Вообще не уверен, что у них есть шанс выжить.

– Заткнись, Кир! – рыкнула Пич. – Шанс есть всегда.

– Брант, Сидда, поднимайте и ведите их наружу, – командовал Сеймас. – Пич, Кирос, давайте, ставьте заряды.

Все занялись делом.

– Могу я тоже что-то сделать? – спросила Эмма, чувствуя себя в этот момент бесполезной.

– Можешь стоять рядом и не мешать! – Неожиданно тон лейтенанта стал опять сухим и жестким, начисто уничтожая то недолгое ощущение близости, что заскреблось в душе Эммы за короткое время этой вылазки. Она сжала зубы, сказав себе, что сейчас совсем не время для ее детских обид. Сеймас отвернулся, тоже вынимая из рюкзака взрывчатку и устанавливая ее на больших пластиковых контейнерах, наполненных готовым наркотиком.

– Хотелось бы мне посмотреть в мерзкие зенки того, кто тут этих детей держал, – зло высказалась Пич, проходя мимо Эммы.

«Мне тоже», – подумала Эмма и удивленно моргнула, увидев, как отчетливый след потянулся от нее в сторону одной из дальних стен. Шокированная, она сделала несколько шагов в том направлении, куда вел это странный магический жгут энергии, и уткнулась взглядом в огромные желтые глаза человекоподобного создания, притаившегося в нише, образованной стеной. От остального помещения существо от-

гораживала некая туманная завеса. А в следующую секунду произошло сразу несколько вещей. Эмма осознала, что кроме нее никто не видит демона. Существо же поняло, что для Эммы его укрытие не является тайной. Эмма развернулась, чтобы кричать о находке остальным. Демон рванул к выходу на сверхъестественной скорости, а прямо на его пути стояла Эмма, и ее подвижности и реакции явно было недостаточно, чтобы спастись. Следующим, что Эмма осознала, был выбивающий воздух из легких удар об пол, огромная тяжесть, что-то жестко сжавшее ее горло и хруст собственных позвонков. А затем был рев, и все исчезло. Опомнившись, она вскочила, чтобы увидеть, как Сейм покатился по полу, вцепившись в напавшего на нее и нанося удары. Все происходило на таких скоростях, что зрение Эммы почти не улавливало отдельных движений. Кирос и Пич устремились в их сторону, перепрыгивая через предметы и меняясь прямо на глазах. Пич в змееподобном виде Эмма уже видела, а вот кожа Кироса залилась сиянием кислотного зеленоватого цвета, а черты заострились и изменились, обращаясь из идеально красивых в устрещающе хищные. Эмме и самой хотелось броситься на помощь лейтенанту, но тут она с пугающей четкостью осознала, что эта драка не в ее лиге. Она даже видеть-то достаточно отчетливо все не была способна, что же она могла бы сделать? Но все равно она выхватила импульсный пистолет и замерла, готовясь стрелять, если понадобится. Прежде чем Пич и Кирос даже на своих косми-

ческих скоростях достигли места поединка, монстр сбросил Сеймаса и снова рванулся к свободе. Но это было лишь мгновение. В следующее же Сейм, как огромный ягуар, прыгнул ему на спину, сбивая с ног и прижимая опять к полу. В этот самый момент остальные бойцы достигли сцепившихся противников и повисли с двух сторон на руках, помогая Сейму. А потом случилось то, от чего глаза Эммы полезли на лоб. Сейм заорал «Давайте!» и отпрянул, а Кирос и Пич вонзили свои клыки в тело демона, куда придется, и тут же тоже отпрыгнули от него. Существо вскочило, но, сделав буквально пару шагов, упало и забилось в жутких конвульсиях, разнося все вокруг. Не прошло и полминуты, как оно вытянулось в струну и замерло, одеревенев.

– Он умер? – задыхаясь, спросила Эмма.

– Парализован, – ответила Пич.

– Пакуем его и уходим, – отдал приказ лейтенант и повернулся в сторону Эммы: – Джимми, еще раз нарушишь приказ и отойдешь от меня больше, чем на метр, раньше, чем мы выгрузимся на базе, сам прикончу тебя, ясно?

– Так точно, сэр, – опустила голову она.

Глава 6

Эмма молча наблюдала, как демона обернули в нечто похожее на черную с металлическими отблесками сетку, которую потом активировали, и она сократилась, плотно спеленав существо. Кир и Пич, закончив в самом цеху с установкой зарядов, вышли наружу. Кирос схватил упакованного демона за какое-то крепление в районе ног и потащил за ними, не особо церемонясь и не обращая внимания на то, что тот по дороге считает углы своим телом и головой. Эмме было очень интересно, почему они просто не прикончили ублюдка, а тащат его за собой, но спросить она после своего косяка не решалась. Наоборот, старалась быть как можно более незаметной и не злить больше лейтенанта, лицо которого и так было мрачным до невозможности. Всюду по дороге бойцы продолжали устанавливать заряды, намереваясь стереть здесь все с лица земли. И снова Эмма вынуждена была признать, наблюдая за очень быстрыми и ювелирно точными движениями остальных бойцов, что она здесь самая неприспособленная, и все ее годы занятий в искусственных условиях ничего не стоят сейчас. Да и то, что ей никакими тренировками не достигнуть их скорости и силы, было совершенно очевидно. И осознание этой правды делало настрой еще паршивей.

Когда они вышли наружу, яркое солнце ненадолго осле-

пило Эмму после сумерек катакомб. Из укрытий появились близнецы, и Эмма оглянулась в поисках подростков, которых они вывели отсюда.

– Мы отвели их подальше в сторону города и оставили там маяк. Сделали инъекции детокса. Когда взлетим, то свяжемся с местными властями, чтобы их забрали, – снизошел до пояснений Сидда. – Это большее, что мы можем для них сделать.

– Они выживут? – Перед глазами Эммы опять встали смертельно бледные лица парней и девчонок.

– Если переживут ломку, то вполне может быть. Только, скорее всего, ничего не будут помнить.

– Может, так даже и к лучшему. Зачем помнить такое?

Когда Кир выволок бесчувственное тело демона, братья разом повеселели.

– О, выходит, мы все же сегодня везучие засранцы! – хлопнул Кира по плечу Брант.

– Можно и так сказать, – ответил тот, освобождаясь от груза.

– И кто раздобыл этот сувенир на память?

– Джимми, – раздраженно прорычал Сеймас. – С собой в роли главной наживки.

Все замолкли, поняв, что командир явно не настроен шутить. Спустя минут пятнадцать прилетел вертолет и завис над ними, обдавая тугими потоками воздуха из своих двигателей. Первыми подняли Кира с демоном, потом Пич и близ-

нецов. Затем к Эмме шагнул лейтенант, молча и довольно грубо пристегнул ее к себе, и их подняли наверх последними. Только в этот раз у Эммы было такое ощущение, что, несмотря на их непосредственную близость, от мужчины веет арктическим холодом вместо прежнего тепла. Глянув через плечо в окно, Эмма увидела, как странным образом вспухло заросшее травой и мелкими деревцами строение, словно на замедленной съемке, а потом через многочисленные трещины наружу вырвалось пламя убийственного оранжевого цвета. Геликоптер слегка качнуло в воздухе, а затем все осело, хороня под тоннами разбитого бетона и арматуры все секреты и становясь могилой для тех, кто там упокоился. Пройдет совсем мало времени, и природа захватит все в единоличное владение, и никто и не догадается о том, какие трагедии скрыты здесь.

Во время обратного полета Сеймас даже не взглянул в ее сторону и вел переговоры по крошечному устройству защищенной связи.

— ...потерь нет... рептилоидного типа... да, сэр... — долетало до нее.

Едва они приземлились, люк геликоптера распахнулся, и появившиеся люди в светло-голубой форме из научного отдела быстро погрузили демона на уже подготовленную каталку и полностью прикрыли серебристым одеялом, скрывая от возможных посторонних глаз. Потом они исчезли так же быстро, как появились. Сеймас же повел всю группу опять в

административный корпус. Там уже в другом кабинете каждый сдал свой крошечный видеорегистратор незнакомому Эмме офицеру, и только после этого Сеймас объявил, что они свободны. Все вышли наружу, но Эмма замялась, задерживаясь в ожидании лейтенанта. Когда же он вышел из кабинета, то даже вздрогнул, натолкнувшись на нее.

– Джимми? Что тебе? – мрачно спросил он.

– Могу я задать вопрос, сэр? – осторожно уточнила она.

– Валяй, – устало вздохнул огромный мужчина, впрочем, не глядя на нее.

– Меня накажут?

– За что, Джимми? За то, что чуть не сдохла? – Настроение лейтенанта опять изменилось в одну секунду, и он подступил к ней, вжимая своей мощной энергетикой в стену. – Ты хоть соображаешь, что на самом деле была на волосок от смерти, глупая девчонка? Сейчас уже могла бы не стоять здесь и спрашивать о наказании, а остывать в мешке в подвальном морге! И что тогда было бы со всей группой? Ты это понимаешь?

Если и до этого стыд грыз девушку, то теперь он превратился в просто непереносимый. Пич сказала, что с тех пор, как Сеймас стал их командиром, у них не было потерь. А сегодня она вполне могла открыть этот мрачный счет. Естественно, он зол на нее. И во всем ей следует винить только себя, свою невнимательность и отсутствие настоящего опыта. Возомнила себя настоящим бойцом, ни разу не видева

чего реальнее тренировочных боев и симуляций. Идиотка!

– Простите, сэр, – промямлила Эмма, скрывая готовые пролиться слезы. – Я признаю свою вину и готова понести любое взыскание. Просто мне никогда не случалось отрабатывать действия в групповых операциях.

– Вот именно, Джимми, – голос Сеймаса лишился прежней злости. – И это не твое упущение, а мое как твоего командира. У меня была целая неделя, но я уделял внимание не тому. Я забыл, что ты обучалась индивидуально в отличие от всех нас и не умеешь по-настоящему взаимодействовать с командой, а особенно в экстренных ситуациях. И поэтому взыскание положено мне, а не тебе, боец. А теперь иди, обратись в санчасть и отдыхай!

– Но, сэр! Это несправедливо! – Эмма порывисто схватила руку мужчины, и в этот момент показалось, что вокруг них замерло само пространство. От этого мизерного контакта их тел Эмма почувствовала, как волна тепла врывается в ее мозг и тело, словно сила самого мощного прилива, и ей едва от этого удастся удержаться на ногах в этом стихийном потоке.

Пораженно подняв глаза от их соединенных ладоней к лицу Сеймаса, девушка успела увидеть в его темных глазах сначала шок сродни собственному, а потом гудящее и готовое все пожрать в своем немыслимом голоде пламя. Контакт их глаз длился меньше мгновения, но этот яростный огонь окатил душу Эммы, проникая в такие ее уголки, о которых она и

сама не подозревала. На краткий момент ей показалось, что этот свирепый мужчина оказался к ней настолько близко, что между ними нет ни единой молекулы воздуха для дыхания, которую они не разделили бы на двоих. А в следующий он отшатнулся, резко выдергивая свою руку, оказываясь снова по другую сторону галактики от нее, оставляя в изумлении и растерянности от собственных эмоций.

– Боец Джимми, я приказал вам отправляться в санчасть и отдыхать, – слова лейтенанта снова стали идеально ровными кирпичами из обжигающе холодного льда, которые с головокруго-вращательной скоростью скрывали тот случайно подсмотренный огонь. – Какую часть приказа вы не поняли?

И снова перед Эммой Стальной Сейм, с лицом, как у каменного изваяния, и бьющим наотмашь взглядом. Не почудилось ли ей все? И если нет, то чем было то, что она только что увидела в этих темно-карих глубинах?

Как только растеряннo моргающая девушка, прижимающая руку к груди, скрылась за поворотом коридора, Сеймас привалился спиной к стене и позволил выражению шока вернуться на свое лицо. Что это сейчас было? Мужчина удивленно уставился на свою ладонь, словно там остались ожоги от тонких девичьих пальцев. Ведь он касался ее и раньше, почему же теперь, когда она его сама схватила, желая поспорить, в его кровь будто добавили ракетного топлива. И почему, когда он слышал, как Джимми сглатывает желающие сорваться слезы, ему показалось, что он пропустил удар ножа

прямо в грудь? Это как-то связано со способностями девчонки, или просто сказывается его стресс от того, что несколько ужасных мгновений он считал ее мертвой, когда огромное тело демона полностью накрыло ее собой? Тогда у него не было и миллисекунды на раздумья и сомнения. Но сейчас, когда все миновало, он мог честно задать себе вопрос. Если бы монстр прикончил девчонку, о чем бы он больше переживал: о том, что ее не стало, или что пришел конец его карьере и славе командира, не допускающего ошибок? Бог его знает. На самом деле он видел сотни смертей, но мысль о гибели Джимми казалось ему... неправильной, что ли. Да, это то, что рано или поздно произойдет с каждым из них, и, если честно, Сеймас никогда не заморачивался философскими раздумьями на эту тему. Просто есть жизнь, и есть ее логическое завершение – смерть. К каждому она приходит в свое время и по своим причинам. Но думать в таком ключе об этой слабой девчонке ему не хотелось. Хотя можно ли ее назвать по-настоящему слабой? Да, они наделены большей силой, чем она, скоростью и убийственными навыками. Но она сегодня смогла, преодолевая физическое страдание, убрать заграждающее заклятье, способное превратить их всех в кучу бесполезного фарша. Пропустила через себя смертоносную энергию такой силы, что даже в голове не укладывается. Разве после этого она слабая? Она могущественней их всех вместе взятых, пусть это и не обличено в способность убивать быстрее скорости света. И еще это странное ощущение

глубоко внутри, когда она смотрит прямо в глаза. Словно в том месте, что зовут душой, все озаряется светом и жизнь на краткий миг не кажется сплошной вереницей дерьмовых событий. Так, как будто счастье возможно даже для таких, как они. Джимми, пожалуй, смело можно было причислить к разряду чудес, посетивших этот мир. Сеймас дал себе внутренне затрещину. Что за бред лезет в голову вообще? Ему ли думать о чудесах? Похоже, пора оттянуться как следует, чтобы прочистить мозги.

– Лейтенант? – раздался сзади голос полковника Ранзони, и Сеймас вздрогнул. – У вас есть что рассказать мне?

Сейм обернулся, чтобы посмотреть в лицо чистокровному человеку, который уж точно не считал Джимми никаким чудом. Для него она была материалом для экспериментов, лабораторным животным, в которое он желал запустить свои хищные когти. И опять внутри целый рой вопросов и главный среди них: «Должен ли он что-то делать с этим?». Касается ли его это вообще?

– Нет, сэр, мне нечего вам пока сказать, – сухо ответил лейтенант.

– За неделю девчонка ни к кому не проявила интереса?

– Нет, сэр.

– А у меня есть сведения, что один из бойцов постоянно крутится возле нее.

Сеймас напрягся. Ну да, было бы глупо полагать, что полковник станет пользоваться только им как источником ин-

формации. Но кто тогда еще наблюдает за Джимми? Неужели кто-то из членов его группы? Да, он уверен в каждом на все сто, но девчонка для них совсем чужая, и вполне возможно, что они не видят ничего зазорного в том, чтобы сливать полковнику инфу о ней.

– Да, такой боец имеется. Но в этом случае интерес строго односторонний. Джимми абсолютно не обращает на него внимания.

– А может, это потому, что вы слишком выматываете ее на тренировках и не оставляете свободного времени? – с легкой угрозой спросил полковник.

– Сэр, я не могу понять, чего вы от меня хотите? Я должен сводничать, пытаюсь подложить девчонку под кого-то или, наоборот, должен блюсти ее невинность? Уж определитесь! – Сейм из последних сил поддерживал безразличное выражение лица, будто эта тема была бесконечно скучной.

– Не зарывайтесь, лейтенант! – раздраженно прошипел низкорослый мужчина. – Мне нужно, чтобы она взаимодействовала с мужчинами, но под вашим строгим присмотром! Ясно? Вы должны дать ей больше пространства, но при этом внимательно наблюдать. Если девушка заинтересуется кем-то, мы обследуем объект ее внимания и выясним, чем он отличается от других и как на нее влияет. Что тут непонятного?

– Могу я спросить, что потом?

– А потом, если ее организм не прореагирует на этого

партнера нужным нам образом, мы уберем его с горизонта, чтобы не отвлекал объект.

Вот оно что. Это типа такая извращенная селекция. Если парня сочтут непригодным для целей научного отдела, то избавятся, чтобы тупо освободить пространство для другого. Ага, не фиг весьма ценную самку спаривать с недостойным кандидатом! Чудно просто! Сеймас опять почувствовал, как злость и горечь подкатывают к горлу.

– Прошу прощения, сэр. Но я тупой солдафон, а не ученый. Так что спасибо, что все тщательно разжевали для меня! Могу я идти?

– Идите, лейтенант, идите. Пока.

Сеймас зашагал по коридору не оглядываясь. Ну что же, раз теперь он влип в эту ситуацию, и добровольно из нее не выйти, то хорошо, что ему стали понятней планы научного отдела насчет Джимми. А также то, что кто-то снабжает полковника сведениями. И что ему с этим делать? Он не хочет принимать участия в том, как с этой раздражающей, но совершенно уникальной девчонкой сделают нечто непотребное. И что теперь? Интересно, а подпол Лейн в курсе планов научного отдела на его приемную дочь? И если да, то какое же нужно иметь сердце, чтобы при этом спать спокойно?

На следующее утро Эмму будила Пич. Занимались они под ее командованием, лейтенант так и не появился. Лица у всех были довольно мрачные, и Эмма не решилась спросить, куда подевался командир на все утро. Но когда он не

явился и к обеду, то это уже было более чем странно. И даже то, что Михей самым наглым образом плюхнулся напротив Эммы на обычное место лейтенанта, игнорируя грозные взгляды остальных бойцов, не заставило волшебным образом Сеймаса объявиться, как обычно.

– Привет, моя красавица! – расплылся он в уже привычной кошачьей ухмылке.

На самом деле парень был очень привлекателен и прекрасно был об этом осведомлен. Смуглая кожа выгодно контрастировала с блондинистым ежиком коротко стриженных волос и ярко-бирюзовыми глазами. А практически не сходящая с губ улыбка, обнажающая белоснежные зубы, немного острые для обычного человека, придавала ему вид добродушного свойского парня. Но при взгляде на него никаких эмоций, кроме легкого раздражения от его настойчивости Эмма не ощущала.

– Когда это я твоей успела стать? – нехотя отозвалась Эмма.

– Да вот, как только увидел тебя голой, так и понял сразу – моя! – нисколько не смущаясь, ответил Михей. – Может, уже хорош в недотрогу играть и давай перебирайся в мою комнату на постоянку?

– А может, хорош курить всякую хрень, засранец? А то чет тебя прямо заносит не по-детски, – огрызнулась вместо Эммы Пич.

– Пич, дорогая, я, конечно, в курсе, что ты влюблена в

меня с малых лет, но, милая, сердцу ведь не прикажешь! – театрально прижал руку к груди парень.

– А откуда у тебя сердце-то, придурок? У тебя же член и вместо сердца, и вместо мозга, а вечный стояк в качестве единственной извилины, – остальные хмыкнули, не вмешиваясь.

– Ох, вот она – злость отвергнутой женщины! – продолжил свое представление Михей.

– Так это ты меня, оказывается, отверг? А я чет припоминаю, что это я не смогла найти достаточно мощного бинокля, чтобы рассмотреть у тебя хоть что-то достойное внимания! – фыркнула Пич, и Михей нахмурился.

– Ну да, с Сеймасом, по которому ты слюни пускаешь, мне не сравниться, конечно. Но ведь и ты для него никогда не будешь достаточно хороша. Он-то, похоже, предпочитает женщин без примеси демонской крови, так что тебе его не видать как своих ушей, Пич, – раздраженно ответил парень, наклоняясь вперед.

Эмма краем глаза заметила, что легкая болезненная гримаса скользнула по темному лицу подруги, и почувствовала злость.

– Тебе лучше свалить, Михей. А то сейчас явится лейтенант и вышвырнет тебя отсюда! – вмешалась она.

– Что-то я сильно сомневаюсь, что сегодня он вообще выползет из своей норы после вчерашнего. Но раз мне тут сегодня не рады, то я приду в другой раз. Но не забывай, моя

красавица, двери моей берлоги для тебя всегда открыты.

Эмма внутренне усмехнулась, подумав, что он даже представления не имеет о том, что для нее все двери открыты. А потом посмотрела на Пич и мужчин.

– И что он имел в виду? Неужели СС позволил себе такой загул, что сегодня и подняться с постели не может? – Неужели это желчь в ее голосе?

– Ну да, несколько десятков ударов электроплетью – тот еще охрентительный загул, – рыкнул всегда мягкий Кирос.

– Кир! – одернула его Пич. – Она не виновата!

– Ну, конечно!

– О чем он, Пич? – шокированно спросила Эмма.

– Ни о чем особенном. Командование, просмотрев хронику задания, определило, что Сеймас допустил ошибку, в результате которой новичок, то есть ты, едва не погиб. За это на него было наложено взыскание.

Эмма обвела всех взглядом. Пич и близнецы не смотрели ей в глаза, и только Кирос глядел с осуждением и гневом.

– Его били? – прошептала Эмма.

– Наказали, маленькая птичка, – едко ответил он. – Что, ты разве не знала, что нас тут воспитывают, как гребаных хищников в цирке? Если хорошо и послушно прыгаем через кольца с огнем, то поощряют и позволяют любые шалости. А если упираемся или случайно косячим, то херачат плетью, чтобы в другой раз не вздумали ошибиться. Воспитание, мля! Неужто папашка тебе никогда не рассказывал. Он

у тебя любитель взыскания за любую мелочь накладывать.

– Кир, замолчи! Ты говоришь слишком громко! – шикнула на него Пич, озираясь.

– Да достало меня все! – Блондин вскочил и вылетел из столовой.

– Это правда? – Эмма ни к кому напрямую не обращалась.

– Правда, пичужка, – ответил Сидда. – Скорее всего, мы лейтенанта еще денек, другой не увидим. Не в форме он будет. Электроплеть – та еще сука. Даже с нашей способностью восстанавливаться уходят дни на то, чтобы хотя бы можно было ходить. Но ты не вини себя. Это на самом деле здесь нормальная практика. Командир всегда за все в ответе.

– А где сейчас Сеймас? За ним ведь кто-то ухаживает?

– Нет, пичуга, – покачал головой Брант. – Он не тот чувак, что позволит кому-то смотреть на себя в момент слабости.

– Но как же так? Это же просто ужасно, что он лежит там один и никто ему не помогает!

– Это же Стальной Сейм, расслабься, Джимми! – попыталась ее успокоить Пич. – Через пару дней он будет лучше прежнего!

– Это неправильно! Когда человеку больно и плохо, он не должен быть один!

– А что мы можем, Джимми? Выломать дверь?

– Где мне найти его?

– Перестань, Джимми. Ты сейчас последняя, кого он хотел бы видеть!

– А мне плевать! Просто скажите, где он живет!

– У него квартира в офицерском корпусе за периметром, но уже неделю он живет в пустующей комнате прямо напротив твоей. Ты разве не знала?

Эмма замотала головой. Решительно поднявшись, она набрала в буфете той еды, которую обычно ел лейтенант, и вышла из столовой.

Глава 7

Эмма, сглотнув, остановилась перед дверью, за которой, по словам бойцов, скрывался лейтенант. На плече у нее болталась сумка с перевязочным материалом и прочими медикаментами, которые удалось выклянчить в санчасти, а в руках был поднос с едой. Не то чтобы лекарства дали охотно, но девушка приложила массу усилий и даже немного покетничала с не очень юными докторами, чтобы добиться желаемого. Конечно, делать этого раньше ей не приходилось, но она же не слепая и видела фильмы, а судя по тому, что она получила не только необходимое, но и даже краткие инструкции, у нее получилось неплохо. По крайней мере там она не робела, как теперь перед этой дверью. Не нужно быть ясновидящей, чтобы понять: СС не будет рад ее увидеть после того, как из-за нее и пострадал. Насколько бы правильным подобное ни считали остальные, Эмме физические наказания казались какой-то дикостью, средневековьем, и она на самом деле никогда не слышала об этом раньше. Отец не упоминал о таких способах взысканий. Глубоко вдохнув, наполняя себя необходимой храбростью, она постучала, перехватив поднос одной рукой. Ответа не последовало. Ну что же, матом никто не послал, так что Эмма толкнула запертую дверь, шагая внутрь. Хотя сейчас она настроила себя так, что и изощренная портовая ругань ее не остановила бы.

– Какого хрена! – раздалось сиплое рычание.

Эмма сглотнула, чувствуя, как сердце заметалось в поисках укрытия, но все равно сделала следующий шаг. И еще. Для того чтобы увидеть, кто посмел вторгнуться в его личное пространство, Сеймасу пришлось приподнять голову, и Эмма услышала, как при этом он скрипнул зубами, сдерживая рвущийся стон. Она натолкнулась на свирепый взгляд карих глаз лежащего на постели на животе огромного мужчины. Для опоры он сжал металлическую спинку армейской койки, и она отчаянно жалобно заскрежетала, изгибаясь в мощном захвате побелевших пальцев. Сказать, что Сейм был не рад появлению Эммы, было бы безбожным преуменьшением. Если бы взглядом можно было поджечь, то она бы уже должна была быть лужей полыхающей плазмы. На короткий миг Эмма испытала приступ паники. Откуда ей знать, что Сеймас и правда не может испепелять взглядом? Она ведь не в курсе всех его способностей, а находясь на этой базе, можно ожидать всего чего угодно. Во всяком случае на спине у нее точно выступила испарина, да и ноги затряслись и размякли так, словно собирались растаять, как прошлогодние сосульки. Но Эмма проигнорировала реакцию своего тела и пошла дальше. Да в конце концов, не станет же он ее и в самом деле убивать! Почему же она тогда трясется, как перед эшафотом?

– Хотелось бы сказать добрый день, лейтенант, но это будет сейчас не в тему, – как можно более бодро сказала она.

Эмме хотелось надеяться, что она прозвучала достаточно уверенно. Но даже собственный слух отказывался дарить ей такую иллюзию. Ну и плевать!

Сделав еще пару шагов, она поставила на стол поднос с пищей и обернулась. СС лежал совершенно обнаженным, а его спина и даже верхняя часть ягодиц представляли из себя сплошное кровавое месиво. Буквально ни единого клочка не изодранной в лохмотья и не обожженной кожи. Ведь если Эмма правильно понимала, то электроплеть не только секла кожу и рвала мышцы, она еще и оставляла ужасные ожоги. Все это засохло сплошной кровавой коркой и производило кошмарное впечатление. Эмму едва не вывернуло, и все нутро свело болью от такого зрелища. Ее собственная спина вдруг взорвалась фантомной болью, словно беря на себя хоть часть этих ужасных ран. Эмма сжала до хруста зубы, потому что потеря самообладания сейчас бы все испортила ментально, и единственное, что ей бы оставалось, – позорное бегство, без права повторной попытки.

– Убирайся отсюда! – рявкнул Сеймас и попытался приподняться, отчего струп в нескольких местах треснул, и выступила свежая кровь. – Кто тебе позволил сюда вообще войти?

– Я стучала. Вы не ответили. Я вошла. И прекратите уже дергаться, вы делаете только хуже, лейтенант! – Эмма придала своему неожиданно осипшему голосу всю возможную повелительность, на которую только была способна.

Но, судя по лицу мужчины, это нисколько не сработало. Ну что же, стоило ведь попытаться?

– Я приказал тебе убираться! – заорал упертый вояка.

– Ну, как сможете стоять самостоятельно, тогда и будете опять приказывать, лютовать и отыгрываться на мне. А пока вам нужно обработать раны и поесть, – Эмма старалась звучать невозмутимо, хотя внутри ощущала себя дрожащим трусливым зайчишкой.

Глупо не понимать, что даже в таком состоянии Сейму ничего не стоит вышвырнуть ее из этой комнаты. Причем так, что она, наверное, до ворот базы лететь будет, пересчитывая все неровности ландшафта.

Мужчина замер, уставившись на нее настороженным взглядом, словно ожидая какого-то подвоха. Он буквально буравил шахты к ее нутру этими своими карими бритвенно острыми лезвиями, будто желая увидеть, из чего же она на самом деле сделана. Эмма ощущала себя микробом на предметном стекле электронного микроскопа, но не отводила глаз и ничего не прятала. В этот момент даже страх отступил, уступая место неожиданной откровенности. Спустя минуту, показавшуюся Эмме целой эпохой, Сеймас раздраженно выдохнул и перевел взгляд на медицинскую сумку на ее плече.

– Ты вообще в курсе, сколько правил сейчас нарушаешь? – его голос по-прежнему был громким и хриплым, но звучал уже без первоначальной ярости. Но это не значило, что он

стал хоть чуточку дружелюбней.

– Нет, но вы, как мой командир, мне обязательно об этом расскажете, пока я буду вашу спину обрабатывать. – Эмма двинулась в его сторону, вынимая необходимое из сумки.

– Ты не дотронешься до моей спины! – рыкнул он, вкладывая в голос столько угрозы, что девушка с трудом преодолела желание броситься прочь.

От этого мужчины даже в таком состоянии исходила властная энергия такой мощи, что приходилось прикладывать гигантские усилия, чтобы принудить собственное тело подчиняться своему разуму, а не его повелениям.

– Почему? Я ведь доверила вам обрабатывать мои повреждения на задании. Так почему бы вам не сделать мне ответную любезность? Я в курсе, насколько раздражаю вас, так что обещаю, что не прикоснусь больше, чем необходимо, и исчезну, как только закончу.

– Джимми, заткнись и вали отсюда! Запрещено оказывать медицинскую помощь тем, кто получил дисциплинарное взыскание! Это нарушение! – снова постарался надавить лейтенант.

– Ну, допустим, я была не в курсе, – отмахнулась девушка.

– Я тебе сказал только что!

– Вы были без сознания, когда я пришла, так что я ничего не слышала!

– За обман тоже положено наказание, глупая девчонка! – опять попытался перейти на устрашающий рык лейтенант. –

Тебя запрут в долбаном карцере на одной воде...

– Лейтенант, меня нельзя запереть. Забыли? – отмахнулась Эмма, но почувствовала укол страха внутри.

– Не переживай, найдут способ воспитания. Или, думаешь, папашка прикроет? – едко уколол мужчину и все же поднялся. Эмма поспешно отвела глаза от обнаженного тела. Но, похоже, недостаточно быстро. Черт, то, как выглядит этот мужчина совершенно голым, было последней вещью, которую Эмма хотела бы помнить. Но, судя по всему, теперь этого уже не избежать. Сеймас же молниеносным движением схватил простыню в ногах койки и прикрыл бедра.

– Нет, лейтенант, я надеюсь, что ко мне будут относиться так же, как ко всем, – затараторила девушка. – Просто я считаю, что вы пострадали из-за моей ошибки, и поэтому...

– Не до хрена ли ты на себя берешь? – ухмыльнулся мужчина. – Если командование решило, что в том, что случилось, моя вина, кто ты такая, чтобы оспаривать это?

– Я ничего не буду оспаривать! Я просто собираюсь сделать так, чтобы вам было не так больно, и на этом все.

– Я приказал тебе выметаться отсюда! – тон мужчины снова стал угрожающим. Но было видно, что силы предают его, и поэтому он звучал уже не так устрашающе. Его плечи слегка сгорбились, а голова так и норовила упасть на рельефную, словно вылепленную рукой гения грудь. Рельефную? Да что с ней такое? Перед ней страдающий от боли мужчина, формы тела которого ее не могут заинтересовать ни за что! Не

в этой жизни уж точно!

– Я не уйду! – уперлась девушка, переводя глаза ниже, на мускулистые бедра лейтенанта. Плохая идея.

– Джимми, ты знаешь, чем грозит прямое не подчинение приказу?

– Да, я знаю, командир. Как только сможете ходить, то пойдете и донесете на меня!

– Размечталась! Сам до полусмерти загоняю!

– Ваше право! Только я все равно не уйду раньше, чем сделаю то, зачем пришла.

– А я тебя сейчас возьму и вышвырну!

– Можете попробовать, – покорно кивнула девушка. – Только... вы точно знаете способ, который помешает мне возвращаться снова и снова?

Несмотря на то что Сеймас старался казаться злобным и сильным, Эмма заметила, что его стойкость на исходе. Боллезненная дрожь то и дело пробегала по его мускулистому телу, выдавая, как трудно мужчине дается и сам спор, и даже просто нахождение в вертикальном положении. Его взгляд, хоть и упирался прямо в нее, но становился немного расфокусированным от усилий сдерживать стоны.

– Командир, пожалуйста! – четко попросила Эмма, стараясь, чтобы он не услышал в ее голосе жалость, и его мужское эго опять не решило встать на дыбы.

Долгие годы проживания с таким же суровым и немногословным отцом научили Эмму тому, как неохотно подобные

мужчины принимают помощь. Малейший намек на жалость они воспринимали агрессивно, считая, что принять помощь или сочувствие – это все равно, что продемонстрировать слабость. Они будут терпеть и боль, и свои неприятности, и проблемы, но ни за что на свете не поделятся ими с окружающими. Не зря Сеймаса прозвали Стальным. Для всех окружающих он и был неким ребром вечной жесткости, опорой. Он всегда готов поддержать окружающих, но никогда не позволяет другим сделать то же самое. Отец Эммы тоже такой, но постепенно она приловчилась подкрадываться к нему на мягких лапах. Между ними никогда не было эмоциональных бесед и проникновенных диалогов. В детстве она даже по-настоящему боялась сурового мужчину в моменты его дурного настроения. Но со временем Эмма научилась безошибочно понимать, когда отец был зол, когда расстроен, а когда смертельно уставал или просто болел. И как вести себя в каждом из таких случаев тоже выучилась. Иногда нужно просто отвалить и исчезнуть с глаз, иногда говорить ни о чем, не ожидая ответов, а иногда просто молча подойти и размять окаменевшие плечи. Бывали моменты, когда они просто безмолвно ужинали, в сотый раз смотря одни и те же старые фильмы. Но случалось и такое, что, когда отец заболел, Эмме приходилось волевым решением навязывать свою помощь, забывая на рычание и постоянные отказы от ее попыток лечить его. Вот и сейчас она прямо смотрела в карие глаза лейтенанта, настойчиво демонстрируя, что не уй-

дет, испугавшись его угроз. Она не предлагала ему жалость или слезливые утешения. Она пришла помочь и не намерена была отступать. А после пусть как и ее отец изображает опять сверхсущество, у которого нет эмоций и никогда ничего не болит. Очередной поединок их взглядов закончился победой девушки. Сеймас, как ни странно, первым отвел глаза и устало протяжно вздохнул.

– Джимми, ты разве не слышала, что нельзя вторгаться в чужую комнату без приглашения? – сделал он последнюю попытку.

– Но вас-то, лейтенант, это не останавливало от ежеутренних визитов в мою комнату и воплей, сотрясающих стены, – парировала Эмма.

– Так ты, типа, мне мстишь? – Сеймас усмехнулся и тут же скривился.

– Ну, если такой мотив моего появления вас больше устроит, то да. А теперь мы не могли бы уже приступить? Вам же лучше – быстрее избавитесь от моего так бесящего вас присутствия.

– И что ты, мелкая упорная пиявка, хочешь, чтобы я сделал? – смирился с неизбежным мужчина.

– Выпейте обезболивающее, – тут же шагнула ближе девушка.

– Я не глотаю наркоту, – недовольно огрызнулся мужчина.

– Это сейчас просто необходимо! – уперлась Эмма.

– Сказал, не буду! – упрямо повторил мужчина.

– Послушайте, лейтенант. Я же не профи. Когда стану возиться с вашей спиной вдруг причиню слишком много боли, а вы психанете и поколотите меня? Вы вон какой здоровенный бугай. Так что будем считать это гарантией моей безопасности.

Мужчина фыркнул, давая понять, насколько для него прозрачна ее попытка схитрить.

– Ладно, давай! Хотя, если честно, я бы иногда поколотил тебя и без всякой больной спины. Но это совсем не значит, что когда-нибудь сделаю и в самом деле. Разве если опять решишь дать прикончить себя демону. Тогда уж не обессудь, лично привяжу и высеку – неделю стоя есть будешь. – Мужчина покладисто проглотил прозрачные мягкие капсулы. – Что дальше?

– Думаю, теперь вам нужно лечь на кровать на живот.

– Отвернись! – буркнул мужчина.

Что это было? Смущение в исполнении СС? То есть, мыться в общем душе ему было нормально, а оказаться голым перед ней – проблема? Почему от этого к щекам самой Эммы прилил совершенно неуместный сейчас жар. Просто до этого ее мысли были заняты тем, как победить упрямство этого мужчины, да и вид его спины не способствовал ничему, кроме мыслей о том, что нужно избавить его от боли как можно быстрее. Но сейчас, когда Сеймас сидел к ней лицом, со скомканной в районе паха простыней, до Эммы вдруг дошло, что она находится в комнате один на один с

огромным обнаженным мужиком. К самому факту присутствия рядом голых представителей противоположного пола Эмма уже привыкла за эти дни, и даже такая вещь, как нагло демонстрируемая эрекция, ее уже почти не смущала. Но вот прямо сейчас наедине с лейтенантом она почему-то была шокирована степенью интимности момента. И то, что этот самоуверенный самец попросил ее отвернуться, сказало ей о том, что, видимо, и для него все несколько необычно. Совсем некстати вспомнилось, что как раз с Сеймасом ей ни разу встречаться в душе и не случилось. Он будто бы нарочно старался не пересекаться с девушкой в такие минуты. Эмма, резко отвернувшись, стала суетливо копаться в сумке, непонятно что выискивая и ощущая, как жар от вспыхнувших щек предательски расползается во все стороны. Наверняка сейчас ее уши пылают, да и по шее распространился непрошенный румянец. Но хуже всего было то, что, стоя спиной, Эмма не могла избавиться от воспоминания о том, как выглядел торс этого пугающего мужчины, широченные плечи, его мускулистые бедра и длинные сильные ноги. Даже видение сжатой в кулак руки, удерживающей простынь... в таком месте почему-то рождало в теле какие-то пугающе порочные ощущения. И на краткий миг в мозг даже просочилась абсолютно неуместная мысль, что она понимает Пич, которая, несмотря на обилие вокруг таких роскошных и явно не уродливых мужчин, все же сохнет по лейтенанту. Эмма тут же не на шутку испугалась такого развития собственных размыш-

лений и почти остервенелю стала гнать их прочь. Но не то чтобы они и правда ушли.

– Я готов! – прокрипел Сеймас. – Можешь начинать играть в медсестру.

Господи, почему ей в его словах слышится какой-то двойной смысл, вгоняющий ее в еще большую краску? Как же хорошо, что лейтенант уткнулся лицом в подушку и не видит, как у нее трясутся руки, и лицо, скорее всего, напоминает цветом вызревший на солнце томат. Эмма посмотрела на израненную спину Сеймаса, и тут же смущение стало стыдом, выметая все дурацкие непонятные мысли. Лежащему перед ней человеку просто была нужна помощь, а она тут позволяет себе думать черт-те что!

Эмма осторожно распечатала упаковку и покрыла всю поврежденную поверхность специальным обеззараживающим и размягчающим корки тканым материалом, как можно нежнее распределяя его.

– Смелее, Джимми. Та хрень, что ты заставила меня глотнуть, кажется, реально работает. – Судя по голосу, Сеймас уже слегка «поплыл». – Давай поскорее покончим с этим.

– Я стараюсь делать все, как мне объясняли. И я не заметила, чтобы вы куда-то сегодня опаздывали, так что не собираюсь делать больно, излишне поторопившись, – возразила Эмма.

– Да ладно, а то, ты думаешь, я не видел, как ты на меня глазами сверкала всю неделю. Наверняка фантазировала

о том, как прикончишь меня, расчленишь труп, а куски разбрасаешь с вертолета.

Да, похоже, в санчасти ей дали что-то реально вставляющее.

– Лейтенант, у меня, благодаря вашему внимательному и тщательному подходу на фантазии, сил не оставалось, так что я хотела прикончить вас как-нибудь банально, а главное – с минимумом усилий, – неожиданно для себя фыркнула Эмма. – А в том месте, когда нужно было что-то делать с вашим здоровенным трупом, я обычно уже засыпала.

– Называй меня Сейм, – пробормотал мужчина. – А то как-то тупо выходит. И я должен был так себя вести.

– Почему?

– Не скажу! Тебе знать не положено! – Он приподнялся, чтобы еще и помотать головой, видимо, для полноты утверждения.

– Лежите... Лежи спокойно, Сейм. Теперь я понимаю, почему ты обезболивающие не принимаешь.

– Да меня от них конкретно прет. И язык развязывается.

Сеймас издал звук, какого она от него еще никогда не слышала.

Руки Эммы зависли над спиной мужчины. Она что, не в своем уме, или действительно только что СС издал нечто похожее на хриплое хихиканье? Она промолчала, решив, что уточнять, так ли это, с ее стороны будет весьма опрометчиво. Выждав нужное время, стала снимать ткань вместе с при-

ставшими к ней струпиями. Лейтенант же, похоже, не испытывал от этого ни малейшего дискомфорта, и девушка мысленно поблагодарила тех, кто составлял рецептуру такого сильного препарата.

– Ты не должна на меня злиться, Джимми, – продолжил вещать Сеймас, расслабляясь и закрывая глаза.

– Я сейчас и не злюсь. Просто знаю, что, как только ты опять придешь в себя, снова начнешь рычать на меня и издеваться. Хотя думаю, что от тебя, Сейм, совсем не убыло бы, если бы ты был хоть немного повежливей. Я ведь не стану хуже понимать твои приказы, если ты не будешь язвить и подчеркивать, какое я ничтожество по сравнению с вами – такими суперменами.

– Хм-мм. Я вовсе не ставил своей целью издеваться над тобой. И ничтожеством я тебя не считаю, маленькая Джимми. Ты... необыкновенная.

Эмма принялась тщательно накладывать ту самую «вторую кожу», что использовал Сейм для ее руки во время задания.

– Очень жаль, что завтра ты все забудешь. Я была бы не против видеть тебя... ну, не знаю, более добрым, что ли.

– Я не добрый! – Язык у мужчины уже слегка заплетался, как у пьяного.

– Ерунда. Тебе просто кажется, что если ты станешь вести себя чуточку дружелюбней, то потеряешь свой имидж жесткого парня. Но, поверь, если ты будешь хоть иногда улыбаться

ся, небо не упадет на землю. И никто, у кого есть глаза и хоть капля мозгов, не усомнится ни за что в твоей крутизне.

Эмме показалось, что Сеймас отключился, и она осмотрела в последний раз результат первой в своей жизни перевязки. Плотный слой искусственной кожи буквально на глазах прирастал ко всем повреждениям, закрывая их и создавая защиту. Эмма по себе знала, что даже когда действие наркотика закончится, боль не вернется в полном объеме. А значит, мужчина вполне сможет поесть самостоятельно, когда очнется. Эмма поднялась, укрыла его простыней и собралась уйти. Когда она уже была у двери, неожиданно лейтенант ее окликнул.

– Джимми?

– Да? – вздрогнув, обернулась она.

– А крутой парень – это хорошо или плохо, по-твоему? – сонно пробормотал он.

– Ну, думаю, что когда он твой друг – это просто замечательно. А если враг... ну, это явно паршиво.

Она не была уверена, что Сеймас слышал ее ответ, и, подождав еще с минуту, просто подошла к двери.

– Джимми? – снова окликнул ее Сейм.

– Мм-м?

– Твои руки на мне... Это было... – он замолчал, и Эмма еще какое-то время стояла в ожидании продолжения.

Но его так и не последовало, и поэтому она пошла к себе. Растянувшись на своей койке, она никак не могла изба-

виться от видения обнаженного мужчины. Она видела их к этому моменту уже десятки, но по какой-то странной причине, если от других ей всегда хотелось отвернуться, то к лейтенанту глаза притягивались, словно металл к мощному магниту. Это ведь ненормально? Может, у него тоже есть какие-то способности сродни тем, что у Кироса, и ей не стоит смотреть на него слишком долго и пристально? Но будь так, Пич ведь предупредила бы ее? Могла ли она спросить напрямую у подруги? Эмма усмехнулась. Ну да, просто гениальная идея. Что она скажет?

«Извини, Пич, а ты не знаешь, почему, когда я пялюсь на собственного голого командира, меня бросает в жар и руки с ногами трясутся? И не могла бы ты растолковать мне, что же это такое?»

Да уж, Пич наверняка сочтет это чрезвычайно забавным, верно? Эмма со вздохом перевернулась на постели. Нужно попробовать вздремнуть перед вечерней тренировкой. Но у мозга, похоже, были другие планы.

«Твои руки на мне... Это было...»

Было что? Противно? Больно? Раздражающе? Просто неприятно? Или... Или все же он имел в виду совершенно противоположное?

Боже, Эмма! Что противоположное? О чем ты думаешь вообще?

Глава 8

– У тебя есть для меня хорошие новости, человек? – Длинные тонкие пальцы с идеальными золочеными ногтями клацнули по полированной каменной поверхности стола, и это простое движение заставило внутренности мужчины скрутиться тошнотворным узлом страха.

– Прошу прощения, Прекраснейшая, но все без изменений, – проямлил он. – Нужно еще немного подождать.

– Подождать... – в протяжном звучании голоса женщины появились нотки смертельного холода, и пальцы, выстукивающие угрожающий ритм, заметно ускорились.

Мужчина несколько раз нервно сглотнул, тщетно пытаясь увлажнить высохшее горло.

– Как думаешь, человечек, как долго я еще буду щедро раздавать тебе авансы, ничего не получая в ответ? – не прозвучало ни единой хоть крошечной эмоции, но мужчина почувствовал, как самый настоящий животный ужас сжимает тиски на его горле.

– Прекраснейшая, но я делаю все, что могу! Я нашел Ключ для вас, а это в условиях такой секретности было совсем не просто!

– Пока ты искал, были потеряны годы! Теперь этим Ключом можно управлять только при помощи гребаного Якоря! А его, как я понимаю, у нас все еще нет? Как и чертовой воз-

возможности получить новый Ключ!

– Я работаю, Прекраснейшая! Мы вытащили ее из-под опеки приемного отца, мы поместили ее в целое стадо озабоченных самцов. За ней постоянно смотрят. Но она на каждом еженедельном обследовании устойчиво показывает, что полностью стерильна...

– Да мне плевать! Я хочу мой долбаный Ключ! Сколько еще я должна проторчать в вашем жалком мирке, прежде чем получить свое? – в одно мгновение тихий голос стал гремящим рыком, и кровь мужчины вскипела, лишаясь кислорода.

Он схватился руками за горло, падая со стула на колени и умоляюще закатывая глаза.

– Безмозглый, самолюбивый идиот! Ты упускаешь что-то. И если так будет и дальше, я найду кого-нибудь другого, кто будет более сообразителен или удачлив! Ты меня понял?

Способность дышать вернулась к мужчине, и он упал на четвереньки, жадно хватая воздух и громко сипя.

– Как же я ненавижу эту необходимость использовать таких никчемных созданий, как ты! – Ногти снова стали выстукивать ритм по холодному камню. – Если бы эта проклятая жалостливая стерва-кормилица не украла девчонку, у меня уже давно было бы все желаемое! Ты хоть понимаешь, как меня бесит то, что приходится ждать и искать новые чертовы решения?

– Я понимаю, Прекраснейшая.

– Да что ты можешь понимать, червяк! Убирайся с моих глаз! И возвращайся только тогда, когда у тебя будет, чем меня обрадовать.

– Прекраснейшая, прошу, – мужчина протянул дрожащую руку в самой низжайшей мольбе.

– Ты не заслужил! – Мужчина отчаянно всхлипнул, униженно подползая ближе. – Ну ладно, я дам тебе последний шанс. Но на этот раз действительно последний.

* * *

На следующее утро Эмму никто не разбудил в привычные 5:30. И поэтому, когда она чуть позже проснулась сама, ее прямо подкинуло на кровати, и она стала в панике одеваться. В коридоре не оказалось ни Пич, с упреком на нее взирающей, ни других бойцов из ее группы. Вообще никого. Покосившись на противоположную дверь, девушка испытала краткий порыв зайти и узнать, как там Сеймас, но, во-первых, боялась опять нарваться на рык, а ее отвага далеко не безгранична, а во-вторых, в любой момент мог появиться кто-то из команды и застать ее выходящей с утра из комнаты лейтенанта. Даже если на самом деле никто бы ничего «такого» и не подумал о них, то все равно Эмма бы стала настоящей мишенью для подколов близнецов и Кираса, наверное, на недели вперед.

Когда никто не появился и еще пять минут спустя, Эмма

помчалась к комнате Пич узнать, в чем дело.

Само собой, на стук Эмма не услышала гостеприимного «войдите». Тут так не принято, приглашать любого не глядя. Пич распахнула двери, и Эмма впервые увидела подругу в легком платье и босиком вместо привычной темно— синей формы.

– А-а-а... – зависла Эмма. – А как же тренировка, Пич?

– Вообще-то у нас сегодня законный выходной, – сообщила темнокожая девушка. – Поэтому мы сейчас собираемся и сматываемся на весь день в город. Иди оденься по-людски.

– Пич, ты забыла? Сеймас не разрешал мне никаких увольнительных, – вздохнув, ответила Эмма.

– На данный момент лейтенант не в строю, мелкая. И по уставу я в его отсутствие командую группой. А я тебе очень даже разрешаю увольнительную. Я, блин, просто прямо приказываю тебе в нее со мной пойти. Ясно?

– Ясно. Только все равно не могу. Желаю хорошо отдохнуть. – Эмма ни за что бы не призналась Пич, что есть одна проблема в том, что живешь только с отцом, который к тому же и военный.

У нее не водилось никакой одежды, кроме форменной и домашней. И раньше она никогда не испытывала с этим никаких трудностей. Но сейчас, увидев Пич в совершенно ином образе, Эмма вдруг поняла, что даже не представляет, что сейчас носят девушки и по какому принципу должна выбираться красивая одежда. Но посвящать в это подругу она не

собиралась.

– А ну, стоять! – властно рявкнула Пич и резко втянула Эмму обратно в комнату. – Я так понимаю, выйти в народ тебе тупо не в чем?

– Я просто не хочу никуда выходить, Пич! – предприняла еще одну попытку сбежать Эмма.

– А я просто тебе ни фиги не поверила! Та-а-ак! Как же нам решить эту проблему? – задумалась Пич. – Постой-ка!

Пич открыла свой шкаф, и у Эммы полезли глаза на лоб. Если ее форма и пожитки занимали пару полок, то шкаф Пич буквально ломился от явно дорогой одежды.

– Ого! – не удержалась Эмма.

– Что ого? Ты хоть в курсе, сколько нам платят?

– Ну, я как-то этим никогда не интересовалась.

– Чудная ты, мелкая! – фыркнула Пич. – Поверь, отстеги-вают нам достаточно, чтобы я могла себе позволить все это и многое другое.

– Ты что, все деньги тратишь на одежду? – удивленно спросила Эмма.

– Ну почему же? Еще на косметику, украшения, развлечения, Джимми. А на что мне, по-твоему, их тратить? Каждый день меня могут прикончить, почему же не жить сейчас в свое удовольствие? Я не знаю никого, Джимми, кто бы, отслужив здесь, купил домик в пригороде и завел семью. Может, все мы и мечтаем об этом, но не стоит путать фантазии и реальность. Так что, живи сейчас, пока и правда жива!

Эмма не знала, как относиться к словам Пич. Если, услышав от нее это впервые, она отказывалась признавать такой подход к жизни, то после первого задания ее до этого твердое черно-белое мировоззрение стало проседать и приобретать оттенки сомнения. Ведь, побывав на краткие мгновения так близко к смерти, она стала осознавать, что Пич права по-своему. Никто из них не может знать, что будет. К сожалению, ясновидящих среди них не было. Поэтому, как проживать каждый новый день, отгораживаясь от мира, или самозабвенно отдаваться всем его соблазнам, каждому решать самостоятельно.

– Во! Я нашла! Ну-ка, снимай свое барахло! – Пич вытащила из глубин гардероба блестящее нечто. – Я сдуру купила его, мне так понравилось, просто жуть. Но, блин, я в него так и не вошла! А тебе будет самое то!

Эмма с сомнением посмотрела на переливающуюся вещь в руках подруги.

– Мм-м. Пич, это слишком для меня.

– Ха! Откуда тебе это знать? Ты же еще и не меряла! Раздевайся, говорю!

Эмма, сгорая от смущения, сняла форму и натянула платье под критичным взглядом Пич, рассматривавшей ее белье. Платье мягко заструилось по ее телу, опускаясь почти до колен. Ткань была такой нежной и приятной для кожи, что Эмма невольно погладила ее, чтобы почувствовать это снова.

– Супер! Хотя длинновато, конечно.

Пич встала за спиной Эммы, пока та смотрела на незнакомую себя в зеркало. А потом представила, как это же платье должно было смотреться на более высокой и крупной подруге. Нечто облегающее, как перчатка, и едва прикрывающее задницу. Щеки Эммы опять окрасились румянцем.

– Черт, Джимми, ты все-таки горячая мелочь! – разглядывая ее, заявила Пич. – Мужики слюной весь пол залиют. А может, и не только слюной!

– Пич! – еще больше смутилась Эмма и попыталась избавиться от платья.

– А ну тихо! Сегодня первым делом пойдем прошвырнемся по магазинам и найдем тебе обувь, собственную одежду и классное белье. Так что будем считать, что у нас с тобой сегодня, типа, тренировочный выход в город!

Эмма хоть и пыталась возразить, но это не возымело никакого действия, и вскоре уже они выезжали с территории базы на открытом джипе. А когда Пич заволокла ее в дорогой обувной магазин, Эмма не знала, куда себя деть под презрительными и шокированными взглядами привлекательных продавщиц, переводивших взгляды с роскошного платья на ее армейские ботинки. Но повелительные нотки в голосе Пич очень быстро заставили девиц метаться в поисках нужного.

Эмма была благодарна Пич, что та не попыталась ее заставить сразу же встать на каблуки, вроде ее собственных.

Может, у нее и была хорошая координация, но для первого дня это было бы слишком. Эмма и так чувствовала себя какой-то туземкой, которую впервые в жизни вывели из джунглей сразу в современный торговый центр.

Поначалу она пялилась на все окружающее глазами лани, застывшей перед несущимся на нее наземным военным транспортом. Но Пич не дала ей много времени на праздное разглядывание и решительно повела туда, куда считала нужным. Остальной день прошел для Эммы в хождениях от магазина к магазину и бесконечных примерках. Если раньше Эмма считала, что лейтенант обходился с ней на занятиях по-жесткому, то ближе к вечеру должна была признать, что после «тренировочного» выхода в город с Пич будет ждать лютого Сейма со слезами нетерпения на глазах. Марш-броски с полным вооружением были детским садом по сравнению с этим марафоном. К тому моменту, когда Пич заволокла Эмму в салон, она была просто счастлива оказаться где-нибудь, где не было бы мельтешения толпы и мелькания тряпок всех возможных цветов. Но оказалось, что она рано-вато собралась расслабляться. Ее ждали новые испытания, в результате которых волосы остались лишь на ее голове, бровях и ресницах, едва смогла отвертеться от настойчивого стремления изукрасить ее временными тату и была несколько раз чем-то измазана и натерта. Красить волосы Эмма отказалась, и тут ее Пич полностью поддержала. Однако же их тоже чем-то обмазали, а когда вымыли и высушили, Эмма

и сама была поражена тому сверкающему буйному каскаду, что теперь струился по ее плечам и спине.

Лишь несколько часов спустя Пич привела ее в красивый гостиничный номер.

– Что мы тут делаем? – удивилась Эмма.

– Я всегда снимаю его, когда у меня суточная увольнительная. Не переться же обратно на базу, когда хочется поваляться перед вечером. Да и, напившись, я никогда на базу не возвращаюсь. Может, я и легкомысленная особа, Джимми, но затаскивать с пьяных глаз того, кто случайно попадетсЯ по пути на базе, в постель – дурное занятие. Потом реально не всегда так просто отвязаться. Если я хочу просто потрахаться, то выбираю для этого тех, кто относится к этому делу так же, как я, и желательно на трезвую голову. Доставили друг другу удовольствие и разбежались. Никаких соплей и объяснений ни по утрам, ни позже.

Пич вытащила из бара что-то алкогольное и протянула Эмме наполненный стакан, от которого довольно вкусно пахло.

– Нет! Я не буду, – попробовала отказаться Эмма.

– Да перестань ты уже! Просто попробуй! Я же вовсе не собираюсь упаивать тебя до потери сознания, – обиженно нахмурилась Пич. – Просто попробуй вздохнуть свободно! Поверь, у нас не так много для этого времени и возможностей.

Смирившись, Эмма приняла бокал и чуть пригубила. Сладкая, ароматная жидкость потекла по горлу, немножко

обжигая.

– Судя по твоим отзывам, я думала, что все парни на базе только и мечтают заняться ни к чему не обязывающим сексом и на утро не вспоминать об этом. О чем же тебе волноваться? – осмелев, спросила Эмма, делая еще один глоток побольше.

– Нет. Это не так. Может, я и считаю большинство парней козлами, но все они, знаешь ли, разных, мать их, пород. Одни действительно одноразовые и, переспав, больше тебя не побеспокоят. Но есть и такие, которые потом в тебя вцепятся и начнут пытаться контролировать твою жизнь. Просто, мы же не совсем-то люди, Джимми. И у некоторых всякие там собственнические инстинкты включаются с полпинка, понимаешь? Сегодня ты с ним неплохо проведешь ночь, а с утра он уже будет считать тебя чуть ли не своим имуществом, без права на собственные решения.

– А разве других, ну, таких, которые способны на нормальные отношения, нет?

– Давай скажем честно, я ни к каким отношениям никогда и не стремилась. Мне это не нужно.

– Почему?

Пич залпом прикончила свой стакан и налила еще.

– Потому что, Джимми, я не хочу больше потерь. За эти годы исчезло столько тех, кого я знала и, может даже, любила с самого детства. И я ведь не чокнутая, чтобы добровольно обрекать себя на страдание, по сравнению с которым элек-

троплеть – ласковое поглаживание. – Боль, изливающаяся из слов Пич, была такой ощутимой, что Эмме казалось – протяни руку, и она сможет ее потрогать. – Я не хочу даже тупо привыкать к одному партнеру. Откуда мне знать, что завтра он не умрет?

Эмма сделала еще несколько глотков, чувствуя, как внутри разливается тепло вперемешку с непонятно откуда взявшейся смелостью.

– Пич, но ведь тебе нравится лейтенант, – ляпнула она, прежде чем остановила своя язык. – Ой! Прости, это не мое дело!

– Да ладно тебе, Джимми! Как будто я из этого делаю тайну или не сама тебе об этом говорила. Ну да, мне нравится Сейм. Я его хочу. Кто же такого не захочет? – если бы в крови Эммы не было сейчас алкоголя, то она бы наверняка зарделась. – Я даже привязана к нему. Но, понимаешь ли, Джимми, все это потому, что я прекрасно осознаю, что с ним мои чувства в полной безопасности. Стальной Сейм – самый живучий ублюдок, которого я знаю, и опасаться того, что его убьют раньше меня, нет оснований.

– Этого никто не может знать.

– Поверь, я могу. Если кто и выживет на всей этой долбаной базе в конце, так это он. И второй довод в пользу Сейма состоит в том, что он никогда в жизни не подпустит меня ближе. Я навечно увязла для него в числе друзей и боевых товарищей. Да, он будет сражаться рядом со мной как лев,

отдаст за меня последнюю каплю крови, хоть зубами вытянет из любой задницы, прикроет любой косяк перед командованием. Он это сделает для каждого из нашей группы. Для Кира, для близнецов – не важно! Но он никогда не посмотрит на меня с желанием, Джимми. Он никогда не захочет большего со мной. У него, черт возьми, тупо ни за что не встанет на меня, даже если он будет пьян до беспамятства. И я знаю, что говорю. Потому что я пробовала, как это ни унижительно для меня звучит. Пробовала, но ничего не вышло. Мне ни за что не вылезти из этой его хреновой френд-зоны. Так что могу пускать слюни по нему совершенно спокойно, не опасаясь для своего черствого сердца никаких последствий!

Разные эмоции отразились на лице Пич, когда она говорила это Эмме. Но под конец девушка опять нацепила на лицо беспечную улыбку и маску полного похеризма.

– Допивай! – кивнула она на стакан Эммы. – Повалеемся чуть-чуть и махнем в один бар тут неподалеку. Я бы тебя потащила в клуб, но ты у меня еще дикая, будем тебя приучать потихоньку.

– Я не уверена, что бар – это хорошая идея, – ответила Эмма, отмечая, как странная легкость наполняет ее голову, отодвигая серьезные размышления подальше. – Но почему-то мне сейчас на это плевать!

– Во-о-от! Правильно, мелочь моя! – поддержала ее Пич и хлопнулась на широкую кровать.

Но когда они оказались у дверей бара, и от стоящих сна-

ружи мужчин слышались свист и непристойные комментарии, жидкая храбрость почему-то предательски покинула организм Эммы. Ей захотелось развернуться и побежать со всех ног прочь. Пич, почувствовав ее пораженческое настроение, тут же схватила Эмму за руку и решительно втянула внутрь. Найдя свободный столик, она велела девушке ждать и отправилась, покачивая бедрами, в сторону барной стойки. Эмма заметила, сколько голодных мужских взглядов последовало за подругой. А осмотревшись, поняла, что и в ее сторону направлено не меньше. Ей тут же захотелось съежиться до размеров крошечной точки или просто волшебным образом исчезнуть отсюда. А потом она увидела, как крупный парень с длинными волосами и в кожаном прикиде направляется в ее сторону, откровенно раздевая глазами. Он навис над столиком и уперся руками, склоняясь ближе к Эмме.

– Детка, я тебя здесь ни разу не встречал! Как ты относишься к идее прокатится на моем ручном звере? – похабно ощерился он, обдавая Эмму запахом алкоголя.

– Отрицательно! – рявкнули рядом, и в следующий момент Сидда «легонько» отпихнул парня своим плечом, так что тот отлетел к соседним столикам и повалился на пол, опрокидывая на себя чужое пиво.

Эмма уставилась на появившихся перед столиком близнецов и ухмыляющегося из-за их широких спин Кираса.

Длинноволосый любитель ручных животных вскочил и бросился на Сидду, пытаясь ударить его в лицо. Тот же

небрежно отмахнулся от него, отправляя обратно в полет. Но в это время на помощь одетому в кожу страдальцу с другого конца бара устремилась целая толпа похожих на него суровых парней.

– О, вот и культурная программа! – со счастливой улыбкой заявил Брант. – Сегодня как-то рановато!

Следующим отчетливым воспоминанием Эммы оказалось то, как Пич, ругаясь такими словами, значения большинства которых остались для девушки загадкой, выволакивает ее из бара на улицу, раскидывая по дороге дерущихся. Буквально через минуту из дверей один за другим вывалились братья и Кир. Выглядели они слегка потрепанными, но чрезвычайно довольными.

– Сраные придурки! – заорала на них Пич. – Вы нам все веселье испортили! Долбоящеры гребаные!

– Ну почему же!? – искренне удивился Брант. – По-моему, было охренеть как весело.

– Вы чего приперлись вообще? – не унималась Пич.

– А нечего быть такими эгоистками! Мы, между прочим, так и не отметили появление у нас Джимми. Так что не фиг было сбегать с утра пораньше втихаря! – заявил Кирос.

– Да мне ваши рожы еще на базе до смерти надоели. Могу я хоть в увольнительной от вас отдохнуть?

Ответом темнокожей девушке были только три беззаботных улыбки.

– Ну, раз этот бар на сегодня уже закрыт по техническим

причинам, то, может, пойдём и выпьем чего-нибудь в другом? – с довольным видом предложил Сидда.

– Ни. За. Что! – рявкнула Пич. – Мы возвращаемся на долбаную базу! Без. Вас!

– Пич! – завопил Кирос. – Ну не будь такой сучкой! Мы просто хотели посидеть все вместе!

– Пошли вы! Через пять минут на вас бы уже висели девки гроздьями, а к нам бы с Джимми из-за вас, дебилов здоровенных, никто и близко бы не подошел! – злилась все больше Пич.

– Да мы вас спасли вообще-то! – встрял Брант.

– Я что, похожа на ту, кого надо спасать? Хотите играть в хреновых спасателей – валите от нас подальше.

– Ну, Пич! – смешно заканючил Сидда. – Мы, честное слово, больше так не будем! Посидите с нами!

– Нет! Вы нам все планы поломали, так что и развлекайтесь теперь сами!

Всю обратную дорогу Пич была мрачной и тихо ругалась себе под нос. А вот Эмма даже была рада такому завершению вечера, так как чувствовала себя совершенно не готовой к подобного рода развлечениям. Может, позже, когда она будет комфортней ощущать себя и в этой новой одежде, и в присутствии такого количества людей, не похожих на ее обычное окружение. Спустя час Эмма замерла перед дверью своей комнаты, но потом развернулась и постучалась в противоположную. Ответом была тишина.

– Это я, Джимми! – громко сказала она, приоткрывая дверь. – Можно войти?

– А если скажу, что нельзя, тебя это, типа, остановит? – раздался хриплый ответ.

Лейтенант сидел немного сгорбившись за столом и что-то читал на электронном носителе. Когда Эмма проскользнула внутрь, он провел по гибкому экрану, гася тот.

– Я просто зашла спросить, как ва... твои дела?

Повисло молчание, и Эмма уже отругала себя за то, что обратилась к лейтенанту на «ты». Мало ли что он там вчера под наркотой предложил. Сейчас-то он точно в трезвом уме. Подняв глаза, Эмма наткнулась на пронзающий ее взгляд. В нем бурлило стихийное бешенство эмоций, определить которые ей не представлялось возможным. Просто вдруг опять стало невыносимо жарко и нечем дышать.

– Что это на тебе надето, Джимми? – наконец мрачно про-
рокотал Сеймас, в очередной раз проходясь глазами сверху
вниз.

– П-платье. – Неужели это не очевидно?

Но, судя по взгляду лейтенанта, ему ответ не понравился.

– Ты что, так по базе ходишь? – недобро прищурившись, уточнил мужчина.

– Ну, вообще-то я шла в свою комнату спать и просто ре-
шила навестить вас перед сном.

– Тебя.

– Что?

– Мы договорились говорить друг другу «ты». Память подводит? – Голос лейтенанта звучал ехидно. – И откуда же ты шла?

– Мы гуляли.

– С кем? – брови лейтенанта гневно сошлись на переносице.

Да что за допрос такой?

– С Пич, – неуверенно ответила Эмма.

– С Пич, – повторил Сейм. – И как погуляли?

– Было любопытно. – Сеймас продолжал сверлить глазами Эмму. – Но потом пришли близнецы и Кирос... ну, и мы решили пойти домой.

– Вот, значит, как, – уголок рта лейтенанта едва заметно дернулся в чем-то отдаленно напоминающем улыбку. – Пич, небось, в ярости?

– Вроде того, – уже уверенней ответила Эмма.

Сеймас опять прищурился, но теперь в нем больше не прослеживалось гнева. Наоборот, волны совершенно незнакомого, жутко смущающего тепла скользили от этого пристального изучения по телу Эммы. И оно, это самое глупое тело, почему-то откликалось дурацкой слабостью в ногах и тягучей болью глубоко внутри. Стоя в нескольких метрах от мужчины, Эмма вдруг испытала поразительное ощущение сжатия пространства между ними. Так, словно комната стремительно становилась все меньше, заставляя их нестись навстречу друг другу с космической скоростью. Жгуты мощ-

ного притяжения будто оплели все тело девушки, отнимая способность передвигаться. А темно-карие глубины напротив превратились в бездну, в которой с каждым мгновением становилось все больше яростного темного пламени. Эмма неожиданно оказалась беспомощной, ничего не весящей тростинкой на краю этой мрачной, но невыносимо притягательной пропасти, которую в спину неумолимо толкал ураганный ветер собственных абсолютно незнакомых желаний и потребностей. Тех самых, о каких она и не подозревала в себе, но которые, видимо, всегда и скрывались где-то в глубине ее души. Лейтенант вдруг громко прочистил горло, пугая Эмму этим неожиданным звуком, и хрипло пробормотал:

– Иди спать, Джимми. – И Эмма вылетела прочь с максимальной скоростью.

Уже задремывая в собственной койке, девушка позволила всем новым впечатлениям за этот день просто течь через себя, не анализируя их и не размышляя о них.

Глава 9

Сеймас с трудом разжал собственные пальцы, намертво впившиеся в столешницу, когда за Джимми захлопнулась дверь. Он был в ярости. В ярости? Да ладно! Хватит мало-душно отрицать очевидное! Гнев, который он испытывает в присутствии этой раздражающей девушки, – бледный отблеск маленького костерка по сравнению с тем гигантским пожаром вождения, что грозит сжечь его тело и разум. И отрицать его наличие становится все труднее. Если первые его проблески он мог игнорировать, успокаивая себя тем, что давно не выходил за пределы базы и ему лишь нужна разрядка, то сейчас он понял, что просто трусливо прятался от неприглядной реальности. Неодолимое, тягучее, удушающее желание ощутить под собой Джимми и удерживать там, бог знает сколько, ударило в него, опрокидывая и сминая, оставляя поверженным и практически невменяемым. Устрашая своей силой и его полной беспомощностью хоть как-то этим управлять. Сеймас никогда не был трусом, ничего не боялся и не стремился отгородиться от проблемы, надеясь, что она исчезнет волшебным образом сама собой. Но, похоже, эта девчонка была проблемой, способов решения которой он не знал. Когда он услышал ее голос, спрашивающий разрешения войти, его мышцы неконтролируемо напряглись, возвращая воспоминание о том, как больной спины касались

ее руки, которые он упорно гнал от себя весь день. А с того момента, как она проскользнула в его комнату, он сидел, впившись в несчастный стол, потому что реально нуждался в осязаемом якоре, чтобы не преодолеть эти несколько метров между ним и этой девчонкой и не сделать того, о чем будет потом жалеть всю свою недолгую оставшуюся жизнь. Хотя, когда она не отрываясь посмотрела на него, он на несколько секунд потерял твердую почву под ногами. На короткий миг последствия перестали иметь какое-либо значение. Все исчезло. Осталась только невыносимая похоть, остервенело схватившая его за горло, и девушка, глядевшая так, словно знала о том, с чем он сейчас борется. Знала и при этом оставалась на месте.

А с другой стороны, откуда такой, как она, иметь представление о тех обжигающе острых картинах, что взорвали его мозги от ее вида в этом чертовом платье, льющемся по изгибам ее тела и заставляющем жгуче ненавидеть эту ткань за то, что она касается той кожи, которую он захотел ощутить под своими пальцами? Джимми наверняка с воплями убежала бы, если бы заглянула в его разум и увидела, как он мысленно наматывает на руку эти роскошные пряди цвета спелого каштана и золота, что так ярко отсвечивают даже в скудном искусственном освещении его комнаты. Удерживает за них, врезаясь в ее хрупкое тело, жестко и безжалостно утоляя то животное вожделение, что скрутило его, перемалывая все нутро в пламенеющую кашу. Жадный, похотли-

вый монстр проснулся в нем, объявляя о своем пробуждении собственническим ревом, прокатившимся по его венам и вибрирующим в костях. Что такого во взгляде этой девочки, что сорвало все хитроумные запоры и он вырвался из тюрьмы сознания, где Сеймас, укротив, прятал его, отчетливо напоминая ему, как же безмерно далек от простого человека. Монстр взглянул глазами Сейма на замершую у двери женщину и потребовал ее для себя. Возжаждал взять, подмять, ломая любое сопротивление, пометить каждый уголок ее тела своими зубами, запахом, спермой. Уничтожить любого, кто решится попытаться вырвать эту женщину из его алчных объятий. И был краткий миг, когда Сеймас почти поддался требованию своей истинной натуры. Но открытый взгляд этих лучистых глаз осадил вырвавшегося на свободу монстра. Непонятно, как эти волшебные глаза забрались в самую глубинную суть беснующегося от похоти чудовища и обратили ярость вожеления в восхищенный трепет. Чудовище замерло, пораженное в самое сердце, покорно отступая, взирая на эту женщину с преклонением и мучительной тоской вечной преданности. Той самой, что рождается за единое мгновение и длится дольше самой жизни. Сеймас нашел в себе силы сказать Джимми, чтобы ушла, и остаться неподвижным, когда все в нем устремилось следом, не желая отпускать это потрясающее ощущение собственной принадлежности кому-то.

Она ушла, и температура в комнате как будто упала да-

леко ниже нуля, возвращая его в неприглядную реальность, где он сидит с гребаным флагштоком в штанах и пялится на дверь, желая ту, к кому у него нет никакого права прикасаться. Как с ним мог случиться такой чертов сдвиг по фазе? Ведь он всегда контролировал свои желания и потребности, никогда не позволял им управлять собой. И никогда сексуальное влечение ни к одной женщине не лишало его контроля над его демонической половиной. Сейм вообще всегда предпочитал удовлетворять себя только с профессионалками. Они давали ему то, что он хотел, подчиняясь его приказам, а он за это щедро расплачивался. Все четко знали, на что идут. Никаких случайных ожиданий, эмоций и страстей. Просто несколько часов грязного траха, опустошающего тело и очищающего разум для чего-то более важного. Ничего общего с тем, что вдруг спалило его изнутри, когда Джимми вошла в его комнату.

Вдруг? Да ладно! Не было в этом никакого «вдруг». Разве за все эти годы был хоть раз с того дня, когда он впервые увидел девчонку, чтобы он абсолютно честно мог сказать, что игнорировал ее существование? Он злился, завидовал, тихо ненавидел, выискивал, что в ней такого, делающее ее особенной... Но никогда не оставался безразличным. Всегда, даже на расстоянии, она цепляла его, вынуждая следить хоть краем глаза, притягивая необъяснимой гравитацией. Была чем-то таким, что нельзя не замечать, не видеть.

Но, черт возьми, видеть и замечать – это совершенно не

то, что начало с ним твориться, когда Джимми оказалась в непосредственной близости, на расстоянии прикосновения. И уж тем более и рядом не стояло с тем, что он почувствовал себя погруженным в озеро жидкой лавы, когда она вошла одетая в это платье, гори оно в аду вместе с той, на ком было надето! Пока Джимми ходила в мешковатой форме, грубых ботинках, с волосами, стянутыми в тугий пучок, Сейму еще удавалось внушать себе, что она такой же боец, как и другие, его сослуживица. Но увидев ее такой женственной, хрупкой, поразительно чувственной, он почувствовал себя рехнувшимся. Это была та ее неизвестная ему сторона, которую он не видел никогда раньше, но теперь уже никогда не сможет забыть. Она отчетливо взывала к нему и находила не просто бурный отклик – сумасшедшее желание нырнуть с головой, утопая навсегда. Даже увидев ее мельком обнаженной в первый день среди других бойцов, он просто запретил себе размышлять и помнить. Но, похоже, что от образа Джимми в этом платье ему не удастся отмахнуться. То, как скручивало болью его пах при виде движения ее груди при дыхании под этой тканью, невозможно просто выкинуть из головы волевым решением. Вид ее влажных губ, волос, рассыпанных по плечам, изгиба уже почти по-женски щедрых бедер впечатался в его подкорку. Сможет ли он смотреть на нее завтра в этой уродливой привычной форме и не видеть опять такой, как сегодня? Зачем она вообще явилась к нему? Подразнить? Проверить на прочность? Может ли она испы-

тывать хоть намек на ответное желание? Что случилось бы, если бы он все же позволил себе прикоснуться к ней, поцеловать? Оттолкнула бы его? Или позволила бы вторгнуться в свой рот? Каким был бы этот поцелуй? Нежным, осторожно испуганным, или неистово страстным, на грани болезненных укусов. Таким, который заставил бы их срывать друг с друга одежду и позволил бы опомниться, только когда оба смогут отдышаться, охрипнув от криков чистого экстаза? Да о чем он вообще позволяет себе, на хрен, думать? Все, что он должен делать сейчас в своей голове, – это навешивать огромные запрещающие сигналы на каждую часть тела девчонки, которая всплывала в его опьяненном воображении. Она одна сплошная запретная зона, гребаный фонтан из неприятностей и непредсказуемых проблем. И идеальным для него было бы оказаться от Джимми на другом конце планеты. К сожалению, это невозможно. Но он должен отгородиться от нее, от любых эмоций. Изничтожить на корню это свивающие его внутренности дикое желание.

Тут же в памяти всплыла мерзкая рожа полковника Ранзони и все его указания насчет Джимми. Интересно, что он сделает, если Сеймас плюнет на последствия и заберет девственность девушки, ломая все его проклятые планы? Убьет его? Заберет Джимми вниз и больше никогда не выпустит?

При мысли об этом бешенство накрыло его, вызывая такую жажду крови, которой он не знал даже будучи подростком, пока учился справляться со своей темной сторо-

ной. Чудовище в нем поднялось снова, однозначно давая понять, что причинить вред этой малявке оно не позволит. Как, впрочем, и коснуться ее хоть кому-то. Отдавая себя под власть чистого света ее глаз, монстр оставался собой. Он не был бескорыстным и в ответ хотел столь же полного признания его прав. Сейм схватился за голову, позволяя себе осознать, в какой ужасной ситуации оказался. Впервые его человеческая разумность и контроль были поставлены под угрозу эмоциями демонической сущности. И чем это грозило? Очевидно, серьезными неприятностями. Мысль о том, что девушку в таком виде, как сегодня, видели другие мужчины, выводила из себя. Что же говорить о том, чтобы наблюдать за тем, как вокруг Джимми станут виться бойцы, а он должен будет хладнокровно отмечать: проявляет ли она хоть к кому-то интерес? Сеймас привык подчиняться приказам, не размышляя, не обсуждая. Поэтому монстру придется заткнуться и убраться в те мрачные глубины, из которых его подняла эта невыносимая Джимми. Сейм создаст для него новые запоры, крепче и изощреннее прежних, и не позволит больше этой девчонке к ним приблизиться. Ему плевать на то, что с ней будет! Просто плевать. А мнения чудовища никто не спрашивает. Пусть ее забирают, пусть подкладывают под кого угодно, какое ему, на хрен, до этого дело? Ему-то она ни при каких обстоятельствах не нужна. Он к ней не прикоснется. Потому что не хрен себе врать! Если она окажется под ним – это станет настоящей катастрофой. Если демони-

ческая часть так беснуется, не коснувшись Джимми ни разу, то, что же будет, когда они станут близки? Он ясно помнил того парня, у которого съехала крыша пару лет назад, когда его легкомысленная подружка решила пойти в свободное плавание. Он не был самым сильным или агрессивным среди них, но убил троих, прежде чем его прикончили. Просто потому, что его демонская половина сочла девушку своей, а демоны своим не делятся.

Сеймасу подобное не нужно. Он четко знает, чего хочет от жизни, и это точно не перспектива подохнуть просто потому, что он не смог удержать свой член в штанах подальше от Джимми. Как только совсем полегчает, он пойдет в город и вытрахает эту девку из своих мозгов.

* * *

На следующее утро в дверь Эммы громко постучала Пич. Лейтенант, бледный и осунувшийся, управлял ими на тренировке, хотя девушка и видела, что ему пока тяжело. На нее он даже не смотрел. Не орал и не обращался к ней лично. Отдавал четкие общие приказы, делая упор теперь на взаимодействие в группе. Они симулировали разнообразные варианты возникновения экстренных ситуаций, в первую очередь учитывая именно способности Джимми видеть то, чего не замечали другие, и отрабатывали схемы поведения, собственную новую систему знаков. Поначалу бойцы бурчали и раздража-

лись из-за того, что они вынуждены были ломать привычную линию поведения, концентрируя внимание на девушке, но через пару дней все втянулись и работали идеально четко. Сейм стал лично участвовать только на третий день, и было похоже, что он уже полностью оправился. Но по отношению к Джимми он оставался отстраненно-холодным и все время вне тренировок смотрел словно сквозь нее. Хотя девушке и казалось, что она ощущает взгляд мужчины, сверлящий ее спину, но стоило только обернуться, и она убеждалась, что это совсем не так. СС не смотрел на нее. Несколько робких попыток заговорить с ним, когда рядом никого не было, Сейм сухо оборвал, тут же удаляясь. Похоже, ее надежды на то, что у них могли сложиться отношения хотя бы напоминающие нечто дружеское, были глупыми девчачьими фантазиями. Да и тот огонь в карих глубинах, пробравшийся в самую глубь ее сущности, ей, видимо, просто почудился. Судя по всему, алкоголь способен заставить увидеть то, чего не было и в помине на самом деле. Да и, говоря откровенно, что в такой, как она, могло бы заинтересовать Стального Сейма? Или почему бы ему хотеть быть с ней дружелюбным? Он ясно выразился в первый же день: Джимми – обуза, навязанная ему командованием, и ничего с того времени не поменялось. С чего бы? Особенно после того, как он был наказан по ее вине. Просто лейтенант – профи и опытный боец, вот он и решил, что нужно влить ее в коллектив, чтобы не повторять ошибок. Но это не значит, что он вдруг стал рад такому кам-

ню на шее. А то краткое отступление, когда она его лечила, и ее визит на следующий вечер... Ну, их, вроде, как и не было. Ну и пусть! Она ведь не надеялась на что-то другое в самом деле? Ведь чем меньше СС обращает на нее внимания, тем легче ей живется! Но почему-то она чувствовала от этого нечто похожее на разочарование и даже легкую обиду. Это было нелогично и совершенно необоснованно, но наедине с собой Эмма не могла отрицать наличие этих эмоций.

– Похоже, у вашего СС появилась постоянная подружка! – За спиной отплеывающегося от воды Сидды появилась девушка с розовыми волосами и телом, почти сплошь покрытым тату, когда они мылись после очередной тренировки.

Эмма не могла понять, почему в ее спину вдруг вставили железный прут, делая ее неподвижной.

– Да с чего ты взяла? – ответил ей мужчина.

– Да он каждый вечер одетый по гражданке сваливает в город. Уже четыре дня подряд. А вчера я застала его в душе рано утром. Поверь, я знаю, как пахнет от мужика, который трахался всю ночь. Эй, Пич, он по-прежнему предпочитает кого угодно, кроме тебя? Ты не в его вкусе? – фыркнула девушка.

– Ну, хоть у кого-то на этой гребаной базе вкус все же есть. Потому как у тех, кто сует свои члены в тебя, он явно отсутствует, – презрительно ответила Пич, даже не глядя на собеседницу.

Присмотревшись, Эмма узнала ту самую девушку, уви-

денную в первый день с Киросом. Воспоминания о том, что они делали, едва опять не заставили ее кожу зардеться, хоть она и стала намного менее чувствительной за это время.

– Что ты в этом можешь понимать, сучка! Меня хотят все! – вскинулась девица.

– Ага, точно. Парни, они вообще любят при возможности избежать лишних усилий. Так что, зачем самому дрочить – стараться, если есть такая безотказная ты, Флеш!

– Пошла ты, Пич! – зашипела розововолосая и подступила ближе, а ее поза стала явно угрожающей.

Эмма забеспокоилась за подругу, и это даже отодвинуло на задний план услышанное об СС.

– Да с удовольствием, Флеш. Лишь бы не в одном с тобой направлении! – Пич плавно развернулась и посмотрела прямо в глаза девице. После полуминутного поединка взглядов Флеш явно сдалась и повернулась к наблюдающей за этой сценой Эмме.

– Чего уставилась, шлюшка мелкая? – зарычала она.

– Да ладно, Флеш, не стоит навешивать другим собственные честно заработанные звания! – ухмыльнулась Пич.

Флеш решила отступить и, развернувшись, нахально провела руками по обнаженной спине Сидды. Но неожиданно мужчина отступил от нее дальше.

– Отвали, Флеш. Я не в настроении, – буркнул он, отворачиваясь.

– Да ладно, такое возможно? – рассмеялась Пич, а Флеш

одарила их новым гневным взглядом. — А я думала, что вы с братцем всеядны и всегда готовы!

— Может, мы взрослеем! — усмехнулся в ответ Сидда, выключая воду и покидая душевую.

Флеш исчезла следом, и Эмма с Пич остались в одиночестве.

— Не думаю, что у Сейма появилась постоянная женщина, — неожиданно сказала Пич, непонятно — то ли обращаясь к Эмме, то ли разговаривая сама с собой. — Это не в его стиле.

— Но ведь все когда-то меняется. — Эмма закрыла глаза, подставляясь под струи воды, как будто они могли вымыть изнутри странную едкую боль.

— Нет. Только не у СС. Он никогда ни к кому не привяжется. И не подпустит никого. Просто мужик выпускает пар, — беззаботно ответила Пич, даже не подозревая, что ее слова подливают кислоты в самый центр груди Эммы.

Девушка яростно прошлась по телу мочалкой, точно это могло выдрать из головы противные видения Сейма, занимающегося сексом с неизвестными женщинами. Разве ей надо знать, на что это может быть похоже? Как сокращаются и расслабляются все те совершенные мускулы, что она видела на теле лейтенанта. Издаст ли он какие-то звуки, как делал это Кирос, или сохраняет свое привычное тяжелое молчание даже в такие моменты?

Эмма рванула из душевой как можно быстрее, словно от мыслей, роившихся в голове, могло спасти движение. И, вле-

тев в предбанник, буквально врезалась в широкую обнаженную грудь Михея.

– Ох, детка! Офигеть, опять мы голые, и ты прижимаешься ко мне! Это судьба! – расплылся в улыбке парень, тут же обхватывая талию Эммы. – Стоит ли бороться со своим счастьем, маленький котенок?

Его голос стал интимным, и он наклонил голову к шее Эммы, проводя губами в миллиметре от кожи, обдавая дыханием. Эмма замерла, прислушиваясь к собственному телу, изучая его отклик на такую близость. Разве не должно в ней что-то откликнуться? Михей – красивый парень и явно в ней заинтересован, может, ей просто нужно позволить себе что-то ощущать? Просто одна минута эксперимента. Михей, осмелев, чуть коснулся открытым ртом ее кожи, и его широкие ладони скользнули ниже, накрывая ягодицы Эммы. Кожа покрылась мурашками, как и писали в книгах, но почему-то они не были из разряда приятных, и никакого тепла внутри не возникло. Даже совсем наоборот. Как только девушка ощутила, как наливается, поднимаясь, член парня между ними, то моментально захотела оттолкнуть Михея, не желая такого прикосновения.

– Отпусти! – Раздражение расцвело внутри.

Видимо, она в этом смысле безнадежна.

– Да ладно тебе, Джимми, – хрипло прошептал парень. – Дай мне один хренов шанс. Я так хочу тебя. Задолбался драть, представляя тебя, скачущей на мне. Позволь мне по-

казать, как могу доставить тебе реальное удовольствие. Обещаю не разочаровать тебя, детка.

Михей стиснул ее задницу, приподнимая Эмму и вжимая свою уже совершенно твердую плоть ей в живот. Он облилиз кожу девушки на шее и протяжно застонал.

– Отпусти, или я тебя ударю. – Эмма едва сдерживалась, чтобы не начать отчаянно вырываться из лапищ парня, которые вдруг показались жгущими кожу тисками.

Неожиданно все пространство сместилось, удерживающие ее руки Михея разжались столь стремительно, что Эмма упала на холодный пол, больно ударяясь. А воздух задрожал от замораживающего внутренности рычания, и Эмма увидела, как СС швыряет Михея в сторону полок с полотенцами, будто здоровенный парень весит не больше крошечного котенка. Полки рухнули, когда тело Михея врезалось в них, полотенца рассыпались, создавая хаос разных оттенков синего.

– Она сказала тебе отпустить! – Голос лейтенанта был совсем не похож на его обычный. Даже когда он был раньше в ярости, то звучал как-то по-другому.

Но подумать об этом у Эммы не было времени, потому что мужчина обернулся к ней, все еще глупо сидящей на полу. Его глаза полоснули по ней, как два темных клинка, словно желая уничтожить, расчленить, одновременно сжигая дотла, чтобы и следа не осталось.

– Если хочешь отказать парню, мать твою, то говори «Нет» громко и четко! – зарычал он. – А не позволяй обли-

зывать себя, как хренову конфету. А если не хочешь, то просто в другой раз не выделяйся, а просто пошире раздвинь свои гребанные бедра!

Эмма вскочила, чувствуя себя униженной, как никогда в жизни, и стала судорожно натягивать одежду прямо на еще влажное тело.

– Убери весь этот долбанный бардак, – рявкнул Сейм, тыкая пальцем в пришедшего в себя от шока Михея. Эмма же рванула из предбанника бегом и полетела по коридорам с максимальной скоростью, чтобы опередить рвущиеся наружу слезы. Кто дал право Сеймасу так говорить с ней? Сам таскается по городским девкам и является учить ее, как себя вести! Что она такого сделала? Не оттолкнула Михея сразу? Но разве у нее нет права попытаться понять, что она ощущает, когда к ней прикасается мужчина? Это продолжалось всего какую-то минуту, и Эмма все контролировала. Разве она просила его о чертовой помощи? Как он вообще там оказался именно в этот момент? С какой стати вмешивается, когда не просят?

Слезы обиды и унижения катились по щекам, сколько их ни вытирай. Почему именно слова СС так глубоко ее ранили? Пусть он отваливает со своей помощью куда подальше! Спаситель, которого никто не звал!

Глава 10

Эмма еще безуспешно вытирала все прибывающие слезы, когда в дверь негромко постучали.

– Джимми, могу я войти? – услышала Эмма встревоженный голос Пич.

Девушка суетливо оглянулась вокруг, словно ища способ испариться. Последнее, чего ей сейчас хотелось, – это демонстрировать подруге, насколько она расклеилась. Эмме нравилась Пич, и поэтому выглядеть слабой и раскисшей в ее глазах было стремно.

– Входи, конечно, – ответила Эмма, наскоро вытирая лицо форменной футболкой.

Пич проскользнула внутрь, остановилась, подперев дверь спиной, будто поняла желание Эммы как-то избежать общения.

– Ты как? – нахмурившись, спросила она.

– Нормально, – вскочившая Эмма зачем-то стала приводить в идеальный порядок покрывало на койке. – У меня все нормально.

Руки почему-то дрожали и то и дело создавали новые складки на месте только что выровненных.

– Джимми, хочешь, открою тебе одну тайну? – Пич подошла к Эмме и, схватив за руку, дернула, разворачивая к себе. – Даже две, мелкая. Первая – из тебя самая херовая лгу-

нья, которую я только встречала в жизни. И вторая. Дружья – это такие люди, которые нужны не только для того, чтобы шляться по магазинам и барам и трындеть по пустякам. Они еще весьма необходимы, когда тебе паршиво и нужно с кем-то об этом поговорить, спросить совета или просто пожаловаться. Это нормально. Мы с тобой знакомы всего ничего, но мне так думалось, что я могу считать себя твоей подругой. Я ошиблась?

Голос Пич был мягким, и это было совершенно несвойственно обычной ее грубовато-острой манере общения. И, несмотря на то, что держала она Эмму жестко, в прикосновении ощущались тепло и искренняя забота. И Эмма вдруг ощутила, как на ресницах снова затрепетали капли влаги, которые никто не звал. Девушка постаралась проглотить рвущийся всхлип, но предательски хлюпнувший нос выдал ее.

– Я... – она попыталась что-то сказать, наверное, даже в очередной раз заверить Пич, что все у нее прекрасно и она вся из себя сильная, но подлый спазм сжал ее горло, отнимая голос.

– Э-э-эй! – Пич привлекла Эмму к себе. – Какая же ты все-таки еще мелкая и ранимая, Джимми.

– Ничего подобного! – упрямо отстранилась Эмма. – Я такая же, как все!

– Ну да, конечно! – вздохнула Пич. – Чтобы быть такой, как все мы, тебе пару километров брони нужно отрастить и пройти ускоренный курс инъекций цинизма. В лошадиных

дозах причем.

– Я справлюсь. – Эмма забралась на кровать с ногами и уселась, обхватив колени.

– Очень на это надеюсь. Ты очень нравишься мне. Будет жаль, если ты пропадешь или сломаешься. И поэтому настоятельно рекомендую не отвергать мою помощь и советы, даже если тебе в них чудится обидная опека. Я, может, и не всезнающая, но в местной фигне ориентируюсь будь здоров. Хотя должна признать честно, эта вспышка Сейма ставит меня в тупик. Он никогда раньше не опускался до того, чтобы грубить девушкам.

Эмма почувствовала, что стыд опять поджигает ее уши и щеки при воспоминании о том, как она сидела на полу голая, а Сейм орал на нее, говоря такие мерзкие слова.

– Вообще-то он и парням особо не грубит. Ведь психов, чтобы переходить ему дорогу, не находится, так что и необходимости нет. С бабьей частью он предпочитает просто уклоняться от общения. Так что я сама немного в шоке.

– Ну, значит, я одна такая везучая умудряюсь бесить его так, что он себя сдержать не может, – неохотно огрызнулась Эмма.

– Да вряд ли все так фатально, Джимми. Мне так показалось, что в команду он тебя уже принял безоговорочно. Может, эта сучка Флеш не так уж и не права? Мало ли, вдруг нашлась такая баба, которая умудрилась нашего Стального Сейма так зацепить, что у него аж крыша ехать начинает?

– Если и так, то я тут при чем? – Как ни старалась, Эмма не смогла скрыть гнев в своем голосе.

– Да не при чем! У них, может, не ладится чего, а мужики от таких вещей реальными психами становятся. Вот вы с Михеем ему и попались в неудачный момент на дороге. Типа, крайние. И кстати! Я пропустила начало шоу, так что ты мне поясни – ты что, правда с этим придурком обжималась?

– Пич! – возмутилась Эмма.

– Ой, да перестань уже! Просто этот пронирыливый засранец что, сумел-таки к тебе пробиться поближе? Я же не осуждаю, Джимми. Он-то так еще и не самый худший вариант. Ну, ты понимаешь, я о первом разе говорю, – Пич понизила голос, как будто кто-то их подслушивал.

– Пич, перестань! – Эмма сначала отвернулась, но потом почему-то устыдилась собственного вранья и малодушия. – Просто... понимаешь... Я в том момент подумала... Короче, я читала, что, когда мужчина прикасается, то что-то должно, типа, происходить... Ну там, голова кружится, мурашки по коже, сердцебиение, слабость во всем теле, дыхание останавливается.

Пич неожиданно расхохоталась, звонко и заливисто хлопая себя по коленям.

– Ой, я не могу с тебя, Джимми! По твоим описаниям это скорее какие-то симптомы отравления выходят, чем возбуждения. Остается только тошноту со рвотой и поносом добавить, и самое оно! – темнокожая девушка продолжала сме-

яться, мотая головой и утирая слезы. – Где ты этих книжек с описаниями набрала? В сети?

– Нет, – смущенно ответила Эмма. – На чердаке в отцовском доме. Он сказал, что они его матери. Там еще на каждой обложке мужчины и женщины целуются.

– Голые, надеюсь? – Пич наконец вроде успокоилась.

– Нет, конечно!

– Все ясно с тобой! Короче, о сексе у тебя, как я посмотрю, нормальных познаний нет, – припечатала подруга.

– Пич, я же не в каменном веке выросла. Все я знаю... о самом процессе. Теоретически.

– Да неужто втихаря порнушку смотрела? – ехидно прищурилась темнокожая девушка.

Эмма выкатила на Пич испуганные глаза.

– Понятно. Тяжелый случай. Ну ладно, в сторону все это. Ты мне лучше скажи, симптомы-то с Михеем были?

Эмма смутилась и стала опять нервно теревить покрывало.

– И да, и нет.

– Это как может быть?

– Ну, мурашки были, но... Мне кажется, совсем не такие, как нужно. Уж скорее какие-то чертовы здоровенные противные тараканы. Наверное, я какая-то неправильная, – пробормотала Эмма.

На самом деле в тех романах, которые она читала, стоило герою обнять и поцеловать героиню, и та тут же стано-

вилась «расплавленным воском, сгорающим в пламени страсти». Вот прямо минуту назад терпеть героя не могла, а стало прижать покрепче, и куда все мозги сразу девались. Но Михай прижимал, еще как прижимал, но что-то Эмма не почувствовала не только того, чтобы что-то там расплавилось. Да, собственно, нигде даже не потеплело. Скорее уж наоборот.

– Дурочка ты, Джимми. Ничего в тебе нет неправильного. Просто Михай не тот мужчина.

– В смысле?

– В прямом. Неправильный мужик, не та обстановка, неподходящее место. Джимми, возбуждение – это ведь не тот процесс, который просто так включается, если тебя любой смазливый придурок станет ласкать в нужных местах. У парней с этим гораздо проще. А у нас, понимаешь ли, с этим все замороченней. Особенно в первый раз, когда нет опыта, и чего и ожидать-то не знаешь. Но есть одна важная вещь. Если, когда ты просто смотришь на мужчину, у тебя не щелкает что-то здесь и здесь, – Пич настойчиво ткнула пальцем в лоб и в грудь Эмме, – то не стоит надеяться на то, что, если ты позволишь ему лапать себя достаточно долго, что-то может измениться. Он должен тебе хотя бы нравиться, быть приятным, не вызывать отторжения. Хотя есть среди нас и те, кому нравятся все без разбора. Ну, ты видела Флеш. Для нее любой, у кого на нее встанет, достаточно хорош. А ты ведь у нас, как ни крути, похоже, романтическая натура.

– С чего это ты взяла? – тут же ошетибилась Эмма.

– Да не напрягайся ты опять! Это неплохо... В принципе. Просто в таком месте, как это, может стать проблемой. Связь на одну, две ночи явно не для тебя, Джимми. А по поводу долгосрочных отношений в тех условиях, что мы существуем, я тебе уже говорила. Может, для тебя действительно лучшее решение – завести нормального парня снаружи?

– А может быть, мое первоначальное желание не замораживаться ни на что вообще самое удачное?

– Может и так, Джимми, – задумчиво сказала Пич. – Каждый из нас ищет свой способ уберечь свою душу от ран и боли.

– Давай поговорим о чем-то другом, Пич? – попросила Эмма. – А то как-то все это отстойно и грустно!

– Да ради бога! – покладисто согласилась Пич. – О чем будем болтать?

– Я уже давно хотела спросить. Просто не знаю, насколько это уместно. Короче, там, на задании, когда вы с Киром одновременно укусили этого демона... Зачем? Разве нет других методов?

– Думаешь, мне приятно тащить в рот всякую гадость? – усмехнулась Пич. – Есть, конечно, у нас с собой и шокеры. Но они действуют не всегда и не на всех. Да ты и сама видела, тупо иногда на их применение не остается времени. А мой яд – нейротоксин, и он, к сожалению, разрушается на воздухе буквально за секунды. Его нельзя хранить или приме-

нять удаленно. В чистом виде он способен убить кого угодно за пару минут. Но в сочетании с ядом Кира при одновременном введении он действует как парализатор длительного действия на абсолютно все виды демонов, кроме разве что высших. Но с такими нам, слава богу, сталкиваться еще ни разу не случалось. Скорее всего, при такой встрече никто бы из нас не выжил.

– Так выходит, что мой первый день здесь вполне мог стать и последним, когда ты разозлилась на меня. Я, типа, Сейму жизнью обязана?

– Ну, как бы тебя это ни злило, то уже вообще-то дважды, – пожала плечами Пич. – Не уверена, что я бы тогда зашла так далеко, чтобы убить тебя, но тот демон точно не собирался поймать тебя для взаимного удовольствия. Так что, может, забьешь на его сегодняшний финт? Даже обычные мужики иногда странные. А что же говорить о здешних. Знаешь, быть наполовину монстром не так уж прикольно и романтично, как в кино показывают. Никогда не нужно забывать, что человек ты тоже только наполовину, и далеко не всегда эта половина главная.

– Ну, на самом деле выхода-то особого у меня нет, – тяжело вздохнула Эмма. – Нам ведь служить дальше. Так что придется смириться с тем, что я его так выбешиваю.

В этот момент в дверь снова постучали, но в этот раз громко и решительно.

– Ждешь кого-то? – удивилась Пич.

– Да нет.

Эмма подошла босиком к двери и распахнула ее. Сеймас замер в проеме, почти полностью загораясь его своими широкими плечами.

– Нужно поговорить, – сказал он, спокойно входя внутрь, словно и не орал на нее какой-то час назад. – Пич, можешь нас оставить?

– Слушай, Сейм. Может, не стоит... – начала темнокожая девушка.

– Пич! – В одном слове было столько властного приказа, что девушка и не пыталась больше возражать. Просто встала, ободряюще кивнула Эмме и вышла.

Сейм плотно закрыл за ней дверь и повернулся к Эмме, замершей посреди комнаты в ожидании очередной его гневной отповеди. Мужчина смотрел исподлобья и молчал, будто это ей самой нужно было начать разговор. Но она не собиралась этого делать и упрямо уставилась себе под ноги, не готовая встретить снова этот злой взгляд. Сам факт присутствия лейтенанта словно вытеснял из и так не слишком большой комнаты воздух и стремительно повышал температуру. Эмме даже стало казаться, что пол под ее босыми ступнями стал нагреваться. На крошечный миг она испугалась, что на них двоих не хватит в этом замкнутом пространстве кислорода, если они так и продолжат стоять и молчать. Даже избегая взгляда Сейма, Эмма не могла избавиться от совершенно отчетливого его давления, реального прикосновения по-

всюду к ее телу. И от этого по коже будто шла мелкая обжигающая рябь, которая рождалась на поверхности, но с каждой секундой все больше пробиралась вглубь. И самое поразительное, что это ощущение при всей непривычности не было ни пугающим, ни неприятным. Страшило другое. То, что Эмма испытывала, шло по нарастающей, и, значит, по всем законам вселенной в какой-то момент может случиться перебор. И какая-то глубоко первобытная часть ее сознания шептала, что это будет не просто перебор, а гигантский взрыв. Выдержки Эммы не хватило больше терпеть усиливающееся напряжение, и она вскинула голову, решаясь смело встретить гнев мужчины своим собственным. Но едва не отшатнулась, натолкнувшись снова на ту самую, темную, затягивающую бездну, что обратила ее в легкую щепку, неминуемо утаскиваемую в огромный океанский водоворот. И никакая сила в мире не может остановить это вращение в ее голове, что, все ускоряясь, волочит ее к краю.

У девушки вырвался прерывистый всхлип, и этот звук был точно выстрел в оглушающей тишине комнаты. Сейм резко повернул голову, разрывая жгуты этой гравитации, и Эмма почувствовала себя словно вынырывающей с глубины. И тут же гнев вернулся. С какой стати этот мужчина так на нее действует? Желание обороняться было как удар хлыста, приводящий в чувство с помощью обжигающей боли.

– Если ты пришел... – начала Эмма, стиснув кулаки.

– Я пришел извиниться, – низкий хриплый голос лейте-

нанта прервал девушку, мгновенно заставляя забыть то, что хотела сказать.

– Что? – Ее собственное горло почему-то смогло произвести только какой-то жалкий писк.

– Я пришел извиниться за то, что был груб с тобой сегодня. Я, конечно, твой командир, но это не дает мне права вести себя так, как сегодня. Просто был... неудачный момент.

Эмма уставилась на профиль этого огромного мужчины, который упорно смотрел в стену и хмурил густые брови. Что ему ответить, она просто не знала. Сеймас же резко выдохнул, и Эмма увидела, как несколько раз дернулся его кадык, когда он сглатывал. Это движение мощного горла будто приковало ее глаза, и только когда лейтенант продолжил, девушка смогла перевести взгляд на его рот.

– Просто мне показалось, что тебе не слишком нравится, что этот засранец жметя к тебе. Но если я ошибся... – нижняя челюсть мужчины на секунду напряглась, а желваки резко обозначились. – Если я прервал ваши, мать их, заигрывания, то прошу прощения. Все, что происходит по согласию, ни хрена не касается меня.

Последние слова Сейм практически выплюнул и, повернув голову, полоснул по Эмме взглядом, будто хотел вскрыть и узнать, прав он или не прав в своих, только ему известных, предположениях на ее счет. Эмма по-прежнему продолжала молчать, потому что волны исходящей от Сейма злости были совершенно ощутимы и метались в тесной комнате, мно-

гократно отражаясь от стен. Если лейтенант так взбешен, то зачем явился с этими странными извинениями? Перед ней еще никогда не извинялся мужчина, может, это в порядке вещей для них – так злиться в процессе? Так, словно, тронь Сейма пальцем, и он рванет, отхватывая ей руки. Так может, лучше уж помолчать, не давая новых поводов для взрыва? Не дождавшись от нее реакции, лейтенант опять глубоко вдохнул, отчего его мощная грудь расширилась и, немного задержав дыхание, шумно выдохнул, явно собираясь с мыслями.

– Я знаю, что это ни черта не мое дело, но ты должна знать, на что идешь, связываясь с таким, как этот... Михей. Так как я твой непосредственный командир, я читал твой личный файл и знаю, что ты... у тебя... нет опыта в этом вопросе. – Сеймас опустил голову и стал нервно мять переносицу.

«Нет опыта в этом вопросе». Когда через секунду до Эммы дошло, о чем он говорит, удушливый стыд сковал ее легкие, а кровь с такой силой ударила в голову, что, казалось, должна хлынуть потоком изо рта и носа. Она захотела, чтобы пол под ней разверзся, или случилось чудо телепортации, и она исчезла отсюда.

– Просто ты должна осознавать, что, появившись здесь в уже устоявшемся коллективе, привлекаешь повышенное внимание парней самым фактом новизны, – продолжил мужчина, по-прежнему упорно глядя в сторону. – Так что любой из них сейчас будет преследовать тебя, в надежде оказаться первым, кто заполучит.

Обида сжала грудь Эммы. На что это он намекает? Что ею могут заинтересоваться парни только потому, что она пока новенькая блестящая игрушка? Просто что-то, что они еще и не пробовали? И больше ни по какой причине? На его взгляд она больше ничем, кроме новизны, и не привлекательна? Кулаки опять сжались сами собой от отчаянного желания врезать этому здоровенному чурбану.

– Что ты пытаешься мне сказать? – еле сдерживаясь, процедила сквозь зубы Эмма.

– Я пытаюсь тебя предостеречь от необдуманных поступков. Ты... ты совершенно не знаешь мужчин. А они... то есть мы можем быть еще теми подлыми и бесчувственными засранцами. – О, вот тут Эмма была с СС сейчас полностью согласна. – И то, что ты по неопытности можешь принять за серьезное увлечение со стороны парня, может оказаться просто желанием сиюминутной победы.

Пальцы Сеймаса на его переносице сжались так сильно, что Эмме показалось, что он ее сейчас себе сломает. Но из-за его слов у нее возникло устойчивое желание оставить за собой это удовольствие.

– Как бы там ни было, – яростно прошипела она, – в одном ты совершенно прав. Неважно, хочу ли я просто однократно с кем-то переспать или желаю более серьезных отношений – это ни в коей мере тебя не касается. Ты мне не отец и не старший брат, чтобы лекции о морали читать и предостережениями озадачивать!

Сеймас вскинул голову, и из его карих глаз на Эмму обрушилась настоящая взрывная волна, заставляющая невольно попятиться прочь. И без того жесткие черты лица лейтенанта исказились, становясь маской безжалостного хищника. И этот самый хищник сейчас надвигался на Эмму, неумолимо демонстрируя каждым движением, что ей не спастись, и даже не стоит и пытаться. Спина девушки вжалась в стену, однозначно давая понять, что отступить больше некуда. А в следующую секунду Сейм навис над ней – огромный, дико пугающий и неизбежный, как сама смерть, что рано или поздно приходит к любому. Он окружил ее своей мощью, буквально отрезая от всего остального мира, вынуждая вдыхать собственный головокружительный запах вместо кислорода. Между ними остались считанные сантиметры и слои их одежды, но жар тела Сейма был таким сокрушающим, что Эмме казалось, что они обнажены, и мужчина касается каждого нервного окончания в ее теле. Его плечи сгорбились, и он опустил голову, наклоняясь к самому уху девушки. Отбирая последние крохи свободного от него пространства.

– Ты права, дело-то не мое. Но, хочешь, скажу тебе, как все будет? – и снова в его голосе глубинные незнакомые вибрации, говорящие о степени гнева и еще чего-то. Чего?

– Это смазливый говнюк будет увиваться вокруг тебя и петь сладкие песни. Будет целовать тебя, ласкать, уговаривать... – Вместо слов почти сплошное низкое рычание, которое, касаясь разума Эммы, рождало невозможные картины.

Большое мужское тело, трущееся об нее, моля каждым движением о близости... Руки, скользящие по ее коже то медленно, то лихорадочно, стремясь захватить все и сразу... Губы, оставляющие ожоги в любом месте, где бы ни коснулись. Те самые губы, в которые она уперлась ошалевшим взглядом прямо сейчас...

– Он будет делать это, пока ты не позволишь опрокинуть себя на спину и не раздвинешь для него свои сладкие ножки... – донеслось до нее как из другого измерения. – Не позволишь войти в свое тело... Погрузиться в тебя до упора... Трахать тебя как одержимому... – дыхание, обжигающее кожу, становилось все резче, и ее собственное начало вторить, подстраиваясь, ловя ритм. Рычащие нотки стали изменяться, растягиваться, прокатываясь внутри потрясающей истомой обещания и такого нового для Эммы чувства предвкушения. – Он будет пить тебя... пробовать на вкус... жадно заглатывать... наслаждаться каждым малейшим скольжением... Врываться так глубоко и так часто, что ты перестанешь понимать, что вы два разных человека...

Рычание окончательно стало прерывистым, лишаящим ощущения реальности шепотом. Сжигающим, полным непереносимой потребности и первобытной неутолимой жажды. Сладкая боль, зародившаяся в груди Эммы, стекла тягучей мукой вниз, скручивая живот властным спазмом. Стон, не удержавшись, рванул из девушки, и этот звук расколол окруживший их раскаленный кокон. Он резанул по созна-

нию мощной сиреной, сигнализирующей, что они ступили в запретную зону. Сейм отшатнулся от Эммы и попятился, тяжело дыша и мечась по комнате взглядом, как будто срочно нуждался в помощи. Но это секундное замешательство исчезло под волной злости, что смыла с его лица все напоминания о чем бы то ни было ином. Верхняя губа дернулась в яростном оскале, искажая его лицо.

– Да, черт возьми, – зарычал мужчина, отступая к двери. – Этот ублюдок будет наслаждаться каждой минутой происходящего. А тебе будет больно! Пока он будет кайфовать, засовывая в тебя свой член, ты будешь лежать и терпеть! А потом, когда вы закончите, он расскажет каждую мельчайшую подробность любому, кто захочет послушать. Каждый желающий сможет обсмаковать детали того, что между вами случилось. А еще, обнаружив, что ты была девственницей, он будет размахивать доказательством этого, демонстрируя всем, какой он везучий сукин сын! Но ты права! Мне ни хрена до этого нет никакого дела!

Дверь за СС захлопнулась с таким грохотом, что поразительно, как вообще тут же не вывалилась вместе с рамой. А Эмма стояла, по-прежнему прижавшись к стене, потому что боялась упасть, с дрожащими конечностями и пересохшим от бешеного дыхания горлом. Стояла и, глядя на дверь, спрашивала себя, что, черт возьми, сейчас было?

Глава 11

– Итак, новые вводные, бойцы, – майор Дейо стоял перед их группой, широко расставив ноги и заложив руки за спину, демонстрируя богатырский разворот плеч. – Вам предстоит совместная операция с «морскими котиками». Для всех заявлена антитеррористическая акция, но у нас, как всегда, собственный интерес.

– Как же я, млин, «люблю» эти совместные акции, – недовольно пробормотал Кирос. – Прямо весь горю в нетерпении.

Судя по кислым лицам членов группы, Эмма поняла, что все, кроме лейтенанта, не в восторге от перспективы. Только Сеймас сохранил обычное бесстрастное выражение, которое не покидало его все эти четыре дня, прошедшие с той странной вспышки в ее комнате. Они снова вернулись к формату отношений «СС игнорирует Эмму» и перекидывались максимум парой слов во время тренировок и то строго по необходимости. Эмма тоже сама не нарывалась на общение, не придя к мнению, как относиться к случившемуся. Михей да же не попадался на глаза, и девушка гадала, что тому причиной: его оскорбленное самолюбие, или он и правда в этот раз испугался Сейма. С Пич они также не обсуждали ту ситуацию, и единственное, что подруга спросила у Эммы, – это в порядке ли она после беседы с СС. Когда Эмма ответила, что все нормально, Пич внимательно посмотрела на нее, словно

ожидая какого-то продолжения или признания, но, так и не дождавшись, только молча кивнула.

– К сожалению, эти чувства абсолютно взаимны, – продолжил майор Дейо инструктаж. – Котики тоже просто безмерно «рады» нашему участию. Но я надеюсь, что и вы, и они сумеете сохранить отношения в чисто профессиональном формате в этот раз, и все останутся целы.

Эмме было интересно, чем все заканчивалось в прежние «разы», но сейчас явно неподходящее время любопытствовать. Хотя, вспомнив ситуацию в баре, она могла себе представить.

– Пусть не вякают, тогда и останутся, – пробурчал Сидда.

– Боец Сидда, у меня на столе рапорт с вашего и их прошлого... мм-м... взаимодействия, и там указано, что конфликт спровоцировали как раз вы с Брантом, – без особого осуждения отметил майор.

– Прошу прощения, майор, но с каких пор говорить правду, как она, родимая, есть, в глаза, называется «провоцировать конфликт»? – Сидда поднял брови, изображая почти искреннее удивление.

Пич, Кирос и Брант фыркнули, давая смех, Сеймас отвернулся в сторону, стараясь сохранить невозмутимость, а Эмма наблюдала за всеми с любопытством. Все-таки у этих людей была давняя совместная история, включающая в себя массу событий и приключений, к которым она не имела отношения, и потому частенько просто ощущала себя кем-то,

подглядывающим со стороны.

– Как бы то ни было, в этот раз никаких эксцессов быть не должно. И это приказ! – уже совершенно без намека на юмор сказал майор Дейо. – В противном случае, если мне опять придется отписываться от их командования, последуют репрессивные меры. Я достаточно внятно выражаюсь, бойцы?

– Абсолютно, сэр, – отчеканил Сейм. – Гарантирую порядок. Конечно, при отсутствии провокаций.

– Ладно, вернемся к обсуждению задания, – отмахнулся Дейо, и Эмма поняла, что строгости он наводил просто для проформы и тема конфликтов между его бойцами и другими армейскими спецками весьма мало его волновала. Майор повернулся к большому экрану за спиной и вывел на него изображение бородатого мужчины. У него было довольно худое лицо с немного впалыми щеками, резкими, угловатыми чертами, и блеск глаз, демонстрирующий некую степень нездоровой экзальтации.

– Господа и дамы, знакомьтесь те, кто пока не узнал. Перед вами некто Рабах Насим, более известный как Рабах Неуловимый. Глава террористической организации, создающей на данный момент максимальное количество проблем как нашему правительству, так и большинству наших стран-союзников, – майор сменил несколько фото, показывающих бородатого в разных ракурсах.

– Да кто же его не знает, если его морда лица чуть ли не чаще президента мелькает в новостях, – скривился Кирос.

– Тут вы правы. Вот уже пять лет этот засранец является головной болью для наших вояк, пытающихся его поймать или просто уничтожить. Но, несмотря на десятки операций и постоянную слежку, ему пока удается ускользать. И благодаря этой своей легендарной неуловимости он привлекает массу сторонников, которые верят, что он некий посланник небес и творит истинно справедливые и великие дела, раз высшие силы спасают его раз за разом. Вряд ли стоит упоминать, что на самом деле он занимается тем же, чем и остальные подобные ему уроды. Торговля оружием и людьми, шантаж, похищения, вымогательство. К тому же с некоторых пор он возомнил себя политически значимой личностью. А буквально вчера он обнаглел настолько, что поставил прямой ультиматум нашему правительству. В чем он состоит – нас не посвятили, да и, собственно, оно нам и не нужно. Вопрос в другом. В течение двух суток мы должны изловить урода и представить его, наконец, общественности живого или мертвого, дабы снять панические настроения. Иначе же нам дали понять, что всем реально не поздоровится.

– Очень интересно. Эти спецы криворукие ловили его пять лет, а нам на это выделили аж целых два дня? Да еще и они же у нас под ногами путаться будут? – возмущенно взмахнул руками Брант. – Как мы должны это сделать?

– Я еще не закончил, боец Брант. Посмотрите сюда, – майор включил запись, как Эмма поняла, видеорегистрацию непосредственно операции спецназа.

Запись велась с удаленного места и запечатлела, как из остановившейся машины выбрался Рабах Насим и огляделся вокруг. Рядом с его джипом также стоял джип охраны, из которого вышли еще пятеро мужчин с оружием. Охрана осталась снаружи, а Рабах вошел внутрь. Дальше запись перешла в тепловой формат, и те, кто снимал, стали приближаться к месту. Тепловая съемка отчетливо демонстрировала, что Рабах – единственный живой объект в пределах дома. Охрана оставалась в относительной неподвижности, но снаружи. Затем последовала атака. Буквально через пару минут обычной суеты и отрывистых команд, оперативники с камерой ворвались в дом. В помещении, служившем спальней, они застали только обнаженную женщину, с первых минут оглушившую всех истерическими воплями и причитаниями.

– Погодите-ка, – пробормотал Кирос. – Если приборы показали, что Рабах был в доме один, откуда эта баба там взялась?

– А вот в том-то и вопрос, бойцы. Это один из наглядных примеров. Но именно так и заканчивалась каждая операция по его задержанию. Ловили его пособников, освобождали пленников, но сам Рабах каждый раз проскальзывал. Спецы накрывали места, где он останавливался, причем абсолютно точно, но каждый раз находили кого угодно, кроме него.

– Но, может, эти котики – натуральные лохи и в упор его не замечали? – фыркнул Сидда.

– Ага, или он на самом деле и есть баба! – поддержал его Брант.

– Это исключено, и совершенно не повод для веселья, – нахмурился майор.

– Демон, – пророкотал молчавший до сих пор Сейм. – Хамелеон. Или перевертыш.

– Да, после изучения всех записей научный отдел тоже пришел к такому выводу и крайне заинтересовался. Мы сталкивались с деятельностью подобных демонов, но ни один не был пойман. Слишком уж легко им удастся затеряться, и опознать их почти не представляется возможным.

– Ладно, это все хорошо. Но что мы-то можем сделать? – нахмурился лейтенант.

– А вот тут наши ученые предложили использовать Джими. Собственно, ваше непосредственное задание будет состоять в том, чтобы изловить и привезти на нашу базу того, на кого укажет она, независимо от того, как этот человек или даже животное будут выглядеть. Это в идеале. Если не удастся взять живьем, то нужно уничтожить, а после предъявления СМИ опять же доставить для исследований. Котики пусть занимаются оружием, заложниками, его прихлебателями и всем прочим. Ваша задача только сам Рабах.

– Но погодите! – возразила Эмма, наконец понявшая, о чем речь. – Я же говорила, что никогда не пользовалась своими способностями для поиска живых объектов!

– Ну вот, самое время начать их для этого использовать! –

нахмурился майор.

– Но, кто сказал, что у меня получится? – Эмма, оробев, посмотрела на свою группу в поисках поддержки. – Что, если у меня не выйдет, и я всех подведу? Я могу искать вещи только по описанию, но... черт. Это же не вещь. И я даже никогда не видела его вживую!

Девушке с большим трудом удавалось скрыть, как задрожали у нее руки из-за страха провала операции подобного масштаба.

– Джимми! – голос лейтенанта был низким и тяжелым и в то же время неожиданно создавал внутри ощущение какой-то нерушимой опоры. – Ты справишься. Ты увидела ведь демона тогда в лаборатории. Сможешь найти и этого. Тем более, как я понимаю, никаких других решений у этих вояк нет. Верно, сэр?

– Ну, да, – не слишком охотно признался майор Дейо. – На самом деле они не слишком и в этот раз надеются на успех. Это просто наше командование решило выпендриться перед другими и предложило участие Джимми и всей вашей группы. Так что если вы не справитесь, то, само собой, страдает их имидж и самолюбие, что реально хуже. И, понятное дело, последуют меры. И потому... если есть хоть малейшая возможность выполнить это задание, то, прошу тебя, Джимми, сделай это.

– Неужели вы думаете, что, если вы меня попросите, я смогу сделать, то чего просто не умею? – возмутилась де-

вушка.

– Я просто верю в тебя, девочка. Ты его найдешь и ткнешь пальцем, а остальные изыщут способ поймать или прикончить. Мы предъявим Рабаха всему миру в наручниках или мертвым. Или мы окажемся в реальной заднице. Установку я вам дал и оставляю обсуждать подробности. Вылет на базу «котиков» сегодня в 18:00.

Майор нервно хлопнул себя по бокам, одаривая их нарочито уверенной улыбкой, и быстро покинул кабинет. Лейтенант же поднялся, чтобы занять его место.

– Итак, сейчас просматриваем все материалы, а потом идем снаряжаться, – сказал он и повел плечами, разминая их.

– Командир, сэр, я по-прежнему не уверена, что могу выполнить это задание, и настаиваю, чтобы это было доведено до командования, – подрагивающим голосом официально обратилась Эмма.

– А я думаю, что ты легко с ним справишься, боец. Мы все тут в тебя верим. Просто найди его и покажи. Дальше уже наша забота.

– Да, мелкая! – подтвердила Пич. – Я не знаю никого, кто умел бы то же, что и ты. Так что, думаю, найти этого бородатого мудака, даже если он, мать его, ослом прикинется, для тебя как два пальца об асфальт!

– Точно, маленькая птичка! Не мандражируй! – подмигнул Эмме Кирос. – В конце концов, без тебя его поймать вообще без вариантов! Но даже если и не выйдет, то не беда.

Ну, пропишут нам пилулей электроплетью, ну и делов-то! Нам не привыкать!

– Забей, пичуга! Все у тебя получится! Ты же у нас единственная в своем роде! Но даже если и нет, мы хоть душу отведем, когда будем над этими спецами глумиться, – довольно ухмыльнулся Сидда. – Нам с братом это дело прямо в кайф!

Эмма переводила взгляд с одного на другого и с удивлением обнаруживала поддержку и уверенность в ее силах в каждом взгляде. Обернувшись к Сейму, встретила пристальный взгляд, в котором впервые за эти дни не было ни ярости, ни холода, ни полного игнора.

– Как видишь, мы верим в тебя, Джимми. Ты наша отмычка и секретный компас. Так что сделаешь, что можешь, а мы тебя прикроем, – спокойно сказал мужчина, глядя на Эмму с чем-то очень сильно похожим на настоящую теплоту.

– Давайте глянем, что наши заучки дают нам по хамелеонам, – Сеймас переключал что-то, выводя информацию на экран. – Исследовать таких существ возможностей у них не было, поэтому все эти писульки делим надвое, бойцы. Могут быть сюрпризы. Понятно, что неприятные. Так, смотри, Джимми, они предполагают, что те не меняют форму в реале, а просто накидывают личину. Это подтверждает то, что тебе должно быть под силу рассмотреть за завесой истинный вид. Ты меня понимаешь, Джимми?

Эмма кивнула, сосредоточиваясь. Если все так, как говорит лейтенант, то у нее есть шанс справиться. Если она ори-

ентирует себя не на живой объект, а на сам факт существования скрывающей магии-завесы, то, вполне возможно, с легкостью ее рассмотрит.

– Думаю, что после этого задания нам нужно всерьез заняться выяснением, можешь ли ты действительно находить конкретные живые объекты или нет, – Сеймас говорил так, словно делал себе умственную заметку.

А Эмма пометила для себя, что по этому поводу она должна поговорить с отцом. Его предупреждение не раскрывать все способности максимально все еще тревожило ее.

После окончательного обсуждения всех подробностей операции они, не мешкая, отравились в оружейку, так как до вылета оставалось совсем немного времени. В этот раз снаряжением Эммы занимался лично лейтенант, перебирая и смазывая каждую мельчайшую деталь. Он, нахмурившись, проверял все – от защиты и до последнего прибора. Эмме было немного обидно из-за того, что он столь подчеркнуто не доверял ей в этом вопросе, и от того, что остальные откровенно ухмылялись, наблюдая за этим процессом, но возражать явно было не вариант.

– Собирайтесь с учетом того, что мы проведем, возможно, несколько дней вне базы. Так что не забывайте то, что для вас важно, – напомнил Сейм.

– Ага, не забудьте прихватить тампоны, девочки, – фыркнула Пич, глядя на Киросу и братьев. – А то вдруг критические дни.

– Боже, а я прокладками пользуюсь! – писклявым голосом отозвался Кирос. – Это так неудобно в походных условиях! Как думаешь, если у меня они закончатся, я у этих морских котиков одолжить смогу, или они зажмут?

Эмма почувствовала, что опять краснеет, в то время, как бойцы продолжали хохмить, развивая эту тему, пока Сейм на них не рыкнул. Этот аспект в жизни был весьма смущающим еще и из-за того, что тех самых критических дней у нее пока никогда не случалось, после единственного раза, когда ей было тринадцать. Тогда отец принес и велел ей ежедневно пить таблетки, и с тех пор это больше не повторялось. Из сведений, почерпнутых из литературы, она знала, что это не слишком-то нормально, но обсуждать это даже с докторами на медосмотрах стеснялась. А о самих таблетках отец запретил рассказывать кому бы то ни было. Просто Эмма тешила себя надеждой, что однажды все наладится, и она сможет себя чувствовать полноценной.

Летели они несколько часов, и Эмма, устав смотреть на дремлющих бойцов напротив, незаметно заснула сама. Геликоптер встряхнуло, и она, очнувшись, обнаружила, что с комфортом расположила голову на мощном плече Сейма. Мало того, она явно ощущала дыхание лейтенанта в своих волосах, и мужчина вдыхал глубоко, словно желал наполнить ее запахом свои легкие без остатка. Эмма замерла, боясь даже шелохнуться. Всю сонливость моментально смыло волной жара, от которого внутренности девушки обрати-

лись в горячий густой мед. С каждым обжигающим выдохом Сейма, скользящим по коже Эммы, пространство вокруг них словно скачками сжималось, уничтожая и так отсутствующее между ними расстояние. Транспорт опять тряхнуло, и они оба вздрогнули, одновременно отстраняясь. Эмма смотрела в сторону, старательно делая вид, будто только что проснулась и не заметила, где только что располагалась ее голова. Скосив осторожно глаза на лейтенанта, девушка увидела только его застывший скульптурный профиль и ни единого признака хоть какой-то эмоции. Ее взгляд метнулся вокруг и вдруг натолкнулся на открытые глаза Кирса. Он хоть и сидел, не меняя позы и привалившись к переборке, как спал до этого, но смотрел в их сторону взглядом, в котором не было признаков сонливости. Эмма вспыхнула и отвернулась.

Высаживались они уже в темноте на посадочной полосе огромного корабля. Прямо перед трапом их встретил высокий мужчина в камуфляже с погонами майора, чье лицо не являло признаков радости. Он был ростом не меньше близнецов, только выглядел немного суше, как настоящий стремительный гепард по сравнению с вальяжными леопардами. Эмма внутренне усмехнулась такому сравнению. Тогда Пич получалась черная, смертельно опасная и при этом изящная пантера, а Кир – роскошный, притягивающий восхищенные взгляды барс. Покосившись на Сейма, она едва не хмыкнула, решив, что он-то вполне тянет на древнего саблезубого тиг-

ра. Стальная машина убийства в роскошной, гладкой шкуре. Ну, а она по сравнению с ними со всеми просто домашняя кошка, затерявшаяся в толпе настоящих устрашающих хищников. Сейм сухо представился сам и представил остальных.

– Я майор Эйден Харрис, – представился «гепард», и Эмма не могла не заметить, как его взгляд чуть задержался на Пич. – Я покажу вам, где вас разместили. Сегодня вы отдыхаете, а уже завтра на рассвете я посвящу вас в основной план операции и озвучу отведенную вам роль.

– Прошу прощения, майор, – бесцеремонно прервал его Сеймас. – Но у нас своя задача и собственный план действий. Я и мои люди не подчиняются ничьим приказам, кроме собственного командования.

Харрис впился взглядом в Сейма, и с минуту они мерялись их силой. Угроза и напряжение буквально заставили воздух дрожать между этими двумя доминирующими самцами. Ни один не уступил, и Эмма решила, что это означает ничью и что оба мужчины достаточно сильны морально. Рядом хмыкнула Пич, и Эмма заметила, что подруга смотрит на «гепарда» с откровенным любопытством.

– Я прекрасно осведомлен о ваших приоритетах, лейтенант, – без всяких эмоций отчеканил Харрис. – Но я должен быть уверен, что пока вы находитесь на МОЕЙ территории и участвуете в МОЕЙ операции, вы хотя бы не будете мешать моим спецам делать свою работу. Поэтому вы будете координировать со мной каждый свой шаг. Иначе я буду настаи-

вать на отмене вашего участия.

– Можете попробовать, – усмехнулся Сейм.

– Благодарю, что великодушно оставляете за мной это право, – прищурился в ответ Харрис и кивнул. – А теперь следуйте за мной, бойцы.

– А этот майор ничего так, – прошептала Пич у самого уха Эммы, когда они пошли за мужчинами. – Обычно все готовы обоссаться от такого взгляда Сейма, а этот даже не дернулся.

Эмма посмотрела на Пич, уже сверлившую спину майора пристальным взглядом, в котором читался откровенный интерес и даже голод.

Им отвели одну большую каюту на всех с двухъярусными койками. Пока Эмма озиралась, нижние места были расхвачены остальными.

– Иди ко мне на второй этаж, маленькая птичка! – позвал Кирос, поигрывая светлыми бровями. – Буду во сне наслаждаться твоим сладеньким запахом.

Но Эмма, покачав головой, пошла к Пич. Едва они расположились, темнокожая девушка предложила пойти чего-нибудь перекусить.

– Идея сталкиваться с этими говнюками, котиками, меня не радует, но пожрать и правда нужно. Потому что потом бог его знает, когда придется, – согласился Брант.

Оставив вооружение и защиту, они заперли каюту и пошли искать камбуз. Выйдя в одно из больших помещений, неожиданно столкнулись с десятком десантников, оживлен-

но о чем-то беседующих. Увидев их, те сразу же переключили свое внимание на их группу. Пристальные, оценивающие силу взгляды разобрали каждого.

— О, надо же, к нам опять прислали этих фриков! — ехидно заметил один спецназовец. — В командовании считают, что здесь есть место для передвижного зверинца?

Брант тихо зарычал, а Сейм, сохраняя полное спокойствие, сказал:

— Вы помните указания Дейо? Малышей в этот раз не обижать, — и он меланхолично продолжил движение.

— И кто это тут малыш? — выпятил вперед грудь начавший перепалку котик.

— Не кто, а у кого, — фыркнула Пич, проходясь по оппонентам презрительным взглядом.

— Ты уверена? Хочешь, могу продемонстрировать, что во мне нет ничего маленького, крошка-шоколадка! — высокомерно ответил другой десантник.

— Ой, не стоит! Я свой карманный микроскоп в этот раз дома забыла!

— Поверь, чтобы орать подо мной от оргазма тебе никакие другие предметы не понадобятся, — огрызнулся парень. — Дай мне шанс, и будешь вспоминать эту ночь со слезами на глазах.

Они уже почти миновали компанию, поэтому слова летели в спину Пич.

— Даже не сомневаюсь. А слезы будут от бездарно потра-

ченного времени, когда ты сднешся раньше, чем я толком разогреюсь, малыш, – бросила через плечо Пич.

Они ели в большой общей столовой, и на них отовсюду бросали недружелюбные взгляды и отпускали шуточки на грани откровенных провокаций. Пару раз Кирос и близнецы порывались ответить, но мрачный взгляд Сеймаса останавливал их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.